

Учредитель – Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ

TEXT. BOOK. PUBLISHING

Научно-практический журнал

2020

№ 23

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52489 от 21 января 2013 г.)

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 42043

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны
быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой
степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «Текст. Книга. Книгоиздание»

Айзикова Ирина Александровна – главный редактор,
д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета
E-mail: wand2004@mail.ru

Воробьева Татьяна Леонидовна – зам. главного редактора,
канд. филол. наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета

Баль Вера Юрьевна – ответственный секретарь,
канд. филол. наук, ст. преп. кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета

Гридина Татьяна Александровна – д-р филол. наук, зав. кафедрой общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета
Ершов Юрий Михайлович – д-р филол. наук, зав. кафедрой телерадиожурналистики Томского государственного университета

Есипова Валерия Анатольевна – д-р ист. наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета

Жиликова Наталия Вениаминовна – д-р филол. наук, зав. кафедрой теории и практики журналистики Томского государственного университета

Калиткина Галина Васильевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Томского государственного университета

Мароши Валерий Владимирович – д-р филол. наук, профессор кафедры русской литературы и теории литературы Новосибирского государственного педагогического университета

Пугачев Валерий Вениаминович – д-р филол. наук, профессор кафедры русской, зарубежной литературы и издательского дела Башкирского государственного университета

Старикова Галина Николаевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета

Шарафадина Клара Ивановна – д-р филол. наук, профессор кафедры журналистики Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

Шитова Ольга Григорьевна – д-р филол. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Томского политехнического университета

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, сайт <http://journals.tsu.ru/book/>

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

<i>Долгушин Д.В.</i> Учебные периодические издания в «придворной педагогике» М.Н. Муравьева и В.А. Жуковского. Статья первая	5
<i>Пржигоцкий В.А.</i> Очерки и рассказы сборника Н.И. Наумова «Сила солому ломит» в контексте идей чайковцев	22
<i>Ащеулова И.В.</i> Дневник как форма мистификации реальности в романах В. Шарова	43

КНИГА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

<i>Пирогова Е.П.</i> Рукописные книги в составе дворянских библиотек Урала XVIII в.	64
<i>Панина Н.Л.</i> Иллюстрации детских образовательных изданий в России в конце XVIII – начале XIX в.	82
<i>Головкин В.М.</i> Книга в истории идейно-творческого самоопределения российского просветителя Я.В. Абрамова (на материале архивных разысканий). Статья 2. Социально-философские идеи европейских просветителей и социалистов в читательской рецепции Я.В. Абрамова середины 1870-х гг.	100

ВОПРОСЫ КНИГОИЗДАНИЯ

<i>Булдакова Ю.В., Шишкин Д.А.</i> Комикс в России: трансмедийный нарратив и издательские стратегии	115
<i>Плотникова И.Ю., Климова О.В.</i> Теория и практика современной допечатной подготовки вузовских изданий	131
<i>Сибиданов Б.Б.</i> Параметры регионального медиадискурса: субъект, коммуникация, структура контекста	143

РЕЦЕНЗИИ

<i>Киржаева В.П., Осовский О.Е.</i> «Буржуазный читатель» глазами постбуржуазного исследователя: о книге Т.Д. Венедиктовой «Литература как опыт, или “Буржуазный читатель” как культурный герой». М.: Новое литературное обозрение, 2018. 280 с.	158
Сведения об авторах	171
Правила оформления статей	173

CONTENTS

PROBLEMS OF TEXT: THEORY AND PRACTICE

<i>Dolgushin D.V.</i> Educational Periodicals in the “Court Pedagogy” of Mikhail Muravyov and Vasily Zhukovsky. Article One	5
<i>Przhigotskiy V.A.</i> Essays and Short Stories From Nikolai Naumov’s Collection <i>Strength Breaks the Straw</i> in the Context of the Tchaikovsky Ideas	22
<i>Ashcheulova I.V.</i> Diary as a Mystification of Reality in Vladimir Sharov’s Novels	43

BOOK IN CULTURE

<i>Pirogova E.P.</i> Manuscript Books in the Nobility Libraries of the Urals in the 18th Century	64
<i>Panina N.L.</i> Illustrations in Children’s Educational Books in Russia in the Late 17th – Early 19th Centuries	82
<i>Golovko V.M.</i> Books in the History of the Ideological and Creative Self- Determination of the Russian Enlightener Yakov Abramov (Based on Archival Research). Article 2. Social and Philosophical Ideas of European Enlighteners and Socialists in the Reading Reception of Yakov Abramov in the Mid-1870s	100

BOOK PUBLISHING

<i>Buldakova Yu.V., Shishkin D.A.</i> Comics in Russia: Transmedia Narrative and Publishing Strategies	115
<i>Plotnikova I.Yu., Klimova O.V.</i> The Theory and Practice of Modern Prepress of University Publications	131
<i>Sibidanov B.B.</i> Parameters of Regional Media Discourse: Subject, Communicative Situation, Context Structure	143

REVIEWS

<i>Kirzhaeva V.P., Osovskiy O.E.</i> A Bourgeois Reader Through the Eyes of a Post-Bourgeois Researcher: On Tatiana Venediktova’s <i>Literature as an Experience, or a “Bourgeois Reader” as a Cultural Hero</i> . Moscow: New Literary Observer, 2018. 280 p.	158
---	-----

Information About the Authors	171
--	-----

Rules for Article Submission	173
---	-----

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/23062061/23/1

Д.В. Долгушин

УЧЕБНЫЕ ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ В «ПРИДВОРНОЙ ПЕДАГОГИКЕ» М.Н. МУРАВЬЕВА И В.А. ЖУКОВСКОГО. СТАТЬЯ ПЕРВАЯ¹

Аннотация. В статье ставится проблема преемственности между учебными периодическими изданиями В.А. Жуковского («Собиратель», «Муравейник») и М.Н. Муравьева («Обитатель предместия» и связанные с ним «Эмилиевы письма» и «Берновские письма»). Анализируются особенности поэтики трилогии Муравьева. Делаются выводы о наличии в тексте трилогии кружковой семантики (проявившейся, прежде всего, в соотносительности образа Васиньки с личностью вел. кн. Константина Павловича), энциклопедической установки на отображение многообразия универсума (социального, эстетического и природного), преобладании идиллической поэтики, связанной с ослаблением сюжетности, выдвиганием на первый план деревенского топоса, склонностью к визуальной эстетике; об опоре Муравьева на аксиологию «религии сердца» с акцентированными в ней темами добродетели и премудрого устройства природы. Все эти черты свойственны и для педагогических журналов Жуковского, в которых традиции педагогической прозы Муравьева получают дальнейшее развитие.

Ключевые слова: придворная педагогика, сентиментализм, идиллия, цикл прозы, М.Н. Муравьев, В.А. Жуковский, великий князь Константин Павлович, Александр I, Александр II.

В 1829–1831 гг. В.А. Жуковский, исполняя обязанности наставника наследника престола великого князя Александра Николаевича, предпринял издание двух педагогических «полужурналов-полуальманахов» [1. С. 166] «Собиратель» (1829) и «Муравейник» (1831) [2. С. 218–321]. Термин «педагогические» в данном случае

---

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 20-012-00529.

означает не то, что они были адресованы педагогам, а то, что их издание, по замыслу поэта, должно было стать органической частью процесса обучения наследника престола.

Замысел этот осуществился лишь отчасти. Издание «Собирателя» прервалось на втором номере (вероятно, из-за ухудшения отношений Жуковского с царем), «Муравейник» остановился на пятом. Оба журнала печатались «нарочито малым тиражом» («Собиратель» – не более 10–15, а «Муравейник» – не более 40 экземпляров). Предназначались они для очень узкого, преимущественно придворного и детского круга читателей и уже с самого момента своего выхода в свет стали «книжной редкостью» [3. Стлб. 299]. Неудивительно, что долгое время интерес к ним был чисто библиографическим и библиофильским. Но в последнее время ситуация изменилась: вышел целый ряд работ, в которых «Собиратель» и «Муравейник» исследуются с историко-литературной стороны – как неслучайный в литературном процессе 1830-х гг. опыт циклизации поэзии и прозы [4, 5] как важная веха на так и не пройденном до конца Жуковским пути от русской идиллии к русской повести [6].

Задача настоящей статьи – рассмотреть «Собиратель» и «Муравейник» в контексте традиций придворной педагогики конца XVIII – начала XIX в. Связь издательских опытов Жуковского с этим контекстом достаточно очевидна¹ и уже обращала на себя внимание исследователей. Так, А.С. Янушкевич справедливо указал на то, что непосредственным образцом для «Собирателя», скорее всего, послужил сборник И.-Я. Энгеля «Зеркало для князей» («Fürstenspiegel»), состоящий из 35 наставлений «по различным вопросам моральной философии и политики» [7. С. 485], адресованных Энгелем его воспитаннику – будущему прусскому королю Фридриху-Вильгельму III.

Обращение к наследию Энгеля для Жуковского было вполне естественным: поэт увлекался его творчеством. Еще редактируя «Вестник

---

¹ Тем не менее этот контекст не является единственным. Отдельной темой могло бы стать изучение педагогических изданий Жуковского в контексте истории детской и школьной прессы России второй половины XVIII – начала XIX в. (к сравнению с «Собирателем» и «Муравейником» тогда следовало бы привлечь к исследованию «Детское чтение для сердца и разума», а также рукописные и печатные журналы Сухопутного шляхетского корпуса, Московского благородного пансиона, Царскосельского лицея, Нежинской гимназии высших наук и т.д.).

Европы», он поместил туда ряд выдержек из книги Энгеля «Светский философ» [7. С. 484]. «Собиратель», судя по всему, также должен был регулярно пополняться переводами из этого немецкого автора. Фридрих-Вильгельм III доводился родным дедушкой русскому наследнику престола, и использование текстов Энгеля хорошо вписывалось в династические предания царского семейства.

Однако кроме этого прусского прототипа для «Собирателя» и «Муравейника» можно выявить и русские образцы. Их надо искать в педагогической прозе М.Н. Муравьева, на протяжении многих лет преподававшего русскую словесность, русскую историю и нравственную философию великим князьям Александру и Константину Павловичам. Исполняя эту обязанность, Муравьев написал множество прозаических произведений художественно-дидактического характера, которые печатались в Императорской типографии И.Я. Вейтбрехта небольшими тиражами на средства Кабинета Ее Императорского Величества. Таким образом были изданы драматическая сказка «Доброе дитя» (1789), «Опыты истории, письмен и нравоучения» (1796), «Эпохи российской истории» (б.г.), «Историческое изображение России в седьмомнадесять веке» (б.г.), «Нравственные изображения» (1790), «Разговоры мертвых» (1790), «Эмилиевы письма» (б.г.) и т.д. В составленном Г.А. Фафуриным перечне книг, вышедших из типографии Вейтбрехта, учтено 19 изданий М.Н. Муравьева такого рода [8. С. 324, 325, 344]. Этот список не исчерпывающий, так как некоторые из книг, изданных Муравьевым, по-видимому, не сохранились, но и учтенный репертуар впечатляет своим объемом и разнообразием – так что вполне можно согласиться с Л. Росси: «почти вся зрелая проза» М.Н. Муравьева «связана с его педагогической деятельностью» [9. С. 114].

Из всех этих изданий для нашей темы особенно важно одно – «Обитатель предместия, периодические листы» (1790): оно выходило еженедельно (всего увидело свет 10 выпусков – «листов») и в этом смысле представляет собой ближайший аналог придворным педагогическим журналам Жуковского. «Обитатель предместия», как известно, является частью прозаического цикла – трилогии, в которую кроме него входят «Берновские письма» и «Эмилиевы письма», также использовавшиеся Муравьевым в педагогической практике.

Изучению «ансамблевых», «метатекстуальных» принципов, положенных в основу этого цикла, посвящено исследование В.С. Киселева

[10. С. 53–73], который считает, что трилогия Муравьева строилась по образцу «дневникового нарратива», в котором «разнообразие тем, жанров и повествовательных форм приводится к единству общностью кругозора и личностных особенностей субъекта» [11. С. 13]. Действительно, легко обнаружить, что «полнос единства» трилогии задается сентименталистской аксиологией, репрезентированный персонологически – через образ чувствительной и добродетельной личности. Но есть в трилогии и противоположный ему «полнос многообразия», заданный прагматикой коммуникативной ситуации, в которой оказался Муравьев при дворе.

Для описания ее будет уместно вслед за В.С. Киселевым обратиться к историко-литературной социологической схеме, предложенной У.М. Тоддом III, утверждавшим, что на рубеже XVIII–XIX вв. в России происходила смена моделей литературной коммуникации: на смену «покровительству», характерному для XVIII в., приходила модель «дружеского сообщества», характерная для первой четверти XIX в. (см.: [12. С. 62–86]). В этом отношении трилогия Муравьева, да и все его придворное творчество – явление переходное.

С одной стороны, оно осуществлялось в ситуации «покровительства». Создавая педагогическую прозу, Муравьев выступал в социальной роли придворного служителя, выполняющего заказ своего патрона или, вернее, патронессы – Екатерины Второй. Параметры этого заказа были хорошо известны (и даже сформулированы заказчицей в специальном «Наставлении о воспитании великих князей Александра и Константина»), отчетность по ним строго определена. Нормативность и подвластность – это характерные черты ситуации «покровительства».

С другой стороны, следуя установке Екатерины, настаивавшей на почти полном отказе педагогов от наказаний, стремясь выполнять свои педагогические функции максимально эффективно и гуманно, Муравьев сделал ставку на неформальные способы мотивации учеников. Фактически он попытался создать с ними нечто вроде дружеского сообщества, небольшого кружка, в котором, при сохранении известной дистанции между наставником и воспитанниками, должна была реализоваться сентименталистская модель взаимодействия душ.

Его проза была призвана способствовать формированию этого группового пространства и потому насыщалась кружковой семанти-

кой, незаметной для постороннего глаза, но легко «считываемой» участниками кружка. Так, вероятно, неслучайно действие «Обитателя предместья» начинается в Софии – городе, основанном Екатериной неподалеку от столь знакомых ученикам Муравьева Екатерининского дворца и парка. Неслучайны «военные» страницы трилогии с их описаниями учений и смотров, бывших частью придворного быта великих князей, особенно загородного. Неслучайны и некоторые дидактические отсылки, в которых угадывается педагогическая мука Муравьева: он, как и другие учителя, едва справлялся с великим князем Константином Павловичем, отличавшимся крайне капризным, своенравным характером.

Вообще, кажется, Константин был основным адресатом дидактических усилий Муравьева – не только потому, что его благодетельный брат не создавал проблем своим учителям, но и потому, что Муравьев входил в придворный штат не Александра, а именно Константина и числился его кавалером. Поэтому вряд ли случайно, что главный детский герой трилогии, воспитанник Эмилия Васинька, является ровесником Константина, ему одиннадцать лет, столько же, сколько исполнилось Константину Павловичу в год выхода «Эмилиевых писем» (1790) [13. С. 147].

Само имя этого персонажа, Василий, Васинька, указывает на Константина. Оно происходит от βασιλεύς («царь») – греческого слова, входившего в титулатуру византийских императоров. Как известно, Константин Павлович был назван своей бабушкой в честь первого из них – Константина Великого. Увлеченная «греческим проектом» Екатерина прочила своему второму внуку престол возрожденного «Греческого царства», велела учить его греческому языку, подобрала ему греческих слуг, в результате чего «великий князь вырос на руках греков и окруженный ими» [14. С. 9]. Соотнесенность с греческими «василевсами» преследовала Константина всю жизнь, с самой колыбели, и имя Васинька легко расшифровывалось этим семантическим кодом.

В данном имени скрывалась и еще одна, дидактическая, аллюзия. Царь – не только тот, кто властвует над другими, царь – это тот, кто властвует над собой. С этим у необузданного нравом Константина были большие проблемы. С раннего детства он страдал гиперактивностью, ни на чем не мог долго сосредоточиться. «Ни одной минуты покойной, всегда в движении; не замечая, куда идет и где ставит ногу,

он непременно выпрыгнул бы из окошка, если бы за ним не следили», – жаловался на него Ф.-С. Лагарп (цит по: [15. С. 38]).

Педагоги не могли и не хотели найти со взбалмошным ребенком общего языка, внимание их было сосредоточено на его старшем брате, и маленький Константин, все время чувствовавший себя на вторых ролях, пошел вразнос. Он своевольничал, отказывался подчиняться учителям и выполнять их задания, кричал, плакал, бросался книгами и письменными принадлежностями, впадал в дикие припадки необузданного гнева. Однажды, в сентябре 1789 г. дело дошло до того, что он в ярости укусил Лагарпа за руку. Может быть, неслучайно именно к этому времени, к 1789 г., когда проблемы с воспитанием Константина стали совершенно очевидны, относится создание «Эмилиевых писем». Возможно, Муравьев надеялся с помощью них воздействовать на своего подопечного.

Если это так, то он показал себя гораздо более терпеливым педагогом, чем Лагарп, в конце концов дошедший до того, что в лицо называл Константина «господином ослом» и заставлял под диктовку писать самоуничижительные записки такого, например, содержания: «В 12 лет я ничего не знаю, не умею даже читать. Быть грубым, невежливым, дерзким – вот к чему я стремлюсь. Знание мое и прилежание достойны армейского барабанщика. Словом, из меня ничего не выйдет за всю мою жизнь» (цит. по: [15. С. 42]).

Муравьев избрал принципиально другую, более мудрую педагогическую стратегию. Он не ругает и не унижает своего ученика, напротив, старается поднять его самооценку. В образе Васиньки из «Эмилиевых писем» Муравьев предлагает Константину улучшенную версию его самого. Васинька обладает теми же достоинствами, что и Константин, но успешно борется с его недостатками. Так же, как Константин, он щедр, «смел и великодушен от природы», но к тому же еще и «отворачивается от постыдного» настолько, что «не в состоянии сделать ничего предосудительного, хотя бы и уверен был, что никто того не узнает» [13. С. 117–118].

Как и Константин, Васинька больше всего на свете любит военные учения, однако находит в себе силы воздержаться от любимого развлечения ради упражнения воли, выдержки и самоконтроля: он добровольно отказывается от поездки в военный лагерь, попросившись «остаться дома, нарочно для того, чтоб испытать, может ли отказать себе

в удовольствии» [13. С. 116]. В другой раз Васинька проявляет умение властвовать над собой, отказавшись от любимого лакомства – персика, «прекрасного, единственного», на котором он «основывал надежду своего завтрака» [Там же. С. 118], отдав персик нищему старику.

Все это – положительные примеры царственной способности владеть собой и править своими чувствами. Они адресовались именно «басилевсу» Константину, которому такой способности явно не хватало. Подобного же рода пример находим и в «Обитателе предместия».

Здесь рассказывается о капитан-командоре Неслетове, вся жизнь которого была разрушена его гневливостью и горячностью. Однажды он оскорбил свою жену, сделав ей при всех в большом обществе «несправедливую укоризну». Чувствительная женщина не пережила такого унижения и, несмотря на раскаяние мужа, от огорчения заболела и скончалась. «С тех пор и капитан более мучается, нежели живет» [Там же. С. 77]. «Имея лучшее сердце в свете, он всегда в опасности огорчить друзей и ближних, затем что не имеет власти противиться первым движениям» [Там же. С. 77–78]. Из-за несдержанности Неслетова разрушилась и его служебная карьера:

...обидел он вспыльчивостию лейтенанта корабля своего; но опамятствовавшись через минуту, при собрании всего экипажа просил у него прощения. Сей поступок произвел разные толки, и нетерпеливый Неслетов захотел лучше отказаться от блестящих видов службы, нежели снести взор неудовольствия своих начальников [Там же. С. 78].

В судьбе несчастного Неслетова как будто пророчески воплотились будущие обстоятельства жизненного пути так и не научившегося управлять собой Константина: жена, великая княгиня Анна Федоровна (тоже, кстати, ученица Муравьева), измученная выходками своего мужа и в конце концов бежавшая от него; оскорбления подчиненных, допущенные в гневе, за которые потом приходилось прилюдно просить у них прощения (самый известный эпизод – инцидент с поручиком Кошкулем, описанный в мемуарах А.Е. Розена [16. С. 90]).

Но вернемся к разговору об особенностях циклизации трилогии. Наличие персонажей, непосредственно (и при этом неочевидно для постороннего читателя) соотносенных с одним из участников кружка, свидетельствует о том, сколь важен был для ее восприятия кружко-

вый контекст. Однако дидактика трилогии в целом далеко не столь узко адресна и прямолинейна, чтобы замыкаться границами кружка и ограничиваться непосредственными нуждами учебного процесса.

Напротив, она тяготеет к максимальной универсальности, размыкает кружок в круг, вводя учеников-читателей хоть и не в научно-дисциплинарную *ἐγκύκλιος παιδεία*, но в своего рода энциклопедию универсума. Этот универсум «густозаселен», в нем «представлены все сословия», по справедливому наблюдению И.Н. Островских, это «микрокосм», в котором отражается «макркосм» государства [17. С. 219]. Место в нем находят и природа, и произведения искусства. Нет места лишь для городской цивилизации. Многообразие мира в «эмилиевом цикле» приведено к общему знаменателю деревенской идиллии. Недаром комната Эмилия украшена бюстами Руссо¹ и Геснера [13. С. 121], а любимыми авторами Эмилия являются Гораций и Вергилий.

Образ «естественного» человека, живущего на лоне природы, становится в мире трилогии непреложным аксиологическим образцом, проступающим сквозь любые сословные очертания. Отсюда настойчиво звучащая у Муравьева сентименталистская «тема всесословного равенства» [19. С. 48] («мы позабыли различие состояний и помнили только, что мы люди» [13. С. 120]), отсюда постоянная апология земледелия. Эмилий пишет:

Мы дали слово, я и Васинька, в первую прогулку идти на ниву доброго земледельца, быть свидетелями трудов его, неутомимости, добродушия. Мы возьмем с собою Вергилиевы Георгики, и в виду хижин и пастухов, при шуме падающего источника, прочтем прелестный эпизод второй книги о похвалах сельской жизни [13. С. 123–124].

Исчезает разница между человеком пашущим и человеком прогуливающимся. Исчезают кровь и пот физического труда. Исчезает и беззаботность фланера. И то и другое занятие срастворяются в едином целом патриархальной утопии.

---

¹ Отсылкой к Руссо, как указывает В.Н. Топоров, является, конечно, и само имя Эмилия – тезки главного героя педагогического романа Руссо «Эмиль, или О воспитании» [18. С. 407–412].

Нужно сказать, что Муравьеву удалось всерьез увлечь идиллическим идеалом по крайней мере одного из своих воспитанников – Александра, для которого идиллии Геснера сделались любимым чтением. Александр знал их наизусть, а возвращаясь в 1815 г. в Россию, специально заехал поклониться могиле швейцарского поэта. Уже будучи победителем Наполеона и «Агамемноном Европы», Александр сохранял юношескую преданность идиллическому идеалу. По словам В.К. Надлера,

...среди неслыханного блеска своих побед, на высоте своей славы, он мечтал о тихой безмятежной жизни поселянина, о его идиллическом счастье. <...> В Богемии, в годовщину Лейпцигского боя, он собственноручно пахал поле и вызвал тем взрыв умиления и восторга у присутствовавших лиц. Красивый деревенский вид, простая обстановка крестьянского жилища приводили его всегда в умиление, способны были вызвать у него восторженные восклицания и слезы [20. С. 15].

Для того чтобы идиллический идеал вошел в систему жизненных установок великих князей, необходимо было найти его *modus vivendi* с военным идеалом – столь важным для Павловичей и по их наследственной склонности (особенно заметной у Константина), и по их государственным обязанностям, и, наконец, по их мальчишескому возрасту. Сознвая эту необходимость, Муравьев первые страницы своей трилогии отдал военной теме, но при этом интегрировал ее в деревенскую.

На этих страницах Эмилий восторженно и увлеченно описывает военный лагерь, раскинувшийся неподалеку от поместья, одобрительно упоминает увлечение Васиньки фортификацией, перечисляет книги по военному искусству. Апофеозом военной темы становится описание военных учений. Акцент в нем делается на согласном, слаженном движении войск: «С каким согласиём действовали все отряды! – восклицает Эмилий. – Конница тяжелая, легкая; пехота, охотники, наконец все разные орудия соединены в одно тело, движущееся и страшное!» [13. С. 122–123].

Этот фрагмент напоминает сделанное чуть раньше описание сельского праздника, в котором также подчеркивались лад и стройный порядок («порядочный строй»):

Жители целой деревни, отстоящей от села на полтретья версты, старый и малый, приходили порядочным строем на двор господский. Все были в лучшем праздничном убранстве. Юноши и отроки по два в ряд подносили помещице венки, сплетенные из васильков [13. С. 120].

И строй воинов, и строй крестьян в идиллии являются воплощением той прекрасной и неизменной устроенности мироздания, которая этимологически подразумевается словом «космос» (от *κοσμήω* – выстраиваю, упорядочиваю, украшаю).

Космос «эмилиевой трилогии» – это единое идиллическое целое, которое включает в себя все: и жизнь, и смерть, и войну, и мир, и землепашество, и бал, и театр, и литературу, и службу, и частную жизнь, и любовь, и дружество, и богатство, и бедность, и крестьян, и помещиков, и детей, и взрослых, и юношей, и стариков. Но именно поэтому здесь ничего не происходит (а если что-то и происходило, то осталось в прошлом: например, истории Неслетова, Дремова, Былинского, Василькова, все эти разрешившиеся и уже «остывшие» драмы). Идиллия бессобытийна. В ней все слишком однородно, а потому бесконфликтно: «...все персонажи – люди достойные, добрые, порядочные, и никаких конфликтов между ними быть не может. Круг занятий их привычен, обыден, довольно однообразен, жизнь тоже довольно безмятежна» [18. С. 422]. Трагедия где-то есть, но только вовне. Она не может ворваться внутрь идиллического пространства даже через смерть Эмилия, которая лишена трагизма – во-первых, потому что возвышенна, а во-вторых, потому что не неожиданна – мы знаем о ней с самого начала повествования.

Сюжетность наррации тем самым оказывается существенно ослаблена (см.: [Там же. С. 424]). Динамика отступает перед статикой, столь необходимой для идилличности. И вот уже перед нами не цепь событий, а ряд картинок (ведь слово «идиллия» и происходит от гр. *εἰδύλλιον*, что значит «картинка»), сменяющих друг друга, как иллюстрации в детской книжке. Именно это обеспечивает не только дидактическую «наглядность», но и потенциальную «медальность» текста, наделяет его способностью распределиться на выпуски и интегрироваться в жизнь, сливаясь с ее хронологически-бытовым течением (недаром Муравьев использует автодокументальные жанры писем и дневника).

«Идиллические картинки» «эмилиева цикла» собраны воедино глубинным, аксиоматическим уровнем текста. Наиболее отчетливо он

артикулирован в беседе Обитателя предместия с Илановым, которую вполне обоснованно можно считать «композиционным центром цикла» [10. С. 60]. Функционально она играет ту же роль, что и исповедь савойского викария в «Эмиле» Руссо. Это обширное религиозно-философское рассуждение, в котором этика сопрягается с метафизикой и космологией. Бескрайние пространства мироздания, «усеянные солнцами, которые другим мирам светят», «огромные тела небесные», «колеблющиеся на зыбях эфира», былинка, «которая завянет завтра» [13. С. 81] – все являет мудрость Высшего Существа, перед которым необходимо «поставлять себя всечасно» [Там же. С. 80], сохраняя нравственную чистоту души и восторгаясь красотой природы.

Подводя итог разговору о трилогии Муравьева, выделим ее характерные черты. Во-первых, это тяготение к групповой, кружковой семантике, имеющее дидактическое значение. Во-вторых, это энциклопедическая установка на отображение многообразия универсума (социального, эстетического и природного). В-третьих, это господство идиллической поэтики, связанное с ослаблением сюжетности, выдвиганием на первый план деревенского топоса, склонностью к визуальной эстетике. В-четвертых, это опора на аксиологию «религии сердца» с акцентированными в ней темами добродетели и премудрого устройства природы.

Творчество Муравьева было хорошо известно Жуковскому и по личным связям (Муравьев был близким другом И.П. Тургенева, в доме которого Жуковский постоянно бывал и с сыновьями которого близко дружил), и по издательской деятельности: Жуковский неоднократно публиковал тексты Муравьева в «Вестнике Европы», вместе с К.Н. Батюшковым он редактировал Полное собрание сочинений Муравьева (1819–1820) (см.: [21–23]).

Жуковский не мог не соотносить свою педагогическую судьбу с судьбой Муравьева. Как и Муравьев, он был учителем русского языка у немецких принцесс, выданных замуж за русских великих князей; как и Муравьев, он был наставником наследника престола. По справедливому замечанию Л.Н. Киселевой, «связь педагогики Жуковского с педагогикой Муравьева нуждается в самом пристальном изучении» [24]¹. Несомненно, такая связь существовала и между придворно-педагогическими издательскими проектами этих писателей.

---

¹ См. некоторые предварительные наблюдения об этой связи: [25].

Кажется, намек на нее можно обнаружить даже в названиях журналов Жуковского. Если название первого из них – «Собиратель» – нейтрально в этом отношении (хотя и отражает ту муравьевскую установку на универсальность, о которой шла речь выше), то название второго – «Муравейник» – созвучно с фамилией Муравьева, и, возможно, это созвучие неслучайно.

Конечно, напрямую заглавие «Муравейника» восходит к девизу, придуманному великим князем Александром Николаевичем для подаренного ему Николаем I Детского острова в Царскосельском парке [26] (этому острову, кстати, посвящено стихотворение Жуковского, опубликованное в пятом номере «Муравейника» [2. С. 317–318]). Летом 1830 г. там заканчивались работы по строительству и отделке Детского домика, и К.К. Мердер предложил Александру Николаевичу придумать девиз для флага, который тот хотел там поднять. Великий князь согласился и вскоре принес Мердеру рисунок, на котором «представил водою промытую скалу, муравья и якорь, написав вокруг: *постоянство, деятельность, надежда*» [27. С. 49].

С другой стороны, Жуковский, придумывая название, мог иметь в виду и муравьевский подтекст. Муравьев, очень ценивший родственные узы, устраивал по воскресеньям семейные обеды. «Случалось, что за стол садилось человек по семьдесят. Тут были и военные генералы, и сенаторы, и безусая молодежь, блестящие кавалергарды и скромные провинциалы, и все это были родственники, близкие и дальние» (цит. по: [28. С. 146]). Эту многочисленную родню Муравьев «ласково именовал “муравейником”» [29. С. 34].

Идеал семьи принципиально важен в асксиологии Муравьева, считавшего, что «люди должны стремиться быть всеобщей Семейей “добродетельных сердец”» [30. С. 15], важен он и для формирования идиллического пространства. Возможно, используя название «Муравейник», Жуковский имел в виду именно этот идеал и артикуляцию его Муравьевым – тем более, что большая часть юных сотрудников его журнала доводились друг другу родными братьями и сестрами.

Как бы ни трактовалось название «Муравейник», содержание педагогических журналов Жуковского показывает, что те особенные черты «эмилиевой трилогии», которые были перечислены выше, получили в них дальнейшее продолжение и развитие. Развернутому анализу этой преемственности и будет посвящена следующая статья.

Литература

1. Смирнов-Сокольский Н.П. Рассказы о книгах. М. : Книга, 1977. 448 с.
2. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. 11 (первый полутом): Проза 1810–1840-х годов / ред. А.С. Янушкевич. М. : Издательский Дом ЯСК, 2016. 1048 с.
3. П.<стр> Б.<артенев>. Книжная редкость // Русский архив 1867. Кн. 1. Стлб. 299–304.
4. Айзикова И.А. Жанрово-стилевая система прозы В.А. Жуковского. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. 406 с.
5. Ребеккини Д. Перевод как инструмент образования в педагогической деятельности В.А. Жуковского (о сборнике «муравейник» 1831 года) // Русская литература 2016. № 3. С. 20–27.
6. Янушкевич А.С. Путь В.А. Жуковского от русской идиллии к русской повести: деревенский топос // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 1 (21). С. 105–124.
7. Янушкевич А.С. Круг чтения В.А. Жуковского 1820–30-х годов как отражение его общественной позиции // Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1878. Ч. 1. С. 466–521.
8. Фафурин Г.А. К истории академической книжной торговли в России в эпоху Екатерины II: деятельность Иоганна Вейтбрехта в Санкт-Петербурге. СПб. : Петербургское лингвистическое общество, 2010. 376 с.
9. Росси Л. Сентиментальная проза М.Н. Муравьева // XVIII век. Сборник 19 / отв. ред. Н.Д. Кочеткова. СПб. : Наука, 1995. С. 114–146.
10. Киселев В.С. Метатекстуальные повествовательные структуры в русской прозе XVIII – первой трети XIX веков : дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2006. 408 с.
11. Киселев В.С. Метатекстуальные повествовательные структуры в русской прозе XVIII – первой трети XIX веков : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2006. 48 с.
12. Тодд Ш У.М. Литература и общество в эпоху Пушкина / пер. с англ. А.Ю. Миролубовой. СПб. : Академический проект, 1996. 306 с.
13. Сочинения Муравьева. СПб., 1847. Т. 1. 445 с.
14. Карнович Е.П. Цесаревич Константин Павлович. СПб., 1899. 323 с.
15. Кучерская М. Константин Павлович. М. : Молодая гвардия, 2005. 325 с.
16. Розен А.Е. Записки декабриста / изд. подг. Г.А. Невелевым. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. 480 с.
17. Островских И.Н. Имя как элемент идиллического топоса в сентиментальной прозе М.Н. Муравьева (повесть «Обитатель предместия») // Филология и человек 2011. № 4. С. 219–225.
18. Топоров В.Н. Из истории русской литературы. Т. II: Русская литература второй пол. XVIII века. Исследования, материалы, публикации. М.Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн. 1. М. : Языки русской культуры, 2001. 912 с.
19. Вацуро В.Э. Лирика пушкинской поры. Элегическая школа. СПб. : Наука, 2002. 240 с.

20. Надлер В.К. Император Александр I и идея Священного союза. Рига, 1886. Т. 1. 390 с.
21. Левин В.Д. Карамзин, Батюшков, Жуковский – редакторы сочинений М.Н. Муравьева // Проблемы современной филологии : сб. ст. к семидесятилетию акад. В.В. Виноградова. М. : Наука, 1965. С. 189–190.
22. Жиликова Э.М. В.А. Жуковский и М.Н. Муравьев // Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Томск : ТГУ, 1978. Ч. 1. С. 72–77.
23. Космолинская Г.А. Константин Батюшков – редактор «Эмилиевых писем» М.Н. Муравьева // Рукописи. Редкие издания. Архивы. М. : Археографический центр, 1997. С. 143–151.
24. Киселева Л. Жуковский – преподаватель русского языка (начало «царской педагогики») // *Toronto Slavic Quarterly*. 2006. № 15. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/15/zhukovsky15.shtml> (дата обращения: 10.06.2020).
25. Долгушин Д. Придворный локус и авторефлексия русской литературы к. XVIII – перв. пол. XIX в.: Михаил Муравьев, Василий Жуковский, Петр Плетнев // *Toronto Slavic Quarterly*. 2015. № 53. URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/53/tsq_53_dolgushin.pdf (дата обращения: 10.06.2020).
26. Зимин И.В. Территория детства // *A maximus ad minima*. Малые формы в историческом ландшафте : сб. ст. по материалам науч.-практ. конференции ГМЗ «Петергоф». СПб. : Петергоф, 2017. С. 203–205.
27. Тагищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 1. 554 с.
28. Хотеев В. «Друг отечества»: (Михаил Никитич Муравьев) // *Высшее образование в России*. 2000. С. 142–149.
29. Кошелев В.А. Константин Батюшков. Странствия и страсти. М. : Современник, 1987. 351 с.
30. Пашкуров А.Н. Аксиология М.Н. Муравьева (к вопросу о духовно-нравственных ценностях в прозе писателя) // *Духовно-нравственные основы русской литературы* : сб. науч. ст. по материалам Шестой междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. Н.Г. Коптелова ; отв. ред. А.К. Котлов. Кострома : Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. С. 11–16.

Educational Periodicals in the “Court Pedagogy” of Mikhail Muravyov and Vasily Zhukovsky. Article One

Текст. Книга. Книгоиздание – Text. Book. Publishing, 2020, 23, pp. 5–21

DOI: 10.17223/23062061/23/1

Dmirty V. Dolgushin, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation).
E-mail: D_Dolgushin@mail.ru

Keywords: court pedagogy, sentimentalism, idyll, prose cycle, Mikhail N. Muravyov, Vasily A. Zhukovsky, Grand Duke Konstantin Pavlovich, Alexander I, Alexander II.

In 1829–1831, Vasily Zhukovsky, a mentor to the heir to the throne, published two pedagogical journals *Sobiratel'* [The Collector] (1829) and *Muraveynik* [The Ant Hill]

(1831). Zhukovsky's publishing project was greatly influenced by the traditions of court pedagogy associated with the name of Mikhail Muravyov, who taught Russian literature, Russian history and moral philosophy to Grand Dukes Alexander and Konstantin Pavlovich for many years. Muravyov wrote many prose works of an artistic and didactic nature, which were printed in a small number of copies in the Imperial printing house. One of all these publications is important: "Obitatel' Predmestya, Periodicheskiye Listy" [The Inhabitant of the Suburbs, Periodical Sheets] (1790); it was published weekly and is the closest analogue to the court pedagogical journals of Zhukovsky. The publication is part of a prose cycle—a trilogy which also includes "Bernovskie Pis'ma" [Bernovo Letters] and "Emilievyy Pis'ma" [Emil's Letters], that Muravyov used in pedagogical practice. Muravyov tried to create a kind of a friendly community with his students, a small circle in which the sentimentalist model of communication of souls was to be realised. His prose was intended to contribute to the formation of this group space and therefore was saturated with the circle semantics. The latter particularly manifested itself in the correlation of the image of the main child character of the trilogy, Vasinka, with the personality of one of Muravyov's students—Grand Duke Konstantin Pavlovich. Vasinka in "Emilievyy Pis'ma" is an improved version of Konstantin. Vasinka has the same advantages as Konstantin and successfully fights with his shortcomings. However, the message of the trilogy is not so straightforward as to be limited by the boundaries of the circle. On the contrary, it tends to maximise universality, creating a kind of an encyclopedia of the universe, which includes people, nature, and works of art. There is no room only for urban civilisation. The diversity of the world in the trilogy is brought to the common denominator of the village idyll. Therefore, the plot of Muravyov's narrative is weakened, because the idyll is essentially eventless. This is not a chain of events, but a series of images. This is what provides not only didactic "visibility", but also the potential "mediality" of the text, gives the text the ability to be distributed in issues and integrate into life, merge with its chronological and everyday flow. The idyllic pictures of "Emil's cycle" are brought together by the axiomatic level of the text. It is most clearly articulated in the conversation of the inhabitant of the suburb with Ilanov—a religious and philosophical discourse in which ethics is combined with metaphysics and cosmology. All these features of "Emil's trilogy" were further continued and developed in Zhukovsky's pedagogical journals. The following article will be devoted to a detailed analysis of this continuity.

References

1. Smirnov-Sokolskiy, N.P. (1977) *Rasskazy o knigakh* [Stories about books]. Moscow: Kniga.
2. Zhukovsky, V.A. (2016) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 20 tt.* [Complete Works and Letters: In 20 vols]. Vol. 11. Moscow: YaSK.
3. P.<etr> B.<artenev>. (1867) *Knizhnaya redkost'* [A Rare Book]. *Russkiy arkhiv*. 1. Col. 299–304.

4. Aizikova, I.A. (2004) *Zhanrovo-stilevaya sistema prozy V.A. Zhukovskogo* [V.A. Zhukovsky's genre-style system]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Rebecchini, D. (2016) Translation as an Educational Instrument in V.A. Zhukovsky's Work as an Instructor (on The Anthill Collection, 1831). *Russkaya literatura*. 3. pp. 20–27. (In Russian).
6. Yanushkevich, A.S. (2013) Zhukovsky's work from Russian idyll to Russian story: rural topos. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1(21). pp. 105–124. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/21/10
7. Yanushkevich, A.S. (18) Krug chteniya V.A. Zhukovskogo 1820–30-kh godov kak otrazhenie ego obshchestvennoy pozitsii [The reading circle of V.A. Zhukovsky in the 1820–1830s as a reflection of his social position]. In: Kanunova, F.Z. (ed.) *Biblioteka V.A. Zhukovskogo v Tomске* [V.A. Zhukovsky's Library in Tomsk]. Pt. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 466–521.
8. Fafurin, G.A. (2010) *K istorii akademicheskoy knizhnoy trgovli v Rossii v epokhu Ekateriny II: deyatel'nost' Ioganna Veytbrekhta v Sankt-Peterburge* [On the history of the academic book trade in Russia in the era of Catherine II: Johann Weitbrecht's activities in St. Petersburg]. St. Petersburg: Peterburgskoe lingvisticheskoe obshchestvo.
9. Rossi, L. (1995) Sentimental'naya proza M.N. Murav'eva [M.N. Muravyov's sentimental prose]. In: Kochetkova, N.D. (ed.) *XVIII vek. Sbornik 19* [The 18th century. Collection 19]. St. Petersburg: Nauka. pp. 114–146.
10. Kiselev, V.S. (2006) *Metatekstual'nye povestvovatel'nye struktury v russkoy proze XVIII – pervoy treti XIX vekov* [Metatextual narrative structures in Russian prose of the 18th – first third of the 19th centuries]. Philology Dr. Diss. Tomsk.
11. Kiselev, V.S. (2006) *Metatekstual'nye povestvovatel'nye struktury v russkoy proze XVIII – pervoy treti XIX vekov* [Metatextual narrative structures in Russian prose of the 18th – first third of the 19th centuries]. Abstract of Philology Dr. Diss. Tomsk.
12. Todd III, W.M. (1996) *Literatura i obshchestvo v epokhu Pushkina* [Fiction and Society in the Age of Pushkin]. Translated from English by A.Yu. Miroyubova. St. Petersburg: Akademicheskii projekt.
13. Muravyov, M.N. (1847) *Sochineniya* [Works]. Vol. 1. St. Petersburg: A. Smirdin.
14. Karnovich, E.P. (1899) *Tsarevich Konstantin Pavlovich* [Tsarevich Konstantin Pavlovich]. St. Petersburg: A.S. Suvorin.
15. Kucherskaya, M. (2005) *Konstantin Pavlovich* [Konstantin Pavlovich]. Moscow: Molodaya gvardiya.
16. Rozen, A.E. (1984) *Zapiski dekabrista* [Notes of the Decembrist]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe kn. izd-vo.
17. Ostrovskikh, I.N. (2011) Imya kak element idillicheskogo toposa v sentimental'noy proze M.N. Murav'eva (povest' "Obitatel' predmestiya") [The name as an element of the idyllic topos in the sentimental prose by M.N. Muravyov (in "The Inhabitant of the Suburb")]. *Filologiya i chelovek*. 4. pp. 219–225.
18. Toporov, V.N. (2001) *Iz istorii russkoy literatury* [From the history of Russian literature]. Vol. 2. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

19. Vatsuro, V.E. (2002) *Lirika pushkinskoy pory. Elegicheskaya shkola* [Lyrics of the Pushkin era. Elegiac School]. St. Petersburg: Nauka.

20. Nadler, V.K. (1886) *Imperator Aleksandr I i ideya Svyashchennogo soyuza* [Emperor Alexander I and the idea of the Sacred Union]. Vol. 1. Riga: Kimmel.

21. Levin, V.D. (1965) Karamzin, Batyushkov, Zhukovskiy – redaktory sochineniy M.N. Murav'eva [Karamzin, Batyushkov, Zhukovsky – editors of M.N. Muravyov's works]. In: Khrapchenko, M.B. (ed.) *Problemy sovremennoy filologii. Sbornik statey k semidesyatiletiyu akad. V.V. Vinogradova* [Problems of Modern Philology. Collection of Articles for the 70th birthday of Academician V.V. Vinogradov]. Moscow: Nauka. pp. 189–190.

22. Zhilyakova, E.M. (1978) V.A. Zhukovskiy i M.N. Muravyov [V.A. Zhukovsky and M.N. Muravyov]. In: Kanunova, F.Z. (ed.) *Biblioteka V.A. Zhukovskogo v Tomsk* [V.A. Zhukovsky's Library in Tomsk]. Pt. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 72–77.

23. Kosmolinskaya, G.A. (1997) Konstantin Batyushkov – redaktor “Emilievych pisem” M.N. Murav'eva [Konstantin Batyushkov – editor of M.N. Muravyov's “Emil's letters”]. In: Kosmolinskaya, G.A. et al. *Rukopisi. Redkie izdaniya. Arkhivy* [Manuscripts. Rare editions. Archives]. Moscow: Arkheograficheskiy tsentr. pp. 143–151.

24. Kiseleva, L. (2006) Zhukovskiy — prepodavatel' russkogo yazyka (nachalo “tsarskoy pedagogiki”) [Zhukovsky - teacher of the Russian language (the beginning of “tsarist pedagogy”)]. *Toronto Slavic Quarterly*. 15. [Online] Available from: <http://sites.utoronto.ca/tsq/15/zhukovsky15.shtml> (Accessed: 10th June 2020).

25. Dolgushin, D. (2015) Pridvornyy lokus i avtorefleksiya russkoy literatury k. XVIII – perv. pol. XIX v.: Mikhail Murav'ev, Vasilii Zhukovskiy, Petr Pletnev [The court locus and autoreflexion of Russian literature in the end of the 18th – first half of the 19th century: Mikhail Muravyov, Vasily Zhukovsky, Pyotr Pletnev]. *Toronto Slavic Quarterly*. 53. [Online] Available from: http://sites.utoronto.ca/tsq/53/tsq_53_dolgushin.pdf (Accessed: 10th June 2020).

26. Zimin, I.V. (2017) Territoriya detstva [The territory of childhood]. In: Kappol, O.S. (ed.) *A maximus ad minima. Malye formy v istoricheskom landshafte* [A Maximus Ad Minima. Small Forms in the Historical Landscape]. St. Petersburg: GMZ Petergof. pp. 203–205.

27. Tatischev, S.S. (1903) *Imperator Aleksandr II. Ego zhizn' i tsarstvovanie* [Emperor Alexander II. His Life and Reign]. Vol. 1. St. Petersburg: A.S. Suvorin.

28. Khotenkov, V. (2000) “Drug otechestva” (Mikhail Nikitich Murav'ev) [“Friend of the Fatherland” (Mikhail Nikitich Muravyov)]. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 4. pp. 142–149.

29. Koshelev, V.A. (1987) *Konstantin Batyushkov. Stranstviya i strasti* [Konstantin Batyushkov. Wanderings and passions]. Moscow: Sovremennik.

30. Pashkurov, A.N. (2018) Aksiologiya M.N. Murav'eva (k voprosu o dukhovno-nravstvennykh tsennostyakh v proze pisatelya) [M.N. Muravyov's axiology (on spiritual and moral values in the writer's prose)]. In: Kotlov, A.K. (ed.) *Dukhovno-nravstvennye osnovy russkoy literatury* [Spiritual and Moral Foundations of Russian Literature]. Kostroma: Kostroma State University. pp. 11–16.

В.А. Пржигоцкий

ОЧЕРКИ И РАССКАЗЫ СБОРНИКА Н.И. НАУМОВА «СИЛА СОЛОМУ ЛОМИТ» В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙ ЧАЙКОВЦЕВ¹

Аннотация. Рассматривается творчество Н.И. Наумова первой половины 1870-х гг., представленное его первым сборником «Сила соломѹ ломит», изданным в Петербурге кружком чайковцев. Исследуются механизмы влияния различных социальных полей (термин П. Бурдьѹ), занимаемых Наумовым, на его литературную деятельность данного периода. Выявляются поэтические и эстетические особенности произведений обозначенного сборника, обусловленные: 1) историко-литературными тенденциями; 2) идеологическим влиянием народничества; 3) собственными задачами Наумова как сибирского писателя-чиновника.

Ключевые слова: Н.И. Наумов, сборник «Сила соломѹ ломит», сибирский писатель-чиновник, народничество, социальное поле.

Сборник «Сила соломѹ ломит», вышедший в 1874 г., знаменует расцвет литературного творчества сибирского писателя-чиновника Николая Ивановича Наумова. Произведения этого сборника были изначально напечатаны в передовых демократических журналах того времени, позднее вошли в пантеон народнической беллетристики и удостоились внимания многих современников (в частности, видных деятелей сибирского областничества Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева) и в дальнейшем – исследователей (Г.В. Плеханова, С.Е. Кожевникова, Л.Г. Беспаловой и др.) (см.: [1–3] и др.).

При этом актуальным и неизученным аспектом в исследовании творческого наследия Н.И. Наумова первой половины 1870-х гг., представленного названным сборником, является осмысление взаимовлияния различных социальных полей², занимаемых писателем в

---

¹ Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

² Под социальным полем, согласно концепции П. Бурдьѹ, мы понимаем относительно замкнутую и автономную систему отношений между позициями агентов, ведущих борьбу за обладание специфическим капиталом. Соответственно, позиции

эти годы последовательно или параллельно, и, соответственно, его различной институциональной деятельности, находящейся в тесной связи с литературным творчеством, в частности с эстетикой и поэтикой интересующего нас сборника.

Литературная деятельность Наумова первой половины 1870-х гг. разворачивается в Петербурге, куда он возвращается, оставив государственную службу в Сибири. Работа участковым заседателем земского суда была его первой целенаправленной попыткой реализовать свое стремление служить Сибири и сибирякам на поприще государственного служащего, и она была оценена им самим как неудачная (о чем он размышляет в своих более поздних автобиографических очерках «Зажора» и «Святотатец»). Возвращаясь в 1869 г. в Петербург, где ранее под влиянием Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева началось его литературное творчество, осознаваемое во многом в духе областнических представлений о литературе и писателе, Наумов, по сути, возвращается в литературу. Несмотря на то что попытка служить своему краю на посту чиновника не принесла Наумову удовлетворения, она предоставила ему ценный материал для последующего творчества.

Рассматривая демократический полюс литературного поля 1870-х гг., в которое вошел сибирский писатель, нельзя не сказать о развитии народничества, выразителем идей которого в литературе выступила плеяда писателей-народников, чьи произведения в данный период становятся весьма популярными. Их литературная деятельность развернулась на страницах передовых демократических печатных органов, пришедших на смену «Современнику», «Русскому слову» и др. Таковыми в 1870-е гг. стали журналы «Отечественные записки» и «Дело». Значимую роль в развитии народнической беллетристики и ее распространении сыграли и революционно-демократические организации 1870-х гг., в частности, петербургская народническая группа чайковцев, занимавшаяся изданием и распространением научной, публицистической и художественной литературы, отвечающей их идеологическим запросам.

Развитие реализма и следование художественной «правде», заложенное еще писателями-демократами 1860-х гг., обусловило обращение писателей-народников к очерку – наиболее подходящему жанру

агента в различных социальных полях, объем располагаемого им капитала обуславливают его положение в общем социальном пространстве [4. С. 260–261].

для достоверного изображения пореформенной народной жизни – и превалирование в нем публицистического и даже пропагандистского начала над художественным. По выражению Г.В. Плеханова, художественное наследие писателей-народников отличало преобладание общественных интересов над литературными [1. С. 45]. При этом во всех жанрах очевидно стремление к эпизации и формированию целостной картины мира (в малых жанрах, в том числе в очерках это достигается циклизацией).

Соответственно, трансформацию претерпевают место и роль автора в повествовании: «Стремление писателей-реалистов ко все более достоверному и глубокому изображению действительности, ко все более истинному ее пониманию вело к диалектически противоречивому и в то же время единому в своей внутренней сущности процессу: с одной стороны, ко все большей «самостоятельности» героев, «независимости» их от авторов (то, что названо многоголосием, полифонией в отношении романов Достоевского), к предельной объективации картин действительности; с другой – в силу сложности, новизны изображаемых явлений жизни – к стремлению авторов публицистически «разъяснить» смысл изображаемого, заявить о своей, авторской позиции» [5. С. 566].

В то же время нельзя не замечать различия народничества как литературного течения и народничества как общественно-политического движения, о котором также говорил Г.В. Плеханов [1. С. 71]. В стремлении понять чаяния народа и определить место и роль интеллигента-разночинца в улучшении народной жизни наиболее передовые и талантливые беллетристы-народники, в частности Г.И. Успенский, приходили к неутешительному выводу, что крестьянской массе чужды призывы народнической интеллигенции к революционной борьбе. Тем не менее невозможно отрицать их связь и взаимовлияние.

Таким образом, рассматривая литературное поле 1870-х гг., можно выделить два момента. Во-первых, само литературное поле переживает новый виток борьбы за свою автономию, поскольку испытывает давление со стороны государства, которое в это время проводит цензурные контрреформы, ущемляющие права печати. Во-вторых, с развитием капитализма в России быстрыми темпами увеличивается читательская аудитория, усиливается ее расслоение и формируется издательский рынок, агенты которого – писатели и издатели – начинают ори-

ентироваться на конкретные социальные слои (см.: [6. С. 15–38]). Литературная деятельность, как и в 1860-е гг., используется для политической борьбы, а также как способ заработка. Впрочем, несмотря на то что во второй половине XIX в. фиксируется существенный рост гонорарных ставок (особенно в журналах), до конца столетия писатели с трудом могли обеспечить себя литературной деятельностью (см.: [Там же. С. 83–101]). Соответственно, беллетристы-народники, в чей круг войдет и Н.И. Наумов, находятся на подчиненном гетерономном (т.е. направленном на получение коммерческой или политической выгоды) полю литературного поля 1870-х гг. Такое положение, как отмечает Ж. Сапиро, занимает творческий авангард, пренебрегающий эстетической оценкой и рассматривающий литературу и искусство как средства политической борьбы [7. Р. 42].

В результате Н.И. Наумов, обогащенный ценным опытом институциональной деятельности, направленной на служение Сибири, а также материалом о положении сибирского крестьянства, оказался в благоприятной среде для дальнейшей самореализации. В этом ключе нельзя не отметить диалектику развития Наумова – писателя-чиновника, выразившуюся в смене его институциональной деятельности. Так, если Сибирь стала в первую очередь местом его государственной службы, то литературную деятельность Наумов сосредоточивает в Петербурге – там, где концентрируются экономический и символический капиталы литературного поля. При этом, если в начале 1860-х гг. Наумов приехал в столицу под влиянием товарищей-областников и был открыт как для восприятия передовых демократических идей, так и для литературных экспериментов, то к 1870-м гг. он уже представляет из себя вполне сформировавшуюся личность со сложившимися идейно-эстетическими представлениями. Важно подчеркнуть, что гомологичность занимаемых позиций Наумова в различных социальных полях, характеризующаяся, несмотря на сохраняющуюся идеологическую установку, принятием «правил игры», позволяет ему относительно органично переходить из одного поля в другое, решая поставленные задачи (в данном случае связанные с формированием нового читателя и расширением своей читательской аудитории, с идеей служения Сибири своим творчеством).

В первой половине 1870-х гг. в журналах «Дело» и «Отечественные записки» публикуются рассказы и очерки Н.И. Наумова «Дере-

венский торгаш» (1871), «Юровая» (1872), «Еж» (1873), «Крестьянские выборы», «Мирской учет» (1873) и «Тишь да гладь» (1873), а в журнале «Искра» – «Один из способов сближения с народом» (1872). Сотрудничество Наумова с ведущими демократическими журналами данного периода во многом обусловлено позицией в литературном поле, занятой им в 1860-е гг. (напомним, что ранее его очерк «У перевоза» был напечатан в «Современнике»). К тому же во второй половине XIX в., как отмечает А.И. Рейтблат, литературные журналы имели скорее социально-политическую направленность, нежели литературно-эстетическую, а потому консолидировали соответствующие группы писателей и читателей (см.: [6. С. 38–54]).

Опубликованные произведения Наумова быстро привлекли внимание современников. Так, высокую оценку им дал Г.Н. Потанин. В частности, он отмечает, что весомой заслугой писателя является актуализация сибирской беллетристики в рамках общелитературного процесса [8. С. 231]. В своих размышлениях Потанин указывает на периферийное положение сибирского социального пространства (и сибирской литературы) по отношению к европейскому, объясняя это, в первую очередь, отсутствием народного просвещения. Именно с Н.И. Наумовым он связывает возможность проникновения агентов сибирского культурного (литературного) пространства в европейское, а затем – создание сибирского автономного социокультурного пространства (в частности сибирской литературы и сибирского читателя). Вероятно, для Потанина фигура Наумова была привлекательна тем, что к этому времени он довольно успешно утвердился и в сибирском, и в европейском (петербургском) пространствах, являлся агентом различных социальных полей. При этом в глазах Потанина Наумов оставался в первую очередь сибиряком, сибирским писателем, чья литературная и институциональная деятельность направлена на достижение обозначенной выше цели. В связи с этим вполне закономерна его высокая оценка творчества Наумова, которого Потанин считал зачинателем сибирской беллетристики [Там же. С. 236–237] и ставил в один ряд с Г.И. Успенским, отмечая подлинный реализм в изображении крестьянской жизни – аутентичность языка и достоверность типовых образов [Там же. С. 232].

Следует отметить, что сибирское областничество в данный период переживало некоторый спад, во многом обусловленный арестом и

ссылкой ключевых его представителей в конце 1860-х гг. Главным идеологом движения в это время становится Н.М. Ядринцев, который активно занимается разработкой его программы [9. С. 75]. В связи с этим его восприятие рассматриваемых произведений Наумова также представляет немалый интерес. Информацию об этом получаем из переписки Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина: «Как вы увидите, здесь снова появился Николай Иванович (Наумов) с “Юровою”. Прочитал. К сожалению, заметил, что он туго совершенствуется в беллетристическом искусстве и блеском не поражает. Видна наблюдательность и изучение народного быта, но не глубокая» [10. С. 87].

Что характерно, Ядринцев отрицает выделенные Потаниным достоинства и, напротив, критикует рассказы Наумова за недостоверное, ненатуральное изображение крестьян, ставя их гораздо ниже произведений Н.В. Успенского, В.А. Слепцова и Ф.М. Решетникова» [Там же. С. 87–88]. При этом если Потанин сосредотачивает свое внимание на глобальных проблемах (формирование сибирской литературы как таковой) и рассматривает общественно-политическое и социокультурное значение творчества Наумова на этом фоне, то Ядринцев в первую очередь апеллирует к эстетике его произведений, не выходя за пределы имманентных свойств литературного поля. В личной переписке Потанин оппонирует своему товарищу, защищая писателя, говоря о социальной и политической роли литературы и о второстепенности эстетических качеств наумовских произведений [11. С. 124–125].

Такое различие двух, казалось бы, идейно близких деятелей в оценке своего (предполагаемого) единомышленника едва ли можно объяснить исключительно субъективными эстетическими и поэтическими предпочтениями. Возможно, не последнюю роль здесь сыграли некоторые программные расхождения Потанина и Ядринцева, имевшие место в начале 1870-х гг. Так, В.М. Шиловский отмечает, что, будучи в ссылке, Ядринцев попал под влияние трудов К. Маркса и первое время активно использовал их в развитии областничества, вступив в идеологическую конфронтацию с ее более либеральным крылом, к которому тяготел Потанин [9. С. 82–84]. Не исключено, что эти перемены (наряду с репрессиями, которых Наумову, в отличие от многих его соратников, удалось избежать, вероятно, ввиду относительной пассивности) обусловили разочарование Ядринцева в своем товарище и подчас довольно предвзятую его оценку: «Я Николая

Ивановича знал с малых ногтей. Он и юнкером питал слабость к хорошему сюртучку, а теперь он с этим сюртучком ни за что не расстанется. Есть люди, которые никогда в свою жизнь не испытали богатства и никогда его не достигнут, они не знают ни его тщеты, ни его пресыщения. Это средний люд, который постоянно топорщится и ищет барского комфорта, но сколько ни топорщатся, – барами не бывают. Прицепившись к комфорту, они страшатся больше всего бедности и неприятностей. Николай Иванович на этой дороге. Его бедность не заставляет писать, а внутренне он, кажется, разжирел и разложился» [10. С. 137].

Примечательно, что в этом случае Ядринцев обращается, говоря языком современной терминологии, к вопросу взаимодействия различных социальных полей, занимаемых Наумовым. По его мнению, государственная служба (в том числе военная) негативно повлияла на литературное творчество писателя, сформировав чуждый для сибирского писателя габитус (систему устойчивых и переносимых диспозиций, приобретенную систему порождающих схем [12]), направленный на «приспособленчество», занятие гетерономных позиций в литературном поле.

Тем не менее мы можем вполне уверенно говорить, что уже в первой половине 1870-х гг. произведения Н.И. Наумова становятся весьма популярными и востребованными. Об этом свидетельствует не только их публикация в ведущих демократических изданиях того периода, но и издание в 1874 г. в Санкт-Петербурге (в типографии К.Н. Плотникова) сборника «Сила солону ломит». Этот сборник был издан силами упомянутых чайковцев, что обозначило его пропагандистскую направленность. Социально-политическими задачами общества народников, как отмечает С.Е. Кожевников [13. С. 34], было обусловлено и содержание сборника, в который вошли наиболее «острые» произведения Наумова, созданные в 1860–1870-е гг., а именно: «У перевоза», «Последнее прости», «Деревенский торгаш», «Юровая», «Крестьянские выборы», «Мирской учет» и «Еж».

Что особенно важно, упомянутые произведения обрели широкую популярность не только среди интеллигенции, но и непосредственно в народе, о чем свидетельствуют многие современники. В частности, Г.Н. Потанин отмечает, что «по всей вероятности, все сибиряки, от гимназиста до дряхлого седого старика, прочли давно эти прекрасные

рассказы» [8. С. 232]. Во многом этому поспособствовали усилия чайковцев по распространению сборника «Сила солому ломит». Так, член этого кружка Л.Э. Шишко отмечал: «Из легальных брошюр, распространявшихся чайковцами, наибольшим успехом пользовались: 1) «Дедушка Егор», 2) рассказы Наумова, изданные кружком чайковцев под общим заглавием «Сила солому ломит» в виде довольно большого тома, но легко разбиравшегося на отдельные брошюры...» (цит. по: [13. С. 4]). Об успехе сборника, по указанию С.Е. Кожевникова, говорил деятель «Земли и воли» Р.В. Аптекман: «Крестьяне (с. Муратовка Пензенской губернии) любили слушать не только “науку”, но и чтение наших беллетристов-народников. “Сила солому ломит” Наумова особенно нравилась им. «Словно про нас написано, не сказка, а быль» – говорили они по поводу этого рассказа. Наумов обыкновенно служил поводом к самому живому обмену мыслей» (цит. по: [Там же. С. 3–4]). Из воспоминаний чайковца С.С. Синегуба узнаем, что члены этого кружка распространяли сочинения Наумова еще до издания сборника: «...тут были наумовские “Еж”, “Мирской учет” и “Юровая” – первые две в 1873 году были журнальными статьями в “Отечественных записках”, и я оттуда читал их рабочим...» [14. С. 160].

При этом Наумов, следуя занимаемой позиции, в своих произведениях избегает открытой агитации и пропаганды, что, как ни странно, могло также способствовать их популярности. Не предлагая в своих очерках какого-либо выхода из описываемой ситуации, ограничиваясь порицанием сложившихся порядков в сибирской деревне, он таким образом позволял передовым читателям делать собственные выводы, соответствующие их взглядам [1. С. 143]. Надо полагать, что Наумов занял эту позицию под влиянием непосредственного контакта с крестьянской массой в ходе государственной службы, который показал ему безразличие и даже неприятие крестьянами открытой революционной агитации и пропаганды.

Так или иначе, народники оказались весьма удачными посредниками, которые лучше всякого издателя могли довести произведения автора до адресата. Популярность произведений Наумова среди рабочих и крестьян обеспокоила 3-е отделение, которое в 1875 г. выпустило постановление об ограничении их распространения [15]. Кроме того, цензуре подвергались и отдельные произведения Наумова,

например, очерк «Юровая» был разрешен к печати в журнале «Дело» только после ряда сокращений [16. С. 133–134]. Важно подчеркнуть, что и здесь в отношениях с государственным институтом (цензурой) Наумов избегал прямой конфронтации, стараясь в первую очередь довести свои произведения до читателя.

Таким образом, произведения Наумова первой половины 1870-х гг., вошедшие в сборник «Сила соломому ломит», не только были чрезвычайно популярны среди народнической интеллигенции (что, в частности, отмечал Г.В. Плеханов [1. С. 138]), но и успешно проникали в народ, судя по всему, отвечая его запросам.

Интересно, что в сборник не вошел написанный в этот период короткий сатирический очерк «Один из способов сближения с народом». В отличие от остальных, он посвящен не изображению крестьянской эксплуатации, а сатире на идею сближения интеллигенции с народом, т.е. на одно из программных положений народничества. По мнению Н.Н. Прозорова, сатирический удар произведения направлен против буржуазно-либеральной интеллигенции, преследующей в сближении с народом свои корыстные цели [16. С. 140]. Тем не менее нечаевцы, которых вряд ли можно отнести к либеральному крылу, не включили его в издание. Впрочем, это решение может быть обусловлено не только идеологическим неприятием, но и стремлением автора соблюсти тематическое и поэтическое единство сборника.

Институциональная деятельность Наумова, его позиция писателя-чиновника своеобразно повлияли на эстетику и поэтику произведений, вошедших в рассматриваемый сборник. Прежде всего следует сказать, что «Сила соломому ломит» – первый сборник рассказов Н.И. Наумова. С одной стороны, это отличает его от «Мирных сцен военного быта», изначально созданных как цикл. Сборник же – в первую очередь издательское явление, и произведения, вошедшие в него, были отобраны чайковцами в соответствии с их идеологическими задачами. С другой стороны, факт публикации рассказов, ранее печатавшихся на страницах журналов, в составе сборника не снимает вопроса их циклизации, что, вне всякого сомнения, сближает «Силу соломому ломит» с «Мирными сценами...», демонстрируя творческую эволюцию автора.

Интерес для исследователя представляет и заглавие сборника. В копии издательского договора, сохранившегося в Научной библиотеке

теке Томского государственного университета, Наумовым было указано следующее заглавие: «Очерки крестьянского житья в Сибири» [17], что, вне всякого сомнения, перекликается с «Мирными сценами», указывая на различные стороны жизни сибирских крестьян. Как известно, первоначальное заглавие, стилистически отредактированное, стало подзаголовком сборника: «Рассказы из быта сибирских крестьян». В связи с этим можно предположить, что основное заглавие – «Сила солому ломит», вероятно, было предложено чайковцами (либо возникло при их участии), использовавшими крылатое выражение (передающее основную идею всех рассказов сборника) для привлечения читателя из народной среды (см.: [18]).

Рассматривая заглавия, нельзя не коснуться вопроса о жанре произведений, составивших сборник и отражающих жанровые поиски Н.И. Наумова в 1870-е гг. Несмотря на то что писатель в указанном выше договоре называет свои произведения очерками, в самом сборнике, изданном в 1874 г. [19], они обозначены в жанровых подзаголовках как рассказы. Не находим единства в этом вопросе и у современников Наумова: в частности, Г.Н. Потанин называет произведения сборника рассказами (см.: [8. С. 231–238]), тогда как Г.В. Плеханов – очерками (см.: [1. С. 138–159]). Интересна в этом плане и издательская история рассматриваемых произведений: в отличие от сборника 1874 г., в собрании сочинений 1897 г. (см.: [20]), а вслед за ним и 1940 г. (см.: [21]) ряд из них имеют подзаголовки – «Сцены», «Очерк», «Рассказ», «Истинное происшествие» и др. При этом довольно сложно утверждать, что эти подзаголовки точно обозначают жанровую принадлежность произведений и позволяют классифицировать их – скорее, они, в разных формулировках, призваны указывать на их правдивость, документализм.

Вместе с тем такое различие в жанровой идентификации сочинений может быть обусловлено неразработанностью жанровых дефиниций, не успевающих отражать реальные жанровые процессы в литературе. В частности, границы между малыми эпическими жанрами были крайне размыты, что и порождало различное понимание их эстетических и поэтических особенностей.

То обстоятельство, что критики и исследователи, рассматривая произведения Н.И. Наумова, в основном заостряли внимание на их публицистических, пропагандистских и иных социально направленных

ных и социально обусловленных качествах, обходя стороной собственно эстетические, художественные особенности (или не останавливаясь на них подробно), указывает на их принадлежность скорее к очеркам, нежели к рассказам. Об этом, в частности, говорит Л.Г. Беспалова, отмечая, что этот жанр «...позволял быстро схватить и показать новые явления народной жизни, обусловленные ломкой феодально-крепостнических отношений» [3. С. 6]. Таким образом, обращение Наумова к очерку отвечало как его собственным задачам, так и тенденциям развития реализма в русской прозе и представлений о художественной правде в произведениях литературы и искусства.

Однако в случае Н.И. Наумова, как нам представляется, обращение к очерковой прозе связано с заметным влиянием на литературное творчество писателя его государственной службы, причем это отражено на всех уровнях текстов. В свое время Г.В. Плеханов указывал на особый характер беллетристики Наумова, связанный, по его мнению, с абсолютным превосходством публицистического начала над художественным [1. С. 138–139]. Плеханов связывал это прежде всего с примитивной прагматической целью, которую-де ставил себе Наумов, – показать «народное горе», выраженное прежде всего в эксплуатации сибирских крестьян, рабочих и инородцев. Но чем обусловлен такой подход, если, по словам того же Плеханова, Наумов все же обладал «некоторым художественным талантом»?

С этим тесно связан вопрос о читателе наумовской беллетристики, которая была обращена не только к столичной интеллигенции, но и к народным массам. Так, если в первом случае задачей Наумова была актуализация сибирской литературы в европейском (и общерусском) культурном пространстве (а также личное утверждение в литературном поле, накопление символического и экономического капитала), то во втором случае он стремится сформировать нового читателя и его рецепцию художественного произведения. И в этом ключе чрезвычайно показательным вхождением Наумова именно в поле беллетристики.

Положение беллетристики по отношению к классической и массовой литературе, ее отличительные признаки до сих пор являются предметом исследований. Сформулированная в Новейшее время концепция беллетристики как «срединного» пласта литературы подразумевает соблюдение баланса стандартизированного (воплощает в себе массовая литература) и индивидуального (классическая) начал [23. С. 693]. При этом,

несмотря на структурную шаблонность, типизацию образов (что будет показано далее), сближающие беллетристику Наумова с массовой литературой, его произведения не низводятся до литературного «низа» – китча и развлекательного чтения. Напротив, она, следуя определению А.В. Чернова (цит. по: [22. С. 691]), «адекватно отвечает эстетическим потребностям времени».

Все это также обусловило ярко выраженный документализм произведений Наумова, направленный на создание «эффекта реальности» и непосредственно связанный с вездесущим голосом автора, пронизывающим структуру каждого очерка. Так, повествователь постоянно вводит читателя в курс дела – можно сказать, ведет его за руку. Во всех произведениях он в подробностях рассказывает о тех или иных сторонах крестьянской жизни, позволяя лучше разобраться в происходящем, причем эти описания растягиваются на несколько страниц и в произведениях могут встречаться неоднократно. С одной стороны, эти сведения полезны читателю из городской среды, который в это время активно входит в литературную жизнь и при этом не осведомлен об особенностях сельской жизни в Сибири. С другой стороны, это позволяло создать реалистичную, правдивую картину мира, знакомую и понятную самим крестьянам, имеющим невысокие эстетические запросы. «Словно про нас написано, не сказка, а быль» – это именно та эстетическая оценка, которой, судя по всему, и добивался Наумов. В этом плане важно отметить, что реакция простого, массового, демократичного читателя для писателей XIX в. представляла более высокую ценность, нежели отзывы профессиональных критиков [23].

Вместе с тем читателю не только сообщается множество конкретных деталей реальных событий, местности, быта. Автор пытается соединить в литературном произведении правду и вымысел, поднять реальный факт до уровня «художественной правды». Так, из экспозиции «Юровой» читатель узнает о существовании одноименной ярмарки, о главном местном промысле – ловле рыбы, впадающей в зимнюю спячку, и о событии, с которого начинается завязка действия в произведении [19. С. 90–95]. Переданное в таком контексте «правдивости» нарратива вымышленное событие тоже обретает статус «правды» о жизни:

Только в описываемое мною время крестьянин села Юрьево Иван Николаевич Калинин убедил своих однодеревенцев не под-

даваться на уловки скупщиков и установить свою цену на каждый род рыбы. Мы видели, какое впечатление произвело известие об этом на Петра Матвееча Вежина, главного гуртового скупщика рыбы [21. Т. 1. С. 87–88].

Что характерно, этот отрывок, по сути, излагает содержание предшествующего диалога героев. Таким образом, параллельно используя голоса персонажей и повествователя для раскрытия сюжета, автор стремится расставить для своего читателя все необходимые акценты, не вполне ясно и открыто, по его мнению, передающие его идею в диалогах и монологах героев.

В «Крестьянских выборах» повествователь также подробно знакомит читателя с тем, как избирают старшину, какими он должен обладать качествами, чтобы охранять интересы крестьян, каким образом эти интересы нарушаются [19. С. 195–200] и т.д. В «Мирском учете» читателя продолжают знакомить с избирательной системой крестьян и со спецификой работы учетчика [Там же. С. 341]. Очерк «Еж» открывается детальным описанием жизни сибирских приисковых рабочих. Рассказывая о порядке их найма и характере работы, повествователь обильно приводит числовые данные, иллюстрирующие бедственное материальное положение рабочих ввиду несправедливых расценок и тяжелых условий труда, используя это как прием достижения правды в художественном произведении [Там же. С. 380–386].

Значительна роль повествователя и в раскрытии персонажей. В очерках четко выстраивается два антагонистичных образа – «миroeда» и «народного заступника». При этом повествователь не только описывает внешний вид героев (как это было в предыдущих произведениях Наумова), но и акцентирует внимание на их биографии, характере и даже их мыслях, мотивах и намерениях. Чтобы образы были более выпуклыми и отвечали авторской прагматической задаче, повествователь наделяется не только умением видеть и описывать мир в подробностях, но и оценочной функцией. Таким образом, автор утверждает в сознании читателя «готовый», идеологически выдержанный образ персонажа.

Например, в «Деревенском торгаше» знакомство с Прохором Игнатьевичем Белкиным не ограничивается его краткой биографией. После нескольких красноречивых сцен, где торгаш фактически обирает крестьян, задешево скупая их урожай и имущество, повествователь резю-

мирует показанное ранее и своими словами рисует нравственный портрет героя, не давая при этом читателю новой фактической информации, а только расставляя для читателя нужные ему акценты, управляя его восприятием и в конечном итоге формируя его культуру чтения [19. С. 59–60]. Подобную оценку встречаем в очерке «Юровая», при знакомстве с купцом Петром Матвейчем [Там же. С. 77–79].

В «Крестьянских выборах» повествователь знакомит читателя с двумя категориями кулаков – «сытыми и голодными», или «нажившимися и наживающимися» [Там же. С. 219–220]. Первая категория представлена Данилой Ираклиевичем Бессомыкиным, чей небольшой ум компенсируется большим самолюбием. Вторая в лице «хитрого и проницательного» кулака Трофима Кирилловича Шебалина, а также его компаньонов – Макара Васильевича Вешнякова, Анфиногена Борисовича Пруткова и Амвросия Николаевича Иволгина, стремится выбиться в люди за счет своего влиятельного и успешного «партнера». В «Мирском учете» угнетателем крестьянства выступает заседатель Николай Семенович Харламов. И в этот раз читателю наглядно демонстрируют его становление, вернее, становление его капитала, недвусмысленно рисуя его «нравственный» портрет. Подобным образом изображен управляющий прииска Василий Никитич Кудряшев в очерке «Еж», отличающийся своей жестокостью по отношению к рабочим.

Не менее выпукло представлен образ народного заступника. Примечательно, что этот образ, пожалуй, еще более, чем его антипод, типизируется, так что повествователь раз за разом акцентирует внимание читателя на одних и тех же качествах: «Они хорошо, например, сознают истину, что плетью обуха не перешибешь, и все-таки бьют по обуху, не замечая, что наносимые ими удары, в силу отражения, падают на них же с двойною силою. Но таково свойство их души! Они всецело отдаются своему делу, не останавливаясь ни перед чем и не щадя себя; в них много неискоренимой веры в правду, и они доискиваются ее всеми путями; они не знакомы с разочарованием, хотя жизнь на каждом шагу наталкивает их на него, и когда перед ними закрываются все пути, ведущие к их цели, они пробивают новые и все-таки идут к ней, пока не падут под бременем неравной борьбы» [Там же. С. 203–204]. Такими предстают перед читателем Иван Калинин в очерке «Юровая», Егор Бычков в «Крестьянских выборах», Данила Карпов в «Еже» и Максим Арефьич в «Мирском учете».

В результате наряду с демонизацией коллективного образа мироеда, представленного купцами, кулаками и чиновниками, происходит идеализация заступников из числа простых крестьян. Антагонисты, какими создает их автор, различаются не только внутренними качествами, но и внешне. Если первые имеют неказистое телосложение (часто отмечается их полнота), внимание читателей обращается на их маленькие, хитрые глаза, то вторые выделяются из общей массы своим ростом, физической силой и красивыми чертами лица – и это несмотря на довольно почтенный возраст, что также не раз отмечает повествователь.

Схематизация используется как прием и при создании образа крестьянина, деревенского мужика. В частности, это выражается в речи крестьян, которая перенасыщена пословицами, поговорками и прочими крылатыми выражениями, очевидно маркируя социальное положение героя, а заодно и его тип. «Измыслив», по словам Г.Н. Потанина, мужицкий жаргон, Наумов акцентирует внимание на ключевых, по его мнению, чертах крестьянской массы – многовековой житейской мудрости, живом уме, неприменном юморе и в то же время дремучем невежестве и закостенелости.

В итоге достоверность образов Наумова, которую отмечали современники, заключается не в изображении реальных людей со всей их внутренней противоречивостью, а в конструировании тех образов, которые в целом соответствовали представлениям читательской аудитории и отражали типичный, с точки зрения автора, характер отношений в сибирской деревне. В связи с этим следует обратить внимание на то, что характеры героев не получают никакого развития, а в готовом виде, без особых изменений, «перетекают» из одного произведения в другое. В этом плане нельзя вполне согласиться с утверждением Н.Н. Прозорова о динамичности наумовского образа кулака [16. С. 131]. В произведениях Наумова действительно представлены различные категории народных угнетателей на разных этапах их обогащения. Когда эти категории встречаются в одном очерке (например, в «Крестьянских выборах»), то мы и вправду наблюдаем некоторый контраст в их характерах. Тем не менее об их эволюции говорить не приходится, так что образ крупного купца Петра Матвейча из очерка «Юровая», практически, совпадает с образом торговца Прохора Игнатьевича.

В свою очередь, это обуславливает трансформацию роли диалогов в произведениях Н.И. Наумова первой половины 1870-х гг. Ввиду ска-

занного выше диалоги служат не раскрытию персонажей и даже не развитию сюжета – по большому счету, основная цель диалогов в данных очерках – прагматическая, т.е. воздействие на читателя путем изложения истории на понятном читателю языке (за ним, как уже отмечалось, следовало повторение сказанного голосом повествователя). В частности, именно речевые противостояния героев-антагонистов являются неперменной кульминацией каждого очерка.

Из этого следует сюжетная повторяемость произведений Наумова данного периода. В основе каждого очерка лежит, по сути, один конфликт: народ во главе с его наиболее пассионарными представителями вступает в противоречие с разного рода угнетателями. Несмотря на изначальную сплоченность и организованность и даже кажущийся успех, открытое столкновение оборачивается неминуемым поражением, связанным с нерешительностью и необразованностью крестьянской и рабочей массы, позволившим их оппонентам силой или обманом сохранять прежние порядки. При этом движущей силой в развертывании и раскрытии этого конфликта всегда является фигура повествователя. Его настойчивое и повсеместное присутствие подавляет художественное начало и всякий диалогизм и полифонию в угоду просветительским и идеологическим задачам.

Наконец отметим еще одну особенность очерков и рассказов сборника «Сила солону ломит»: изображение сибирского хронотопа в них также подчиняется задаче сказать читателю правду. Если в «Мирных сценах...» сибирское пространство было представлено весьма абстрактно (из конкретных географических мест пару раз упомянута только река Иртыш), то уже в произведениях первой половины 1870-х гг. Наумов, как правило, довольно четко обозначает место и время действия. Так, в «Деревенском торгаше» действие происходит в селе Локти, куда главный герой – торгаш Прохор Игнатьич Белкин переехал из города Кузнецка, где, напомним, нес службу Наумов. Также упоминается город Томск, где Белкин перепродавал скупленный в Локтях товар. Весьма примечательно, что действие происходит накануне праздника – Спаса, когда крестьяне «из нужды в деньгах ради праздника» активно продают свое имущество [19. С. 40]. Действие очерка «Юровая» происходит в селе Юрьево Тобольской губернии (еще одно место службы Н.И. Наумова в период 1864–1868 гг.), лежащем на берегу Иртыша, куда каждую зиму съезжаются крестьяне окрестных сел и

деревень на сезонный заработок. События «Крестьянских выборов» разворачиваются в нескольких населенных пунктах, в том числе в деревне Бурановой Алтайского горного округа, а «Мирского учета» – в селе Боготол Боготольской волости Мариинского уезда. Место действия очерка «Еж» – «Г-ий прииск».

Как видим, локации событий, изображенных в указанных произведениях, определялись не просто реальной географией, но географией государственной службы Наумова.

Итак, если цикл «Мирные сцены военного быта» был для Наумова (в связи с вхождением его в литературное поле) лабораторией повествовательных форм, произведения, вошедшие в цикл, отличались относительным разнообразием сюжетов и образов, то сочинения 1870-х гг., помимо общей «крестьянской» тематики, получают четко выдержанную структуру и систему образов, единый набор приемов. В них явно прослеживается сюжетная схематизация и поляризация образов, на первый план выходит авторская позиция. При этом каждое произведение сборника является своего рода «сценой», что отражено в заголовках более поздних изданий, подчеркивая заданность действия, его участников, места и времени, конфликта и его развязки.

Заключая анализ первого сборника Н.И. Наумова «Сила солому ломит», следует отметить, что его особенности обусловлены основными тенденциями народнической идеологии и народнической беллетристики наряду с теми задачами, которые пытался решить Наумов в ходе своей институциональной деятельности. Его творчество первой половины 1870-х гг., используемое чайковцами как рупор их идеологии, было направлено на удовлетворение запросов массового читателя и одновременно на создание своего «идеального» читателя, чего, в частности, добивались от Наумова деятели областничества. Повсеместное присутствие автора, подавляющее художественное начало, диалогизм и полифония повествования были для Наумова средством формирования читательской рецепции, причем речь идет именно о читателе из народа и из Сибири в первую очередь. С другой стороны, документализм очерков Наумова обусловлен не только тенденциями, связанными с расцветом реализма и поисками средств передачи в художественном произведении правды жизни, но и предшествовавшей государственной службой писателя, давшей ему богатый фактический материал и повлиявшей на характер его представления в литературе.

Такое взаимовлияние во многом обеспечивалось тем, что в рассматриваемый период Наумов занимал гомологичные позиции в различных социальных полях.

Литература

1. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения : в 5 т. / АН СССР, Ин-т философии ; вступит. ст. В. Щербины. М. : Соцэкгиз, 1958. Т. 5. 904 с.
2. Кожевников С.Е. Литературное наследство Наумова // Собрание сочинений. 1939. Т. 1. С. 3–31.
3. Беспалова Л.Г. Рабочие Сибири в творчестве Н.И. Наумова // Сибирь в художественной литературе. Тюмень, 1961. С. 3–30.
4. Стаселько К.И. Социология литературы Пьера Бурдьё // Социологический альманах. 2017. № 8. С. 260–261.
5. История русской литературы : в 4 т. Т. 3. Расцвет реализма / АН СССР, Ин-т русской литературы ; ред. Ф.Я. Прийма, Н.И. Пруцков. Л. : Наука, 1982. 875 с.
6. Рейтблаг А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М. : Новое литературное обозрение, 2009. 448 с.
7. Sapiro G. Autonomy revisited: the question of mediations and it's methodological implications // Paragraph. 2012. Vol. 35, № 1. P. 30–48.
8. Литературное наследство Сибири : в 7 т. / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 1986. Т. 7. 344 с.
9. Шиловский В.М. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск : Сова, 2008. 270 с.
10. Ядринцев М.Н. Письма к Г.Н. Потанину. Красноярск : Тип. Енис. губ. союза кооперативов, 1918. Вып. 1. 232 с.
11. Письма Г.Н. Потанина. / Сост. А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль, Я.Р. Кошелев, Н.Н. Яновский. Т. 1. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1987. 280 с.
12. Бурдьё П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 2. С. 40–58.
13. Кожевников С.Е. Николай Иванович Наумов: очерк о жизни и творчестве. Новосибирск : Обл. изд-во, 1952. 95 с.
14. Синегуб С.С. Записки чайковца / предисл. И. Гладнева ; под ред. П. Анатольева и В. Невского. М. ; Л. : Молодая гвардия, 1929. 341 с.
15. Из секретного циркуляра 3 отделения е. и. в. канцелярии начальника губернских жандармских управлений и жандармских полицейских управлений железных дорог об изъятии из обращения произведений писателя Н.И. Наумова, 20 марта 1875 года // Наш край в документах и иллюстрациях. Свердловск, 1966. С. 342.
16. Прозоров Н.Н. Н.И. Наумов в 60–70-е годы [XIX в.] // Ученые записки Енисейского педагогического института. 1960. Вып. 4. С. 89–154.
17. Наумов Н.И. Копия договора о продаже купцу Плотникову Константину Николаевичу своих сочинений... // ОРКП НБ ТГУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 53. 1 л.

18. Колганова А.А. Роль заглавия в формировании читательского интереса (в русской литературе XIX века) // Чтение в дореволюционной России : сб. науч. тр. / Гос. б-ка им. Ленина ; сост. А.И. Рейтблат. М., 1991. С. 43–55.

19. Наумов Н.И. Сила солому ломит: рассказы из быта сибирских крестьян. СПб. : Тип. К.Н. Плотникова, 1874. 417 с.

20. Наумов Н.И. Собрание сочинений : в 2 т. СПб. : Изд-во О.Н. Поповой, 1897.

21. Наумов Н.И. Собрание сочинений : в 3 т. / вступ. ст. и коммент. С.Е. Кожевникова. Новосибирск : Новосиб. обл. гос. изд-во, 1939–1940.

22. Кленова Ю.В. Классика, беллетристика, массовая литература: проблема границы // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. № 1–3. С. 687–693.

23. Чернец А.В. «Адресат» и «реальный читатель» в литературоведческом исследовании (на материале исследований чтения в России во второй половине XIX в.) // Чтение в дореволюционной России : сб. науч. тр. / сост. А.И. Рейтблат. М., 1991. С. 5–24.

Essays and Short Stories From Nikolai Naumov's Collection *Strength Breaks the Straw* in the Context of the Tchaikovsky Ideas

Текст. Книга. Книгоиздание – Text. Book. Publishing, 2020, 23, pp. 22–42

DOI: 10.17223/23062061/23/2

Vladislav A. Przhigot'skiy, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: hoald@mail.ru

Keywords: Nikolai Naumov, collection *Strength Breaks the Straw*, Siberian writer and official, populism, social field.

The study is carried out within the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. 0721-2020-0042.

The collection *Strength Breaks the Straw*, published in St. Petersburg in 1874 by the Circle of Tchaikovsky, marked the heyday of the literary work of Nikolai Ivanovich Naumov, a Siberian writer and official. The works of this collection were originally published in leading democratic journals of this period and later entered the pantheon of populist fiction and won the attention of many contemporaries and researchers in the future. A relevant aspect in the study of Naumov's creative heritage of the first half of the 1870s, i.e. the mentioned collection, is the understanding of the mutual influence of the various social fields he was engaged in during these years sequentially or in parallel and, accordingly, of his various institutional activities closely connected with literary ones, in particular, with the aesthetics and poetics of the collection. The article explores the mechanisms of influence of these various social fields on Naumov's literary activities during this period. It reveals the poetic and aesthetic features of the works of the collection caused by the historical and literary trends, by the ideological influence of populism, and by Naumov's own tasks as a Siberian writer and official. The analysis showed that the features of the works are caused not only by the main trends of populist ideology and fiction, but also by the tasks that Naumov tried to solve in the course of his institutional

activities. His works of the first half of the 1870s, which the Tchaikovsky used to spread their ideology, aimed at satisfying the demands of the mass reader and also at creating his “ideal” reader, which regionalists sought from Naumov. The exceptional documentary nature creating a “reality effect” and directly related to the author’s ubiquitous voice permeating the structure of each essay was a means for Naumov to form the reader’s reception, primarily that of a reader from people and from Siberia. On the other hand, the documentary nature of Naumov’s essays is caused not only by the trends associated with the flourishing of realism and the search for means of transmission of the truth of life in fiction, but also by the writer’s previous public service, which provided him with rich factual material and influenced the nature of its presentation in literature. This mutual influence was largely supported by the fact that, in the considered period, Naumov occupied homologous positions in various social fields.

References

1. Plekhanov, G.V. (1958) *Izbrannye filosofskie proizvedeniya: v 5 t.* [Selected Philosophical Essays: In 5 volumes]. Vol. 5. Moscow: Sotsekgiz.
2. Kozhevnikov, S.E. (1939) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 3–31.
3. Bespalova, L.G. (1961) Rabochie Sibiri v tvorchestve N.I. Naumova [Workers of Siberia in the Work of N.I. Naumov]. In: *Sibir’ v khudozhestvennoy literature* [Siberia in Fiction]. Tyumen: [s.n.]. pp. 3–30.
4. Staselko, K.I. (2017) Sociology of Literature by Pierre Bourdieu. *Sotsiologicheskii al'manakh*. 8. pp. 260–261. (In Russian).
5. Priyma, F.Ya. & Prutskov, N.I. (eds) (1982) *Istoriya russkoy literatury: v 4 t.* [History of Russian Literature: In 4 Volumes]. Vol. 3. Leningrad: Nauka.
6. Reytblat, A.I. (2009) *Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoy sotsiologii russkoy literatury* [From Bova to Balmont and other works on the historical sociology of Russian literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
7. Sapiro, G. (2012) Autonomy revisited: the question of mediations and its methodological implications. *Paragaph*. 35(1). pp. 30–48.
8. Yanovsky, N.N. (1986) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri: v 7 t.* [Literary Heritage of Siberia: In 7 volumes]. Vol. 7. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
9. Shilovsky, V.M. (2008) *Sibirskoe oblastnichestvo v obschestvenno-politicheskoy zhizni regiona vo vtoroy polovine XIX – pervoy chetverti XX v.* [Siberian regionalism in the social and political life of the region in the second half of the 19th – the first quarter of the 20th century]. Novosibirsk: Sova.
10. Yadrintsev, M.N. (1918) *Pis'ma k G.N. Potaninu* [Letters to G.N. Potanin]. Krasnoyarsk: Tipografiya Enis. Gub. Soyuzo Kooperativov.
11. Grumm-Grzhimaylo, A.G., Koval, S.F., Koshelev, Ya.R. & Yanovskiy, N.N. (1987) *Pis'ma G.N. Potanina* [Letters from G.N. Potanin]. Vol. 1. Irkutsk: Irkutsk State University.
12. Bourdieu, P. (1998) *Struktura, gabbitus, praktika* [Structure, habitus, practice]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – Journal of Sociology and Social Anthropology*. 1(2). pp. 40–58.

13. Kozhevnikov, S.E. (1952) *Nikolay Ivanovich Naumov: ocherk o zhizni i tvorchestve* [Nikolai Ivanovich Naumov: an essay on life and work]. Novosibirsk: Obl. izd-vo.

14. Sinegub, S.S. (1929) *Zapiski chaykovtsa* [Chaikovets' notes]. Moscow; Leningrad: Molodaya gvardiya.

15. The Third Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery. (1966) *Iz sekretnogo tsirkulyara 3 otdeleniya e. i. v. kantselyarii nachal'nikam gubernskikh zhandarmskikh upravleniy i zhandarmskikh politseyskikh upravleniy zheleznykh dorog ob iz'yatii iz obrashcheniya proizvedeniy pisatelya N.I. Naumova, 20 marta 1875 goda* [From the secret circular of the Third Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery to the chiefs of the provincial gendarme offices and gendarme police departments of the railways on withdrawal N.I. Naumov's works, March 20, 1875]. In: Kopylov, D.I. (ed.) *Nash kray v dokumentakh i illyustratsiyakh* [Our Land in Documents and Illustrations]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.

16. Prozorov, N.N. (1960) N.I. Naumov v 60-70-e gody [XIX v.] [N.I. Naumov in the 60-70s [19th century]]. *Uchen. zap. Eniseyskogo ped. in-ta*. 4. pp. 89–154.

17. Naumov, N.I. (n.d.) *Kopiya dogovora o prodazhe kuptsu Plotnikovu Konstantinu Nikolaevichu svoikh sochineniy ...* [A copy of the agreement on the sale of works to merchant Plotnikov Konstantin Nikolaevich ...]. Department of Rare Books and Manuscripts o, Research Library of Tomsk State University. Fund 2. List 1. File 53.

18. Kolganova, A.A. (1991) Rol' zaglaviya v formirovani chitatel'skogo interesa (v russkoy literature XIX veka) [The role of the title in the reader's interest formation (in Russian literature of the 19th century)]. In: Reytblat, A.I. (ed.) *Chtenie v dorevolutsionnoy Rossii* [Reading in pre-revolutionary Russia]. Moscow: USSR State Library. pp. 43–55.

19. Naumov, N.I. (1874) *Sila solomu lomit: rasskazy iz byta sibirskikh krest'yan* [Power breaks the straw: stories from the life of Siberian peasants]. St. Petersburg: K.N. Plotnikov.

20. Naumov, N.I. (1897) *Sobranie sochineniy: v 2 t.* [Collected works: in 2 volumes]. St. Petersburg: O.N. Popova.

21. Naumov, N.I. (1939–1940) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Works in 3 vols]. Novosibirsk: Novosibirskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo.

22. Klenova, Yu.V. (2015) Klassika, belletristika, massovaya literatura: problema granitsy [Classics, fiction, mass literature: the problem of demarkation]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN – Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 1–3. pp. 687–693.

23. Chernets, A.V. (1991) “Adresat” i “real'nyy chitatel'” v literaturovedcheskom issledovanii (na materiale issledovaniy chteniya v Rossii vo vtoroy polovine XIX v.) [“Addressee” and “real reader” in literary research (based on research on reading in Russia in the second half of the 19th century)]. In: Reytblat, A.I. (ed.) *Chtenie v dorevolutsionnoy Rossii* [Reading in pre-revolutionary Russia]. Moscow: USSR State Library. pp. 5–24.

И.В. Ащеулова

ДНЕВНИК КАК ФОРМА МИСТИФИКАЦИИ РЕАЛЬНОСТИ В РОМАНАХ В. ШАРОВА

***Аннотация.** В статье рассматривается дневник как форма повествования в романах современного отечественного писателя В. Шарова «Репетиции» (1992), «Старая девочка» (1998), «Воскрешение Лазаря» (2003). Дневниковые записи на уровне сознания персонажей фиксируют события, выполняют функцию изложения и осмысления реальных происшествий. На уровне авторского сознания дневники мистифицируются, стилизуются под найденные подлинные документы определенной исторической эпохи. Автор использует различные повествовательные структуры для воплощения мысли о полифоничности, многообразии русской истории.*

Ключевые слова: *дневник, форма повествования, В. Шаров, история, мистификация.*

В романах В. Шарова принципиальное значение приобретает текстовая структура повествования. Опираясь на неклассическое (постструктуралистское) восприятие истории как незаконченного текста, писатель, не доверяя и понимая неполноту официальных или признанных таковыми исторических документов, моделирует множественность текстовых версий исторических событий или фактов прошлого. Авторская модель русской истории основывается на приемах имитации, мистификации реальности, которые имеют функцию стилизации, вариантности, возможности таких текстов, что были утеряны, не найдены. Подобные приемы позволяют В. Шарову, с одной стороны, выразить тайные смыслы и дух определенного времени, нередко в острейшей полемике с устоявшимися историческими концепциями и взглядами на русскую историю; с другой стороны – выстроить авторские версии прошлой эпохи (или конкретных исторических событий, судьбы конкретной исторической личности), основываясь на подчеркнута неавторитетных, «найденных» текстах и свидетельствах.

Под художественной мистификацией мы будем понимать прием «осознанного введения вымышленного автора» (повествователя, историка, летописца, биографа, свидетеля событий), который позволяет

автору отрефлексировать самого себя [1. С. 9]. В случае с Шаровым иллюзия правдивости, открытия, нахождения неизвестного исторического свидетельства, архива, переписки и комментария к ним позволяет усомниться в законченности исторического процесса. Мистификация становится прорывом к исторической истине, потому что обнаруживает индивидуальные «правды», не попавшие в официальные исторические документы. С позиции персонажей (рассказчиков и свидетелей истории) мистификация выступает как прием интерпретации реальности, и ее мифологизации, и фальсификации, и сакрализации.

В. Шаров вводит в повествовательную структуру своих романов многочисленные тексты персонажей, в которых изложено не только их частное понимание отдельных событий, исторической ситуации в целом, но и фактов, подробностей, мелочей, которые запоминаются как значимые, важные, что коррелирует смысл целого. Сюда можно отнести сюжеты чтения и письма, пересказа, ссылки и обсуждения чужих текстов персонажами романов (подлинные тексты времени или также мистифицирующие документальную подлинность). Сюда же относится повествовательный прием «неавторитетного» слова, свидетеля, читателя, расследователя (историка), который выстраивает в тексте причинно-следственную связь, следуя своей логике. Система нарраторов создает многовариативность интерпретации прошлого, снимает монологизм авторской концепции.

Текстовые структуры романов В. Шарова многообразны: это дневниковые записи («Репетиции», 1992; «Старая девочка», 1998; «Воскрешение Лазаря», 2003), записки («След в след», 1991), письма («Воскрешение Лазаря», «Возвращение в Египет», 2013), лекции («Репетиции», «Будьте как дети», 2007), повести, романы, авторские сказки, хроники («До и во время», 1993; «Мне ли не пожалеть», 1995; «Воскрешение Лазаря»), архивы («Возвращение в Египет»), устные рассказы («Воскрешение Лазаря»), документы и источники («Репетиции»).

Композиционно романы Шарова всегда предстают гипертекстами, воплощая метафору истории как сложно организованного незавершенного повествования, как ризомы. Дневник как форма повествования, как стилизация документа личностного присутствия в истории избирается Шаровым сознательно.

В отечественной филологической науке сложилось два подхода к пониманию дневника. Дневник как тип высказывания рассматривает-

ся в работе М.М. Бахтина «Проблема речевых жанров» [2]. Ученый, описывая первичные и вторичные речевые жанры, относит дневник к первичным (простым) речевым жанрам. Это форма естественной письменной речи, эго-литература, направленная исключительно на выражение интимной сферы индивида и не предполагающая обнаружения, прочтения, публикации. Вслед за данным подходом современные лингвисты изучают интернет-дневники, блоги, заметки на полях лекций как примеры естественной письменной речи (работы Н.Б. Лебедевой, Т.Г. Рабенко).

Дневник как форма повествования становится предметом рассмотрения литературоведения. «Краткая литературная энциклопедия» дает следующее определение дневника: «...форма повествования, ведущегося от первого лица в виде подневных записей. Обычно такие записи не ретроспективны: они современны описываемым событиям. Наиболее определенно дневники выступают как жанровая разновидность художественной прозы и как автобиографические записи реальных лиц» [3]. Распространение дневниковой формы связано с вниманием к внутреннему миру личности, к возможностям самонаблюдения. Так написаны «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова, «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского, «Дневник лишнего человека» И.С. Тургенева. Дневник как вставная форма повествования используется Н.С. Лесковым в «Соборях», Ф.М. Достоевским в «Идиоте», Б.Л. Пастернаком в «Докторе Живаго», А.Н. Толстым в «Хождении по мукам» и т.д.

За последнее десятилетие дневник как форма повествования, как эго-литература, позволяющая проникнуть во внутренний мир индивида, привлекает исследователей. По мнению М.В. Ромашкиной, «дневник – это текст, написанный для себя, а не для посторонних глаз, описывающий только что случившееся событие как личной, так и глобальной значимости, с указанием дат создания и с периодичной пополняемостью» [4]. А.С. Рейнгольд описывает разновидности литературного и бытового дневника, и тот и другой объединяет форма – «записи, имеющие форму подневных, ведущиеся на протяжении некоторого времени» и задача – «представить внутренний мир личности через документально обоснованный текст, организованный по принципу собрания достоверных свидетельств и фактов жизни отдельного человека» [5]. Но от бытового литературный отличает цель – возмож-

ность публикации, обнародования и даже намеренное стремление к ним. Поэтому в бытовом дневнике, по мнению Рейнгольда, преобладают описания внутренних переживаний, а в литературном – фиксация внешних событий.

Расширенное представление о дневнике как эго-литературе представлено в монографии М.Ю. Михеева «Дневник как эго-текст» [6]. Исследователь, опираясь на принятое определение дневника: «дневник – это письменный текст, пишется только для себя (литературные дневники, заведомо пишущиеся для публикации, не рассматриваются), пишется без расчета на аудиторию и не для потомков, направленный на себя, собственный внутренний мир, мировоззрение», активно использует понятие «эго-текст» и рассматривает функции и смыслы дневника как в бытовом, эмпирическом контексте, так и в историческом, экзистенциальном. С данной позиции дневник как эго-текст обладает двумя существенными признаками: «это текст о себе самом, то есть имеющий своим объектом обстоятельства жизни самого автора, и – текст, написанный с субъективной авторской точки зрения, то есть человеком из эгоцентрической позиции». Помимо общепринятой коммуникативной функции дневника (изложение и осмысление информации), М.Ю. Михеев выделяет ряд культурных, социальных, экзистенциальных функций, существенно расширяющих его целевое назначение (функция культурной памяти, завещания, релаксационно-терапевтическая, социализационная и т.д.).

Таким образом, дневник как форма повествования позволяет В. Шарову раскрыть психологию персонажа, обозначить отношение к реальности, ее восприятие, образ. Обратимся к текстовой форме дневника в романах писателя («Репетиции», 1992; «Старая девочка», 1998; «Воскрешение Лазаря», 2003) и выявим уровни мистификации эмпирической и исторической реальности.

В романе «Репетиции» ключевой формой повествования становится дневник французского режиссера и актера, волею судьбы занесенного в Россию, Жака де Сертана. Сертан на протяжении нескольких лет (1660-е гг.) описывает сюжет постановки (репетиций) религиозной мистерии о жизни Христа под патронажем патриарха Никона. После низложения Никона и смерти Сертана записи дневника, в которых подробно расписаны структура мистерии, диалоги, мизансцены, смысл постановки, становятся основой для возникновения религиоз-

ной секты, имеющей целью приближение Второго пришествия Христа и Страшного суда. Текст романа предстает как повествование об историческом времени, в котором репетируется мистерия, при этом обнаруживается драматургическая логика русской истории, история накладывается на законы развития драматического действия, имеющего завязку, кульминацию, развязку, а главное, имеющего замысел и цель автора «пьесы» (уже не Никона и Сертана, но Создателя). Репетиции, бесконечно длящиеся во времени (от 1663 г. до 1930-х гг.), обнаруживают абсурдность истории, ее тупики, невозможность «премьеры».

Повествование в дневнике Сертана делится на три хронологических периода: до прибытия в Россию (1645–1654); жизнь в России и знакомство с Никоном (зима 1655 г. – весна 1661 г.); сюжет репетиций мистерии (лето 1661–1667 гг.).

Первый период совпадает с историческими событиями начала царствования Алексея Михайловича Романова: Русско-польская война 1654–1667, взятие Смоленска летом 1654 г., восстание Б. Хмельницкого (1648 г.), которое и разорило театр Сертана. В результате побед русской армии Жак де Сертан оказывается в русском плену. Повествование о втором периоде, особенно подробно описанная со слов Никона его жизнь, также подтверждается историческими документами и свидетельствами русских историков (рассказы о Никоне, «дело Никона» в лекциях С.М. Соловьева, Н.Ф. Платонова). Автор, выдавая дневник французского режиссера и актера за подлинное свидетельство определенной исторической эпохи (царствование Алексея Михайловича), безусловно, отражает объективные события. Культурный и ментальный сдвиг в русском сознании приходится на данное время. Перемены в русской жизни произошли не только из-за религиозного раскола, но и из-за стремления людей, близких к власти, жить по европейским нормам (желание царя и царского двора смотреть светские пьесы при общем запрете на лицедейские представления, обучение грамоте и письму девушек в боярских и дворянских семьях). Поэтому появление в России человека, подобного Сертану, закономерно и объяснимо, мистификация выстраивается на точном и подлинном историческом знании. Шаров в событии русского религиозного раскола 1660-х гг. обнаруживает общий алгоритм русской истории, а именно революционное преобразование русской действительности, осуществляемое «сверху», через утопические проекты верховной власти. Поэтому

«найденный» историком Сергеем в 1970-х гг. дневник Сертана позволяет воспроизвести «истинные» смыслы произошедших событий.

В этом контексте важен третий хронологический период, описываемый в дневнике Сертана, имитирующий репетиции мистерии о жизни Христа. Замысел, подбор актеров и декораций, идея и философия будущей постановки подробно описаны в дневнике Жака де Сертана. Сертан фиксирует и собственное привыкание к идее необходимости мистерии (внушаемой ему патриархом Никоном – истинным режиссером), и осознание этой необходимости актерами. В процессе осознания можно наметить несколько психологических состояний, характерных для актеров и Сертана. Дневник Сертана, отражающий душевные переживания героя, можно признать драматическим монологом внутри постановки театральной мистерии, его смысл заключается в оправдании идеи воздействия на зрителя посредством слова, изменения человеческой природы и социума в результате воспроизведения сакрального сюжета.

Сначала Сертан полон сомнений, силен его страх перед Никоном, в конце третьего года репетиций он даже пытается сбежать. Но постепенно постановка увлекает его, «он все глубже погружался в работу, она окружала, поглощала, завораживала его; это было и потому, что он любил и очень любил театр, и потому, что понимал, что никогда никто другой ничего подобного не ставил и вряд ли будет ставить» [7. С. 87]. Появляется не только профессиональный азарт, но и ответственность перед людьми, судьбу которых он уже изменил. Он привыкает к исполнителям, как к детям и ученикам, они считают его не только учителем, от которого они впервые услышали слова Священного Писания, но и «тем, кто был выше их, а они были апостолы», т.е. Христом. Моменты, когда в актерах происходят внутренние изменения, соответствующие воспроизводимым на сцене событиям, Сертан оценивает как действительное чудо: «...когда одухотворяется сама земля, когда она возводится душами и для душ... и он сам стал постепенно забывать, что это театр, что есть на земле пьесы и актеры» [7. С. 103]. Только чудом он может объяснить, что непрофессиональные актеры справляются с поставленными задачами, что, играя без главного героя (который, по мысли Никона, должен появиться непосредственно во время «премьеры»), они видят его: «Христос был, Он был ими точно и полно очерчен, Он был очерчен ими в своих живых,

настоящих размерах. Все, что они делали, было так выверено, как сыграть, тем более массовые сцены, невозможно; он заставлял их по десять раз <...> ему нужна была истина, что это есть, чудо или нет – идти толпой, останавливаться и снова идти: Христос был» [7. С. 110]. Сертан убеждается и фиксирует в дневниковых записях, что помимо его воли, помимо воли Никона в душу неграмотных людей, не знающих Писания и цели постановки, входит знание о Боге и желание следовать ему. Чудо внушено не созерцанием реальности, созданной Богом, но игрой в скрытую, сакральную реальность, закрепленную в тексте Библии, в словах ролей, в которые актеры уверовали, сделали их целью своей жизни. Актеры становятся посвященными, достойными участвовать в мистерии как в сакральном действе. Они не сомневаются ни в подлинности слов, ими произносимых, ни в подлинности событий, ими воспроизводимых; слова «ролей» приобретают функцию поступка, совершаемого в определенный момент развертывания событий. Избирая игру смыслом жизни, актеры начинают путь служения будущему, спектакль становится реальностью, рождая канон в мире «секты», живущей своей идеальной жизнью, вне контекста истории государства. В жизни «секты» дневник Сертана, который умрет перед отправкой в ссылку, становится текстом канона, свято оберегаемым для продолжения репетиций и возможности осуществить цель служения. Таким образом, личный дневник Сертана как канонический текст «секты» утверждает личную ответственность каждого актера за слова роли. Это утверждение основано на убеждении, что слова Священного Писания указывают путь к личному спасению и преображению души. В этом случае актер становится активным участником события, совершая личностный поступок. Сертан четко разграничивает законы игры и реальности, вписывая жизнь «секты» во вневременный, мистериальный контекст.

Однако канон нарушается в процессе сакрального служения, законы мистерии переносятся на реальность, возникают сомнения в сюжете Сертана, сомнения в собственном поведении, как следствие, сомнения в вере. Актеры выбирают путь Никона – путь личных амбиций, борьбы за власть, оправдание себя и обвинение других. В бесконечных повторах «избиения евреев» появляется мотив влияния на реальность, попытки ее переделать, изменить устоявшийся сюжет, «заставить» Христа прийти.

Авторское сознание, сталкивая в повествовательной структуре романа мысли Сертана и позднейшие тексты «секты», стремится обнаружить историософскую проблематику. Смысл дневника на уровне авторского сознания заключается в установлении законов исторической мистерии. Что есть источник и механизмы исторического движения, его движущие силы, в чем смысл истории, какова роль человека?

Безусловно, сюжет о постановке мистерии, воспроизведенный в дневнике Сертана, выводит автора к мысли о влиянии любой идеи (идеологической, философской, религиозной) на реальность. Идеи утверждаются, порождая адептов-актеров, и могут стать насилием над реальностью: жесткая канва пьесы, бесконечные репетиции, требующие подчинения логике пьесы вопреки реальности, убивают истинные мгновения жизни, служение идее заводит в тупик. Неслучайно репетиции вписываются в систему ГУЛАГа, порожденного другим замыслом, другим текстом, равно претендующим на реализацию, обосновывающим насилие во имя достижения идеи (мистерии). В этом смысле механизм движения русской истории обусловлен вариантами отношения к идее: либо фанатичное следование и манипуляция; либо противодействие, личностные поступки, историческая ответственность; либо непротивление, уход в подполье, личное неучастие (мистерия Сертана и мистерия Никона являются наглядными примерами). По Шарову, подобная вариативность рождает двойную «революционность» русской истории: либо идея продвигается «верхами», властью, либо – «низами», народом – в любом случае обнаруживается крайнее противостояние идейных полюсов, что влечет за собой разного рода расколы. Алгоритм русской истории предельно ясен – повторение расколов приводит к абсурдным тупикам. По Шарову, спектакля все равно не будет (хотя он и приобретает статус народной драмы), так как космогонический порядок репетиций нарушается. Актеры изменяют мистирию, внося в ее репетиции сомнение, нетерпение, насилие, в итоге история также становится механизмом насилия над человеком. И в этом можно усмотреть авторское предупреждение об опасности подобного повторения.

Повествование в романе «Старая девочка» связано с осмыслением важнейшего для авторской историософии Шарова события в русской истории – революции 1917 г. и политических репрессий 1930-х гг. Основу повествования составляют имитированные автором тексты

различного статуса: личный дневник главной героини Веры Радостиной, письма Веры к Сталину, сказка о Ленине, сочиненная Верой, протоколы допросов близких и знакомых Веры, выступления-доклады Ежова и Сталина на заседаниях секретариата партии, донесения и архив начальника областного управления НКВД в Ярославле Отто Клеймана, архив следователя Ерошкина. Тексты вставляются автором в личное повествование рассказчика, который пересказывает жизнь Веры со слов ее дочери Тани и собственных небольших личных впечатлений 1974–1975 гг., когда он провел лето на даче с Верой.

В романе форма дневника не направлена на раскрытие психологии, внутреннего мира главной героини, так как ее дневниковых записей от первого лица в романе нет, за исключением нескольких выписок, приводимых следователем Ерошкиным во время допросов фигурантов дела Веры. Содержание дневника передается со слов людей из окружения Веры. Таким образом, личные записи Веры передаются людьми, становящимися как бы персонажами ее текста о жизни. Пользуясь словами Бахтина: «под жизнеописанием мы понимаем ту ближайшую трансгредиентную форму, в которой я могу объективировать себя самого и свою жизнь художественно» [8. С. 171], обозначим стратегию героини как автора дневника. Вера делает ежедневные записи, рефлексивует, точно и подробно фиксируя мельчайшие события, разговоры дня, объективно создавая образ реальности. Объективность дневникового повествования подтверждается многочисленными свидетелями, ибо описание Веры полностью совпадает с рассказами ее знакомых, как дальних, так и близких, о тех же самых событиях. Дневник не является собранием романтических девичьих мечтаний и иллюзий, не выдает желаемое за действительное (подмена реальности словом). Реальность и реальные люди не сочиняются, а описываются по возможности точно. Дневник не становится столкновением двух реальностей: субъективной реальности Веры и ее окружения. Дневник предстает как личный документ собственной жизни и документ исторической эпохи 1920–1930-х гг. Это нарративная функция дневника Веры Радостиной, рассказы о революции, ее смысле, ее значении для человека и его современников. Проблема данного стилизованного документа заключается в его семантике в структуре повествования романа, в соотношении сознания и текста Веры как персонажа романа и авторской стратегии. В чем смысл реконструкции сознания такой

личности? Какова судьба реальности, роль события в процессе «обратного чтения», когда Вера идет по дневниковым записям назад, уходит в прошлое? Отмена неистинной реальности, исповедь с покаянием, исправление ошибок или обвинение истории, уверенность в ее недолжном развитии?

Обратимся к коммуникативно-нарративной цели дневника Верой Радостиной, советского человека, правоверного коммуниста, преподавателя, заведующей кафедрой педагогического вуза, жены видного руководителя-хозяйственника.

Вера начала вести дневник по настоянию матери, как только научилась писать, и все годы детства и сознательной взрослой жизни, сколько себя помнит, «даже больная, с высокой температурой, даже в Башкирии, она день за днем делала подробнейшие записи» [9. С. 83]. Ведение дневника мотивировано и семейной традицией, так делали ее мать и бабушка, и привычкой, и необходимостью постоянной душевной работы изо дня в день подробно фиксировать события, людей, слова, разговоры, состояния. Подростковый бунт против дневника (нежелание слушать мать) в четырнадцать лет кончается ничем, и Вера продолжает эту работу. Будучи дочерью московского священника, дьякона, Вера с детства ощущала постоянную необходимость в диалоге с мирозданием, что и акцентируют слова матери: «...человек должен уважать себя и свою жизнь, уважать, наконец, Создателя, все это сотворившего, а как же это делать, если день прошел, а завтра ты уже ничего не помнишь» [Там же. С. 84].

События детской жизни в дневнике практически не упоминаются, можно лишь с уверенностью утверждать, что в родной семье Вере было трудно, она была нелюбимой, нежеланной дочерью (любимой была старшая Ирина, талантливая и одаренная), знала об этом и одинаково далека была как от матери, так и от отца, который был очень добрым человеком. Жизнь московской священнической семьи была традиционна: «Приемы и хождения в гости к родственникам, которых было чуть не пол-Москвы, церковные праздники, гимназия, летом дача» [Там же. С. 46]. Событием, сделавшим Веру и ее жизнь другой, стала революция (Октябрьский переворот). Вера легко для себя сделала выбор в пользу революции и, став коммунистом, порвала с семьей: «...она встретила революцию восторженно. Для нее революция была прекрасной сказкой, гадким утенком, золушкой, которая вдруг

становится королевой» [9. С. 21]. Можно предположить, что сказочность, чудесность революции Вера перевела на собственную судьбу «гадкого» нелюбимого ребенка и увидела в революции возможность преображения и своей жизни.

Таким образом, перед читателем традиционный бытовой дневник с полдневными записями, его коммуникативная цель заключается в постоянном, ежедневном воссоздании окружающей реальности, ее фиксации и оценки, истинность, объективность реальности выражается в событиях, встречах, разговорах, мелочах жизни. Вера вписывает свою жизнь в бытовой, эмпирический круг, но и в бытийный круг, в кругозор Создателя, фиксируя значимость собственного существования-замысла и замысла Создателя. Подобная стратегия отсылает к временной составляющей дневника и, в частности, к событию русской революции, ставшему переломным и в судьбе Веры, и в судьбе страны, и в том проекте Создателя, который вмещает в себя понимание исторических процессов и отдельных человеческих судеб. Революция оказывается перекрестком, на котором изменился эмпирический вектор жизни Веры (как и многих ее современников) и метаисторический, как выбор народом, страной, эпохой нового проекта по переделке мира и замысла Создателя.

В дневниковых записях революционное время спрессовывается в полтора-два года, за которые Веру, «как и всю страну, бросало из стороны в сторону» (она ровесница века, в 1918 г. ей 18). Хронология жизни Веры в революционное время примерно такова: в 1917 г. заканчивает гимназию, весна и лето 1918 г. – работает в школьном подотделе Центрального комитета объединенного профсоюза работников железнодорожного и водного транспорта (Цектран) и одновременно учится в трех институтах, ноябрь 1918 г. – месячная поездка от Укрцентркомдезертира в агитпоезде (борьба с дезертирами в армии), в 1919 г. вступает в партию, работает в Башкирии учителем, в 1920 г. учится на учительских курсах от комиссариата Просвещения, в 1922–1923 гг. близко общается со Сталиным и его окружением.

Вера, приняв революцию, увидев в ней возможность переделки реальности, отдалась ей в полной мере. Вера как героиня дневниковых записей-сюжетов предстает хоть и молодой, взбалмошной, странной, но подлинной, живой. «...эволюция Веры в дневнике была понятна, естественна. Во всем этом не было никакого надрыва и никакой осо-

бой убежденности тоже не было. Просто Вера выбрала одну сторону, поняла ее правоту и к ней присоединилась. Выбрала победителей, потому что лучше все-таки быть среди победителей, и дальше вела себя, как требовало время и ее статус коммунистки. Она была понятна Ерошкину и, пожалуй, что редкость понятна сама себе» [9. С. 100]. Выбор Веры в пользу революции как новой судьбы понятен ее современникам: следователю Ерошкину, ведущему «дело Веры» и читающему ее дневник, родителям (хоть они и не могут согласиться с выбором дочери), мужьям, возлюбленным и друзьям, становящимся персонажами ее дневника. Важно, что Ерошкин отмечает литературность, художественность дневника («он читал их как интересный роман»), но непридуманность жизни, «самая настоящая жизнь» очевидны. После первого допроса свидетеля по «делу Веры» Ерошкин еще раз в этом убеждается («Верини дневники отличаются удивительной точностью»). Таким образом, проблема подлинности дневника решается в пользу его объективной нарративности, он становится документом времени, революции, закрепляет ее правильность как неоспоримый факт.

В связи с установленной семантикой дневника возникает «дело Веры» в НКВД. События ареста и расстрела мужа переламывают сознание Веры, лето 1937 г. – это финал повествования в дневнике. Оказываясь в полной изоляции, в роли жены врага народа, Вера перестает вести дневник, забывает о нем. Идеино переосмысленная реальность для Веры больше не существует, ей не о чем рассказывать, переводя события в текст, она отказывается от жизни и как движения вперед, в будущее, и как формы самоосознания в тексте. «Вере вдруг пришло в голову, что кроме детей и мужа она потеряла еще одно... И вот теперь Вера подумала, что с того дня, как она села в поезд и первый раз поехала в Саратов, она ни разу дневника не открывала...» [Там же. С. 84]. Вера выбирает иную функцию – читателя, наблюдателя и начинает движение назад. Дневник становится путевой картой, по которой Вера день за днем будет уходить от жизненной катастрофы в идеальное, по ее мнению, прошлое. Уход Веры станет причиной паники в правительственных и силовых структурах, движение назад отменяет не только личную катастрофу героини, но и событие революции, воспетое Верой в дневниковых записях, а значит, и революционные последствия: коллективизацию, создание нового советского челове-

ка, нового государства, наконец, руководящую силу партии и самого товарища Сталина. Веру нельзя отпустить, ее нужно остановить (расстрелять) или заставить вернуться к одному из многочисленных возлюбленных. Опасность органам видится не в самом процессе ухода назад, отказа от совместного движения вперед, но в возможности влияния Веры на других, на слабых, недовольных, потерявших веру (метафорическое значение имени героини). «...хотя Вера пока возвращается одна, народ же, как и раньше, твердо идет вперед, не обращает на нее внимания, завтра может сделаться так, что все, кому власть чем-нибудь не угодила, все, кто считает себя нашей властью обиженными: бывшие дворяне, буржуи, чиновники, – пойдут назад. А за ними их родственники, знакомые <...> сумеем ли мы остановить эти многомиллионные толпы, даже если перегорим дорогу. <...> Уже теперь многие замедляют ход, начинают тормозить, задумываться, затягивать шаг, и ясно, что, если так пойдет дальше, скоро они совсем остановятся» [9. С. 96–97]. Вера опасна, так как меняет стратегию перевода реальности в текст. Она не интерпретирует событие, не осмысливает, не конструирует его заново. Читая в обратном порядке, она отменяет и категорию жизни-реальности, и категорию текста-реальности, избавляется от власти идеи.

Важна смена функций: от творца реальности к полному отказу от нее, эскапизму, пересмотру и мировоззрения, и исторического события как недолжного, не оправдавшего надежд и веры. В этом смысле значим сюжет Иова, в образе которого видит себя Вера. «Оставшись одна, она мало ела: не хотелось, да и не могла заставить себя пойти на рынок, не следила за собой, иногда по многу дней даже не умывалась и скоро совсем опустилась. Еще хуже было то, что из-за нервов началась какая-то экзема, по телу пошли язвы, гнойники, так что ей теперь казалось, что она, как Иов, гниет заживо» [Там же. С. 79]. Как Иов, Вера, адресуясь к Сталину-богу, начинает жаловаться на несправедливость. В отличие от смирения и веры библейского Иова Вера выступает в роли судии живого бога, исторического события и недолжной реальности. Дневник начинает восприниматься как карта, по которой возможен исход из реальности, созданной революцией и самой Верой. В этом смысле стратегия ухода – это и покаяние, и понимание революции как исторической ошибки.

Показательно, что ни НКВД, ни власть Сталина, ни воля матери не смогли остановить и скорректировать путь Веры назад. Ни к одному

возлюбленному героиня не вернулась (в их числе и Сталин), мать не смогла вернуть ее в лоно семьи и церкви. Можно утверждать, что уход Веры – это индивидуальный выбор личностного сознания.

Как нам представляется, моделирование автором дневниковых записей такого персонажа, как Вера, связано с восприятием роли человека в историческом процессе 1920–1930-х гг. До события революции Вера – среднестатистическая русская девушка из хорошей православной московской семьи. Революция переворачивает не только быт (необходимо ехать за хлебом на Волгу), но и сознание русского человека. Вера оказывается тождественна эпохе, ее завораживает величественность и феноменальность происходящего, героиня понимает, что революция должна быть вовлечена в общий исторический поток, нужно «вписать революцию в историю России. Вписать так, чтобы ни у кого не было сомнений, что именно революция – истинный наследник прошлого, именно она – помазанник Божий, а не какой-то там самозванец» [9. С. 22]. Сознание Веры, с авторской точки зрения, – это сознание миллионов, откликнувшихся на идею национальной революции. Дневник Веры Радостиной отражает общую стратегию первых десятилетий советской власти, когда решался вопрос о необходимости создания нового мира, нового человека, способного своими деяниями заменить фигуру Создателя, изменить Его проект бытия. В сюжете романа эта мысль оформляется через фантазмагорическое допущение возникновения культа личности Сталина из мыслей и разговоров Веры. Показательны записи Веры о Сталине, с которым она познакомилась и часто встречалась в 1922–1923 гг. Вера на правах нарратора-сказителя творит миф о живом боге, демиурге, воплощающем собой идею создания новой реальности-страны и целостности нового человека. «Она говорила Аллилуевой, что вот он, Сталин, – бог, живой бог <...> сколько людей к нему обращается, сколько любит, молится на него, с ним одним связывает все свои упования, и это только растет и растет» [Там же. С. 63, 65]. Метафорически в сфере авторского сознания формируется «народ Веры», поверивший в возможность революционного преобразования, в коммунистическую идею, в живого бога, в свои творческие силы и, как Вера, разочаровавшийся.

С точки зрения авторского сознания, уход от реальности, отмена исторического смысла события революции отсылает к авторской

мысли о революции как бездне, в которой пропали миллионы русских людей, и идеологов, и жертв революции. При общей исторической закономерности революция оказывается катастрофой в национальном историческом процессе. Отказ Веры от акта творения текста революции можно воспринимать как осознание вины героини и перед реальностью, и перед семьей, и перед Богом (сцены романа, воспроизводящие покаяние героини и отпущение грехов). По Шарову, отказ от власти, от давления идеи, слова может привести человека к осознанию собственного исторического пути, а выход к памяти, позволяющей впускать в сознание другие истины, нежели господствующие в данный исторический момент, формирует аналитическое, критическое отношение к реальности [10]. Вера отказывается писать, творить новую реальность, но не отказывается помнить, тем самым сохраняя, оставляя жизнь многим людям. По словам Шарова, «история движется духовными импульсами людей» [9].

Следующим и последним романом, использующим форму дневника, становится «Воскрешение Лазаря». Роман выстраивается как ряд текстов, писем, написанных отцом к дочери в течение 1994 г. (эпистолярная традиция). Автор писем безымянен и выступает не только как свидетель, но и как посредник, рассказывая о ставших ему известных событиях. Например, он восстанавливает сюжет жизни и мысли братьев Николая и Федора Кульбарсовых, чуть не повторивших, по его мнению, судьбу Каина и Авеля в XX в. В романе создается многоуровневая структура «тексты в тексте»: повествователь цитирует найденные письма Николая Кульбарсова – философа-самоучки, стремившегося воскресить Россию; воспроизводит устные рассказы своей тетки Галины – келейницы отца Феоноста (Федора Кульбарсова), и ее предшественницы Катерины Колпиной; приводятся письма самой Кати Колпиной к своей двоюродной сестре и жене Николая Кульбарсова Наталье Колпиной; переписка Натальи Колпиной с подругой Ниной Лемниковой; повествователь записывает рассказы встреченной на кладбище Ирины о ее отце Серегине; приводятся конспекты найденных работ Серегина; упоминается книга рассказов писателя Моршанского, ученика Серегина и друга отца повествователя; в интерпретации Николая Кульбарсова пересказываются тексты Библии, Федорова, Толстого; приводится в финале письмо Халупина, последователя Толстого и Кульбарсова. В соединении текстов

обнаруживается не только связь судеб разделенных во времени личностей, возникает образ исторической связи идей, которая восстанавливается усилиями людей, ищущих смысл своего времени.

В финале повествования среди архива, доставшегося повествователю после смерти тетки, обнаруживается дневник Николая Кульбарсова, записи которого позволяют проследить судьбу героя до смерти. Дневник приобретает как минимум три функции. На сюжетном уровне он логически завершает событие поиска исчезнувших рукописей Давида Моршанского и приват-доцента, философа Серегина. В дневнике повествователь и его добровольные помощники находят ключ к месту нахождения рукописей. На уровне сознания автора дневника Николая Кульбарсова, он приобретает функцию «документации своей идентичности», подтверждения непрерывности своего «я». На уровне авторского сознания дневник становится фактом процесса воскрешения индивидуума в бездне истории. Остановимся на двух последних уровнях подробнее.

Николай Кульбарсов, философ-самоучка, мечтающий спасти Россию и ее народ в хаосе Гражданской войны, проживет долгую жизнь, вплоть до 1990–1991 гг., когда незадолго до смерти будет вести ежедневные записи, потрясшие повествователя. В молодости Николай ради идеи воскрешения умирающей России-Лазаря пожертвовал семьей, дочерью, братом и даже самим Богом, на которого уповал и ждал знака о спасении. В итоге Николай пришел к мысли о вине Бога во всем зле мира и отказался от веры, от личной ответственности человека за происходящее с ним. Отказ от веры приводит героя к душевной пустоте, разочарованию и цинизму. Записи начала 1990-х гг. показывают, насколько «ярился» Николай, наблюдая за изменением реальности, «матерно ругает себя, а заодно и правительство». Дневник выполняет так называемую релаксационно-терапевтическую функцию, когда Николай выплескивает эмоции, чтобы те его не душили. Аккуратное перечисление цен на продукты, въедливая фиксация покупок, личные комментарии делают дневник Кульбарсова документом эпохи, это след человека в бесконечном потоке истории. «Читать все это было, конечно, грустно, но думаю, лет через пятьдесят-сто для любого, кто станет изучать наше время, тетрадам Кульбарсова – их там четыре – цены не будет» [11. С. 343]. Николай понимает, что жизнь прожита зря, доживает в страхе перед властью и пол-

нейшем одиночестве. Но старается оставить след, возможность отдаленного будущего воскрешения.

С позиции авторского сознания дневник Николая Кульбарсова предстает формой мистификации, печальный итог жизни человека, увлекшегося идеей и потерявшего личностное свободное мышление. Но образ истории как бездны, как хаоса, где пропадают люди, позволяет предположить, что дневник Коли – это найденный след пропавшего человека. Дневник воспринимается уже как факт личностного мышления и сознания, документ, позволяющий понять необнаруженные, неочевидные смыслы истории. Именно поэтому Николай не уничтожает рукопись Моршанского, но сохраняет ее, понимая значимость памяти для процесса воскрешения.

Перейдем к выводам. Столкновение множества точек зрения и свидетельств в романах Шарова создает полифоническое восприятие прошлого и позволяет прийти к пониманию истории не как движения к цели, а как органический процесс развития усилиями многих людей. Тогда ошибки одного человека будут иметь менее глобальные последствия. Но сами по себе идеи и тексты, создаваемые людьми, – это неотъемлемая сущность и назначение людей как носителей сознания, повторим еще раз: «история движется духовными импульсами людей». Шаров оставляет возможность освобождения от власти слов и идей – память, позволяющая впускать в сознание другие истины, нежели господствующие в данный исторический момент, и аналитическое, критическое отношение к различным текстам, необходимость разгадывать архивы, обнаруживая разные следы в истории. По словам Д. Бавильского, «зафиксировать – значит запомнить, а запомнить в свою очередь означает победить небытие, подарить бессмертие. Это традиционная для писателя вера в сверхъестественное значение всякого рода документов и рукописей, имеющих самое важное, наджизненное значение» [12. С. 278]. Сам писатель говорил об этом так: «Много читаю мемуаров и воспоминаний, написанных не профессиональными литераторами, а простыми людьми. Как они жили, воспитывали детей, как бежали, возвращались, сидели в лагерях, выходили оттуда, как любили, как понимали и свою, и общую судьбу. Это и есть свидетельства истории, которую без таких воспоминаний мы бы вообще не знали. К сожалению, в России люди боялись все это хранить. Письма, дневники уничтожались. <...> Я пытаюсь вернуть

огромный пласт жизни или даже чаще просто помянуть миллионы людей, которые жили, рожали детей, воевали и много о чем думали. Большинство из них погибло. Но у них была своя правда, и, какие бы ошметки, ничтожные обрывки от нее ни остались, восстанавливать эту правду необходимо. Иначе мы ничего не поймем в нашей общей судьбе. От кого-то, например белых и красных, сохранилось огромное количество документов, а от других, чья роль в русском XX в. была не меньшей, – почти ничего. Тысячи и тысячи проповедников, странников были бесписьменными, они передавали свои знания из уст в уста. И найти то, во что они веровали, чего ждали и на что надеялись, непросто. В любом случае я пытаюсь это понять» [13].

Таким образом, обращаясь к дневнику как форме повествования, Шаров обращается к конкретному индивиду, его частному существованию в истории. Дневники, письма, архивы – это воплощенное сознание человека, его память, его комментарий к бытию, его правда. В столкновении людских монологов и многочисленных правд Шаров видит образ полифонической истории, ее многообразие и объективность. По мысли С.С. Пахомовой [14], данная тенденция уводит Шарова от постмодернистской философии истории с ее отказом от субъекта и возвращает к традиции реализма в его постреалистической трансформации.

Литература

1. Гулиус Н.С. Художественная мистификация как прием текстопорождения в русской прозе 19801–990-х гг. (А. Битов, М. Харитонов, Ю. Буйда) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 24 с.
2. Бахтин М.М. Проблемы речевых жанров // Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб. : Азбука, 2000. С. 249–298.
3. Чудакова М.О. Дневник // Краткая литературная энциклопедия. Т. 1: Аарне – Гаврилов / гл. ред. А.А. Сурков. М. : Сов. энцикл., 1962. С. 707–708.
4. Ромашкина М.В. Дневник: эволюция жанра // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=15447> (дата обращения: 06.02.2019).
5. Рейнгольд А.С. Жанровые особенности литературного дневника и дневник как нелитературный текст // Вестник РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2010. № 11 (54). С. 118–129. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovye-osobennosti-literaturnogo-dnevnika-i-dnevnik-kak-neliteraturnyy-tekst-1> (дата обращения: 06.02.2019).

6. Михеев М.Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX). М.: Водолей Publishers, 2007. URL: <http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/research/miheev/kniga.htm> (дата обращения: 6.02.2019).
7. Шаров В. Репетиции. Роман. СПб.: Лимбус Пресс, 2003. 272 с.
8. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. С. 9–226.
9. Шаров В. Старая девочка. Роман. М.: Астрель, 2013. 478 с.
10. Быков Д. Что случилось с историей? Она утонула: Интервью с В. Шаровым // Русская жизнь. 2007. № 3 (8 июня). URL: <http://www.intelros.ru> (дата обращения: 29.04.2012).
11. Шаров В. Воскрешение Лазаря. Роман. М.: Вагриус, 2003. 366 с.
12. Бавильский Д. Ниши Шарова // Новое литературное обозрение. 1997. № 28. С. 269–284.
13. Шаров В. «Премиями вдохновение не заманишь...» Интервью В. Шарова // Частный корреспондент. 2012. 10 апреля. Беседовал М. Шабашов. URL: http://www.chaskor.ru/article/vladimir_sharov_premiyami_vdohnovenie_ne_zamanish_1562 (дата обращения: 6.02.2019).
14. Пахомова С.С. Повествовательные стратегии в современной прозе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2012. 24 с.

Diary as a Mystification of Reality in Vladimir Sharov's Novels

Текст. Книга. Книгоиздание – Text. Book. Publishing, 2020, 23, pp. 43–63

DOI: 10.17223/23062061/23/3

Irina V. Ashcheulova, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation).

E-mail: asheulova@mail.ru

Keywords: diary, narrative form, Vladimir Sharov, history, mystification.

In Vladimir Sharov's novels, the text structure of the narrative is of crucial importance. The text structures of Sharov's novels are diverse: letters, diaries, archives, notes, treatises, dissertations, etc. Sharov consciously chooses the diary as a form of narration, as a stylisation of the document of one's personal presence in history. The diary allows Sharov to reveal the characters' psychology, to identify their attitude to reality, its perception, and image. The article analyses the form of the diary in the novels *The Rehearsals* (1992), *The Old Girl* (1998), *Raising Lazarus* (2003). In *The Rehearsals*, the diary of Jacques de Sertan, a French director and actor brought to Russia by the will of fate, becomes the key form of the narration. For several years (1660s), Sertan describes the plot of the rehearsals of a religious mystery about the life of Christ staged under the patronage of Patriarch Nikon. The meaning of the diary at the level of the author's consciousness is to establish the laws of historical mystery. The author comes to the idea that the idea (political, theocratic, utopian) influences the historical process. Service to the idea and fascination with it entail a desire to change, remake reality. This is how, according to Sharov, the endless revolutions of Russian

history arise leading to national divisions, opposition of one part of the people against another. The algorithm of Russian history is extremely clear: repeated splits lead to absurd dead ends. The narration in *The Old Girl* is connected with the comprehension of the most important event in Russian history for Sharov's authorial historiography: the Revolution of 1917 and the political repressions of the 1930s. The basis of the narration is texts of different statuses that the author imitated: first of all, the diary of the main character Vera Radostina. The diary here is a personal document of one's own life and a document of the historical era of the 1920s and 1930s. This is the narrative function of Vera Radostina's diary, stories about the revolution, its role, its meaning for a person and for contemporaries. The author's modeling of the diary of a character such as Vera is associated with the perception of the role of a person in the historical process of the 1920s and 1930s. Vera turns out to be identical with the epoch. She is fascinated by the grandeur and phenomenality of what is happening. She understands that the revolution should be involved in the general historical flow, that it is necessary to "enter the revolution into the history of Russia". From the point of view of the author's consciousness, with a common historical pattern, the revolution turns out to be a catastrophe in the national historical process. In *Raising Lazarus*, the diary performs three functions. At the plot level, it logically ends the search for the missing manuscripts. At the level of the consciousness of Nikolai Kulbarsov, the author of the diary, it "documents his identity", confirming the continuity of his self. At the level of the author's consciousness, the diary becomes a fact of the resurrection of the individual in the abyss of history.

References

1. Gulius, N.S. (2006) *Khudozhestvennaya mistifikatsiya kak priem tekstoporozhdeniya v russkoy proze 1980–1990-kh gg.* (A. Bitov, M. Kharitonov, Yu. Buyda) [Artistic mystification as a method of text generation in Russian prose of the 1980–1990s. (A. Bitov, M. Kharitonov, Yu. Buida)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
2. Bakhtin, M.M. (2000) *Avtor i geroy: K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [Author and Hero: To the Philosophical Foundations of the Humanities]. St. Petersburg: Azbuka. pp. 249–298.
3. Chudakova, M.O. (1962) Dnevnik [Diary]. In: Surkov, A.A. (ed.) *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya* [Brief Literary Encyclopedia]. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 707–708.
4. Romashkina, M.V. (2014) The diary: evolution of the genre. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*. 6. [Online] Available from: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=15447> (Accessed: 6th February 2019). (In Russian).
5. Reyngold, A.S. (2010) On the genre characteristics of the diary as a literary subform, and the diary as a non-literary text. *Vestnik RGGU. Seriya "Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie"*. 11(54). pp. 118–129. [Online] Available

from: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovye-osobennosti-literaturnogo-dnevnika-i-dnevnik-kak-neliteraturnyy-tekst-1> (Accessed: 6th February 2019). (In Russian).

6. Mikheev, M. Yu. (2007) *Dnevnik kak ego-tekst (Rossiya, XIX – XX)* [Diary as an ego-text (Russia, 19th – 20th)]. Moscow: Vodoley Publishers. [Online] Available from: <http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/research/miheev/kniga.htm> (Accessed: 6th February 2019).

7. Sharov, V. (2003) *Repetitsii. Roman* [Rehearsals. Novel]. St. Petersburg: Limbus Press.

8. Bakhtin, M.M. (2000) *Avtor i geroy: K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [Author and Hero: Towards the Philosophical Foundations of the Humanities]. St. Petersburg: Azbuka. pp. 9–226.

9. Sharov, V. (2013) *Staraya devochka* [An Old Girl]. Moscow: Astrel'.

10. Bykov, D. (2007) Chto sluchilos' s istoriey? Ona utonula: Interv'yu s V. Sharovym [What happened to history? She's drowned: Interview with V. Sharov]. *Russkaya zhizn'*. 3 (8th June). [Online] Available from: <http://www.intelros.ru> (Accessed: 29th April 2012).

11. Sharov, V. (2003) *Voskreshenie Lazarya* [Resurrection of Lazarus]. Moscow: Vagriu.

12. Bavilsky, D. (1997) Nishi Sharova [Sharov's Niches]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 28. pp. 269–284.

13. Sharov, V. (2012) “Premiyami vdokhnovenie ne zamanish'...” Interv'yu V. Sharova [“You can't lure inspiration with prizes ...” Interview with V. Sharov]. *Chastnyy korrespondent*. 10th April. [Online] Available from: http://www.chaskor.ru/article/vladimir_sharov_premiyami_vdohnovenie_ne_zamanish_1562 (Accessed: 6th February 2019).

14. Pakhomova, S.S. (2012) *Povestvovatel'nye strategii v sovremennoy proze* [Narrative strategies in modern prose]. Abstract of Philology Cand. Diss. St. Petersburg.

КНИГА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 027.1(470.5)"17" + 091.2 + 091.6

DOI: 10.17223/23062061/23/4

Е.П. Пирогова

РУКОПИСНЫЕ КНИГИ В СОСТАВЕ ДВОРЯНСКИХ БИБЛИОТЕК УРАЛА XVIII в.¹

***Аннотация.** Статья посвящена феномену поздней рукописной книги в составе трех крупнейших библиотек уральских дворян-промышленников XVIII в. Рассматриваются причины бытования рукописных книг в дворянской среде Урала, выявляются особенности читательских запросов, отличительные черты книжных собраний заводчиков, наличие в них книг несвойственной для типичных дворянских библиотек тематики. Вводимые в научный оборот новые документальные источники помогут изучению такого важного в культурно-историческом значении и до сих пор недостаточно исследованного явления, как поздняя рукописная книга в России и на Урале.*

Ключевые слова: *рукописная книга, Демидовы, Турчанинов, дворянские библиотеки, переводная литература XVIII в.*

Такое значительное явление культуры, как рукописная книга всегда признавалось научно-значимой проблемой, хотя исследовательский приоритет чаще отдавался древнерусской рукописной книге. И это при том, что необходимость изучения феномена книгописания и бытования поздней рукописной книги, сохранявшей жизненную силу на протяжении довольно длительного времени и после введения книгопечатания, давно была осознана учеными-книговедами и филологами. Еще в XIX в. А.Н. Пыпин положил начало библиографическому учету и изучению поздних кодексов. Качественно новым уровнем археографического исследования проблемы историческая наука обязана работам известного слависта М.Н. Сперанского, использовавшего в своем итоговом труде свыше 500 рукописных книг и сбор-

---

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ 18-09-00582.

ников XVIII в. Он одним из первых наметил целый ряд нерешенных проблем для будущих исследователей, обратив особое внимание на причины бытования рукописных книг в русском обществе и их взаимодействие с печатной литературой [1. С. 12, 23]. Исследование рукописной книги активизировалось в 1960–1980-е гг. в трудах А.С. Мильникова, Н.Н. Розова, С.П. Луппова, И.Ф. Мартынова. Однако и спустя несколько десятилетий историк Г.В. Аксенова пришла к неутешительному выводу о том, что «комплексное исследование поздней русской рукописной книги в отечественной науке отсутствует» [2. С. 5]. Важным представляется наблюдение Н.Н. Розова относительно того, что «для современного социологического исследования рукописной книжности XVIII в.» следует брать «материал, собранный на какой-нибудь территории, более или менее однородной по своим социально-экономическим условиям» [3. С. 96]. Именно о такой территории – горнозаводском Урале – и пойдет речь дальше. XVIII в. занимает особое место в истории Урала. Бурный рост промышленного производства в этот период обусловил формирование собственной уральской идентичности, новой письменной и книжной культуры, складывание светских и научных библиотек (см.: [4. С. 289 и др.]). В статье представлены сведения о рукописных книгах в составе библиотек уральских промышленников XVIII в. на примерах трех из них: двух из рода Демидовых и одной – Турчанинова, при этом если в двух случаях их принадлежность конкретному владельцу не вызывает сомнений, то в одном случае это предстоит доказать.

Представим источники, на основании которых проводится данное исследование. Начнем с библиотеки крупного уральского промышленника, владельца Сысертского горного округа А.Ф. Турчанинова, на существование которой указывает Опись имущества, составленная в 1789 г. после смерти заводчика, и она позволяет утверждать, что его библиотека насчитывала несколько тысяч томов и была крупнейшим на Урале XVIII в. частным книжным собранием [5. Л. 98–164 об.]. Книги в Описи сгруппированы по чисто внешним признакам, т.е. переплету и формату, само описание дано, как правило, без выходных данных издания, очень кратко и часто с ошибками и неточным воспроизведением названия, без фамилии автора или с ее искажением. О рукописных книгах лишь иногда указано «скорописная» или

«письменная», часто они в Описи никак не выделены, что существенно затрудняет их поиск.

Рассмотрим источники изучения библиотеки Акинфия Никитича Демидова. После его смерти в 1745 г. также была составлена опись имущества, но сохранились лишь сводные ведомости и отдельные «экстракты» из них, связанные с пересмотром по высочайшему указу «несправедливого», по мнению наследников, завещания. Многие ведомости оказались со временем перепутаны, не все документы сохранились, а в сводной итоговой «Описи генеральной» книги записаны лишь одной строкой: «...книг русских и немецких – 441» (см.: [4. С. 304–310]). И все же по отдельным ведомостям нам удалось в свое время частично реконструировать это книжное собрание, а к настоящему моменту выделить в нем рукописную часть [6–8, 19]. Библиотека Никиты Акинфиевича Демидова изучалась в основном по сохранившимся экземплярам (их выявлено более ста благодаря книжным автографам владельца), но среди них рукописных книг нет (см.: [9. С. 94–104, 148–186]). Далее мы попытаемся доказать принадлежность ему комплекса рукописей из библиотеки нижнетагильского Выйского училища, находящегося в ГАСО. Этот комплекс впервые частично был описан в 1971 г. Е.И. Дергачевой-Скоп в составе других рукописей архива и областного музея [10. С. 342–343]. Через несколько лет тот же комплекс привлек внимание еще одного исследователя, Ю.К. Бегунова [11. С. 129–130; 12. С. 44–54]. В этих статьях описание рукописей дано очень бегло, практически упомянуты только их названия, без анализа состава и содержания, без указания на шифры. Выявляются рукописи благодаря наличию записей о принадлежности их библиотеке Выйского (демидовского с 1758 г.) горнозаводского училища. Это и дало основание Ю.К. Бегунову предположить, что «большинство рукописей было привезено Демидовыми из Петербурга и переписано по их заказу для Выйского училища», откуда следовал закономерный, с точки зрения ученого, вывод о том, что «подбор книг свидетельствует о высоком культурном уровне как владельцев библиотеки, так и читателей», т.е. учащихся горнозаводского училища и служащих демидовских заводов в Нижнем Тагиле [11. С. 129]. Нам представляется этот вывод поспешным и маловероятным. Никита Акинфиевич Демидов (а именно ему достались по разделу имущества тагильские заводы) никогда не занимался ком-

плектованием училищной библиотеки, его личное книжное собрание было передано в нее уже после смерти владельца сыном его Николаем Никитичем в начале XIX в. Анализ номеров характерной записи «из библиотеки Выйскаго училища № ...» двух комплексов: на имеющихся печатных книгах с автографами Н.А. Демидова и на выявленных в ГАСО рукописях, показал, что рукописи поступили в библиотеку Выйского училища позднее, чем печатные демидовские книги и, следовательно, не ранее первой трети XIX в. Кроме того, ни на одной рукописи не выявлено записей и разных школярских «почеркушек» – читательских следов, которых немало встречается на печатных книгах Н.А. Демидова. Сам состав рукописей, как мы покажем далее, за редким исключением был малопригоден для школьников. Логично предположить, что Н.А. Демидов заказывал перевод этих книг для себя, тем более, судя по его книжным автографам, именно с середины 1760-х гг. он начал усиленно комплектовать свою библиотеку (см.: [9. С. 96–103]). Впрочем, часть рукописных книг могла принадлежать еще его отцу Акинфию Демидову и досталась младшему сыну уже после смерти родителя.

Попытаемся дать общую характеристику трем рукописным собраниям в составе дворянских библиотек Урала XVIII в. и выяснить, по какой причине наряду с печатными книгами в последних имели распространение и рукописные. Исследователи рукописной книги в XIX и тем более в XX в. акцентировали внимание на ее влияние в формировании культуры демократического населения. Тот же Ю.К. Бегунов делал вывод о том, что со второй половины XVIII в. «рукописная литература переходит в низший этаж русской культуры, решительно заявляет о себе как “литература демократического читателя”» [11. С.127]. Ярким подтверждением этого тезиса для Уральского региона является выявленная и досконально изученная Л.С. Соболевой рукописная библиотека строгановских крестьян Демидовых села Слудка, «старательно» собиравшаяся «несколькими поколениями крестьянско-купеческого рода» [13. С. 55–145]. Почему же рукописная книга этого времени, распространявшаяся преимущественно в демократической среде, была популярна у дворян-промышленников? Было ли это явление типичным для тогдашней России или характерно только для провинции? Связано ли оно было с тем, что печатные книги не соответствовали потребностям каких-либо слоев населения или по каким-

то причинам были для них недоступны? Однозначных ответов на эти непростые вопросы книговеды и историки книги не дают, но некоторые предварительные выводы уже ими сделаны. Так, С.П. Луппов провел наблюдение относительно «существенных пробелов» в тематике печатной книги первых десятилетий XVIII в.: отсутствие книг по медицине и недостаток художественной литературы [14. С. 183]. Последнее наблюдение не только подтверждается материалами исследуемых в данной статье библиотек уральских промышленников, но и дополняется ими.

В составе Выйской библиотеки оказалось несколько рукописных книг, история происхождения которых известна, но никак не объясняет их попадание в Нижний Тагил, что мы и попытаемся сделать. Судьба этих рукописей тем более интересна, что связана с первыми библиотеками и школами Екатеринбурга, В.Н. Татищевым и организацией им переводов научных текстов, необходимых ему для написания «Истории Российской». По просьбе начальника казенных заводов Урала переводчиком одного такого сочинения, польского историка XVI в. Мартина Кромера «О начале и истории польского народа», стал Кириак Кондратович, учитель латинского языка в екатеринбургской школе. Много документов, проливающих свет на процесс подготовки перевода этого труда, было выявлено А.М. Сафроновой. Как она установила, работа началась в январе 1735 г., а уже в ноябре 1736 г. переведенный на русский язык и переписанный набело труд М. Кромера был переплетен в четыре тома и отослан Татищевым в Академию наук, так как представлял научную ценность и должен был быть включен в состав академической библиотеки. Но второй экземпляр текста, которым пользовался сам Татищев, после его отъезда с Урала остался в Екатеринбурге (см.: [15. С. 351–358]). В настоящее время все четыре тома книги Кромера с многочисленными правками находятся в фонде УОЛЕ [16. Д. 925–928]¹. Возникает вопрос, как и когда они могли оказаться в составе библиотеки Выйского демидовского училища? Можно предположить, что оставленные Татищевым рукописные книги польского средневекового автора были каким-то

---

¹ В этом фонде находятся рассматриваемые в статье рукописные книги, далее ссылки на фонд (кроме случаев с цитированием записей на них) включают только номера дел, т.е. самих рукописей.

образом приобретены Акинфием Демидовым или, что вероятнее, его сыном Никитой. Косвенным подтверждением этой версии в пользу последнего являются переплетные листы четырех рукописей, бумага которых датируется серединой 1760-х – началом 1780-х гг.

Рассмотрим подробнее состав рукописной части исследуемых дворянских библиотек и продолжим уже начатую историческую тематику. Если интерес уральских заводчиков к польским историческим хроникам был, скорее всего, делом случая, которым они просто воспользовались, то имя Вольтера однозначно привлекало их внимание. В библиотеках и Н.А. Демидова, и А.Ф. Турчанинова было много изданий разных сочинений знаменитого французского писателя и философа. Но его «История Карла XII», неоднократно издававшаяся в Западной Европе на французском языке, в России XVIII в. полностью так и не была опубликована, поэтому, по свидетельству Е. Болховитинова, «письменный Вольтер был тогда столь же известен, как печатный» (цит. по: [17. С. 23–24]). Вот и у Н.А. Демидова было два рукописных тома, которые являются оригинальным переводом 1753 г. и более позднего времени. На второй части «Истории Карла XII» сохранилась запись¹: «Из книг Терентья Ворошнина писанная Дмитрием Мартьяновым в разные времена и по разным дорогам, а окончина в Питерьбурьхе и прислана месяца генваря 6 дня 1786 года» [16. Д. 930. Л. 143 об.]. По нашему предположению, «прислана» она именно Н. А. Демидову, так как на первой части этой же «Истории» есть его автограф: «Гордах всегда богу смиретси и в надменных замыслах полномоцно украшает. 1785-го генваря 6-го числа с любопытством прочтено» [16. Д. 931. Л. 145].

К указанному сочинению Вольтера тематически примыкает еще одно (скорее художественное, нежели историческое), записанное в Описи 1789 г. как «Нечаянное и незапное пришествие бывшего короля шведскаго 12 в царство ушедших» [5. № 5635]. После долгих поисков удалось определить, что за этим названием скрывается рукописная копия с печатного издания 1720 г. Не удалось найти аналогов среди изданий XVIII в. сочинению, записанному в Описи как «копия с трактата между цесарем и Полиею о комерцьи между Украйной и

---

¹ Запись угасшая, почему, вероятно, и осталась незамеченной при описании Е.И. Дергачевой-Скоп [см.: 10. С. 342–343].

Шлесиею (т.е. Силезией. – Е.П.) *скорописная*» [5. № 5716]. Зато записанный как *«Трактат вечнаго мира заключенный между империею Всероссийскою и Оттоманскою Портою скорописная»* [Там же. № 5768], несомненно, был копией с одного из изданий: московского 1775 г. или петербургских 1777 или 1783 гг. (см.: [18. № 7314–7316]).

Еще две исторические рукописи неизвестных авторов объединяет европейская тематика. Первая, в лист, написанная скорописью двух почерков, переведена с французского, напечатанного в Берлине в 1756 г. издания и имеет длинное название: *«Показание изъясненное поступок дворов венскаго и саксонскаго и их опасных противу его величества короля прускаго предприятий с приложением оригинальных писс...»*. На рукописи есть запись: *«месяца мая 26 числа 1759 году»* [16. Д. 935. Л. 49]. Вторая рукопись под странным названием *«Пепел французской репутации»* интересна тем, что написана в виде фарса и имеет ярко выраженную антифранцузскую направленность. Видимо, это перевод какого-то немецкого издания, на рукописи указан 1744 г. В этом случае переводчик буквально описал то, что увидел на титульном листе издания: *«фигура, изображающая сосуд с пеплом той репутации...»* [Там же. Д. 935]. Содержание такого сочинения может показаться странным для читателя России времени преклонения перед всем французским, тем более для представителя дворянской культуры, тесно связанной (по крайней мере, в донаполеоновский период) с французской. Но уральский промышленник, привыкший с уважением относиться к представителям, прежде всего, индустриальных держав, англичанам и особенно немцам и шведам, из числа которых на заводах было немало специалистов, мог, оказывается, с удовольствием посмеяться над «легкомысленными» французами.

Отличительной особенностью рукописной части состава библиотек уральских промышленников является книги «производственной» и естественнонаучной тематики. Будучи предпринимателями, они вникали во все тонкости производства, изучали доступную им литературу, а недоступную в изданиях заказывали писцам или сначала переводчикам. Так, название рукописи из Описи 1789 г. *«Волфианская экспериментальная физика с немецкаго подлинника на латынском языке сокращенная с котораго на российский язык перевел Михайло Ломоносов скорописная»* [5. № 5249] точно соответствует двум петербургским изданиям: 1748 и 1760 гг., с одного из которых она и бы-

ла «списана». А вот рукопись *«Введение в минералогию систематического расположения скорописная»* [5. № 5767] была, по-видимому, переписана не с известного издания «Минералогии» И.Г. Лемана 1772 г., на титульном листе которого таких слов нет, а с какой-то другой рукописи, что говорит о популярности этого сочинения на Урале XVIII в. и его распространении там еще до официального опубликования.

Еще две рукописные книги исследуемых библиотек изданы в то время не были, в документах они записаны следующим образом: *«книга в кожаном переплете писменная Описание собранных покойным саксонским Берг советником Геннелем разным металлам и минералам»* [19. Л. 45] и *«О пробирной науке писменная»* [8. Л. 246]. Во всяком случае, аналогов их среди изданий XVIII в. найти не удалось. Для наилучшего выполнения государственных заказов по поставке пушек, ядер, железа (в том числе для кораблей), для понимания и решения проблем транспортировки металлов по рекам уральским промышленникам было необходимо вникать в вопросы, связанные с корабле- и баржестроением, водным делом. Но книг подобной тематики в России тогда не издавалось, отсюда наличие в их библиотеках таких рукописей, как: *«Книга в переплете о строении кораблям писменная»*, *«Описание морских признаков»*, *«Предисловие о восхождении рек»* [6. Л. 541 об.; 8. Л. 246; 19. Л. 45 об.] и *«Описание строения баржей скорописная»* [5. № 5197].

Недостаток изданий по медицине и ботанике восполнялся уральскими заводчиками такими оригинальными сочинениями, как: *«Краткое известие о пользе употребления некоторых апробованных лекарств продающихся в Галле скорописная»* [5. № 5198] и *«Теория и практика или учение всего садовничества»* [16. Д. 939]. Не удалось найти аналогов среди изданий того времени еще двум сочинениям из Описи 1789 г. (обе в ½ листа). Это две «перспективы»: *«Прешпективная наука принадлежащая до живописного художества и архитектуры Часть 1-я скорописная»* и *«Прешпектива практика или обстоятельное показание и прешпективо рисавальному художеству скорописная»* [5. № 5715, 5714]. Оригинальные производственные планы и чертежи, различные карты и схемы владельцы заводов по-хозяйски аккуратно переплетали и хранили, что видно из ведомостей, где зафиксированы: *«книга в кожаном переплете, а в ней разные заводские*

чертежи», «ланкарт екатерининского ведомства с описанием чертежей в двух книгах писменная» [6. Л. 555; 8. Л. 100 об.]. Интерес к научным исследованиям Академии наук демонстрирует рукопись под названием «*Описание камчатского народа сочиненное по сказыванию камчадалов...*», на ней имеется запись: «*Студент Степан Крашениников 1740 году июня 7 дня, послана копия. Finis*» [16. Д. 933].

Явное практическое значение в составе библиотек уральских промышленников имели законодательные материалы. Интерес к ним просматривается прежде всего по печатным изданиям в их книжных собраниях, но есть среди них и рукописные, правда, определить их часто бывает труднее. Так, не вполне понятно, что подразумевает следующая запись в Описи 1789 г.: «*Генеральный регламент и штат 1737-го года писмянной...*». Речь может идти только о Генеральном регламенте 1720 г., что же касается «штата», ни одного за этот год издано не было. В другом месте указано: «*Сводное уложение писанное в 1/2 листа*», оцененное очень дорого – в 5 руб. [5. № 5583, 5992]. Не было издания с еще одним названием из Описи: «*О вексельном праве скорописная*» [Там же. № 5254]. Очевидный интерес заводладельцев к законодательству, регулировавшему торгово-промышленную деятельность в стране, характерен скорее для состава купеческих, но не дворянских библиотек. Это показывает, что, с одной стороны, юридические материалы имели непосредственное отношение к практической деятельности представителей уральского промышленного капитала, а с другой – «родовую» близость последних к купеческому сословию.

Из учебной литературы интересна рукопись, представляющая собой выписки из «Арифметики» Леонтия Магницкого, с записью на ней: «*Выписывал московской домовою его высокородия господина статского советника и кавалера Никиты Акинфиевича Демидова канторы правящей Иван Никитин сын Белоглазов. Которой в 1777-м году октября 6-го числа по утру ровно в четыре часа скончался...*» [16. Д. 299. Л. 5]. Кроме того, в документах фигурируют «*Геометрия писменная в коженном переплете одна*» и некое пособие по немецкому языку, обозначенное как книга «*в бумажном переплете писменная русского и немецкого языкам*» [8. Л. 125–125 об.]. Только рукописной могла быть указанная в Описи «*Пропись показывающая основания совершенство и красоту российских букв и слов*» [5. Ф. 59. № 5634],

так как «Прописи российския...» были составлены и изданы А.М. Рыковым в Петербурге в 1789 г., т.е. уже после смерти владельца библиотеки. Еще одна учебная книга была переписана до того, как вышло ее первое издание (в 1763 г.), вот ее название из рукописи: *«Шляхетных детей светской истории, географии, генеалогии знатнейших домов в Европе и всему в штатских делах нужнейшему рачительно обучающей гофмейстер (дятка)... с немецкаго на российской язык перевел Академии наук ассессор Сергей Волчков 1757 году...»* [16. Д. 943. Л. 1 об.].

К учебной тесно примыкают две рукописи, которые можно отнести к литературе нравственно-философского характера. Первая – перевод с немецкого сочинения И.А. Гофмана *«О спокойствии и удовольствии человеческого»* [Там же. Д. 916], «списана» с одного из изданий [20. № 1596, № 1598]. Вторая – *«Школа или наука человеческая, то есть сравнение славных мужей нынешняго века и времени со славными мужи в священном писании...»* – является, по-видимому, оригинальным переводом с французского издания 1759 г., выполненного повторно («вновь переведена») в 1775 г. Рукопись примечательна тем, что на ней сохранился автограф Н.А. Демидова: *«Сия с преданностью к вышнему писанная книга прочтена июня 9-го числа 1780-го года»* [16. Д. 942. Л. 298]. Запись в какой-то степени демонстрирует уважение и интерес к теме духовности, проповедуемой в книге. Здесь надо отметить, что религиозная литература как таковая лишь незначительно представлена среди рукописных книг в библиотеках уральских заводчиков, что можно объяснить тем, что библейские и богослужебные книги наиболее активно тиражировались печатным способом и в рукописях чаще распространялась религиозная «четья» литература, различные проповеди и полемические произведения, отдельные каноны. Так, в ведомостях Акинфия Демидова значится *«Канон Богородице писменной»* [8. Л. 125], сохранился рукописный *«Катихизис»* 1760-х гг. [16. Д. 923], *«Летописец келейный»* Д. Ростовского [5. № 5597]. Интересен по составу рукописный сборник середины XVIII в., принадлежавший Н.А. Демидову и, возможно, доставшийся ему от отца, который представляет собой конволют, объединенный темой смерти, погребения и завещания. Первый аллигат передает *«последния римскаго императора въздыхания»*, далее переписано завещание сподвижника Петра I Ф. М. Апраксина (конец текста: *«...Учинена в Москве октября*

26 числа 1729 году»). Последний аллигат представляет собой, по всей видимости, «Духовную» В.Н. Татищева [16. Д. 942]. Очевидно, что тематика конволюта была весьма актуальна для Демидовых, сначала самого Акинфия, пытавшегося распределить свое колоссальное богатство между наследниками по собственному разумению, а затем для его сыновей, втянутых в результате в долгие разборы по перераспределению имущества.

Показательно, что в солидной библиотеке Акинфия Демидова оказалось мало места художественной литературе, и только одно сочинение литературного содержания выявлено среди рукописных книг по ведомости, где значится «книга писменная в коженном переплете князя Антиоха Кантемира одна» [8. Л. 125 об.]. В библиотеках дворян-промышленников второй половины XVIII в. художественные произведения занимают уже весьма заметное место, много в них и рукописных книг. По Описи 1789 г. часто трудно определить, издание перед нами или рукопись, только один раз в ней четко сказано о пьесе: «скорописная», и речь идет о сочинении Мольера «Скупой комедия в пяти действиях...» [5. № 5597]. Целого расследования потребовала другая запись из Описи – «Тысяча и одна четверть часа состоящая во учтивых к чтанию достойных татарских истории в лицах изображенная». В 1760-е гг. выходили издания Т.С. Геллета «Тысяча и одна четверть часа, повести татарская...» (см.: [20. № 1315, 1316]). Но Опись не могла отражать их, так как те названия короче указанного в Описи. Долгие поиски и сопоставления привели к выводу о том, что в библиотеке Турчанинова был один из тех рукописных текстов в виде многообразных подделок и подражаний с «восточным» содержанием, которые были распространены в России 1760-х гг. на фоне оживления интереса к Востоку.

Все художественные рукописные книги Н.А. Демидова представляют собой оригинальные тексты переводных сочинений: с французского, итальянского, английского (через французский) и арабского языков. Говоря о подобных «черновых авторских рукописях второй половины XVIII в.», которых «сохранилось немного», И.Ф. Мартынов писал: «...каждая из них представляет особый интерес не только для текстолога, историка науки и литературы, но и для книговеда» [21. С. 197]. Так, не издававшегося в России французского сочинения под названием «Жизнь одного человека» (перевод сделан в 1744 г.) [16.

Д. 918], как и большей части демидовских беллетристических рукописей (8 из 11), не зафиксировано в известном «библиографическом списке рукописных романов, повестей, сказок, поэм...» А.Н. Пыпина. Из всех рукописей только две были изданы в XVIII в., о первой – «История о Епамеонде и Целериане» – в самой рукописи сказано: «...Переведена с французского языка на российский 1741 году в Санкт-Петербурге» [16. Д. 921. Л. 1]. Издано сочинение было только в 1774 г. в переводе Пономарева, его автор – г. аббе Серан де ла Тур [18. № 6444]. На рукописи другого популярного романа – «Зелим и Дамазина», имеется запись: «...Списана с французского перевода июля 9-го дня 1750 году» [16. Д. 917. Л. 94 об.]. Автором романа был Ле Живр де Ришбург, и издан он был, как «африканская повесть», в Петербурге в 1761 г., причем дважды за год [22. № 3563; 3564]. У Пыпина описано несколько рукописных экземпляров этого сочинения, он также утверждал, что «этот роман читан был в детстве Карамзиным» (см.: [23. С. 27]). «История о Алкаменесе, принце скифском, и о принцессе Данаицкой Меналиппе» [16. Д. 920] у Пыпина описана под названием «Алкеменес» в рукописи второй половины XVIII в., при этом он ссылается на Л.Н. Майкова, по утверждению которого текст представляет собой эпизод из 4-й части романа «Клеопатра», заимствованный из одного из многочисленных парижских изданий XVII в. [23. С. 5]. Ю.К. Бегунов называет автором Калпренед (Г. де ла Кальпренд) [12. С.44]. Автором другого неизданного в России романа XVII в. под названием «Гистория о соединенной компании и о любовных рассказаниях римских кавалеров и дам Марцеллюса и Клелии и протчих» [16. Д. 922] была французская писательница, представительница прециозной литературы Мадлен де Сюдери. Еще один авантюрный роман французского писателя Гальяра де Батайль оказался в рукописном собрании под названием «Похождения достигнувшей знати и богатства мужички через добродетель и осторожность» [Там же. Д. 934]. Он много раз переиздавался, при этом переводился только на немецкий язык, первое издание романа было осуществлено в Париже в 1744 г.¹ У Пыпина описано несколько рукописных экземпляров этого сочинения, но под названием «Жонетта»

¹ За определение авторства выношу благодарность филологу-лингвисту из Астраханской областной универсальной научной библиотеки З.А. Малометовой.

(Жанетта) [23. С. 25–26]. Авторов двух других анонимных рукописей XVIII в. установить не удалось, как и найти похожие сочинения в исследовании Пыпина, одно из них имеет название «*Лукавый в любви соперник*», другое – «*Мемориал милорда Де*» [16. Д. 924, Д. 929]. Единственная переведенная с итальянского языка рукопись под названием «*О действии дружества*» [Там же. Д. 932] оказалась, по определению Е.И. Дергачевой-Скоп, переводом 8-й (10-го дня) новеллы Боккаччо [10. С. 342] и в России XVIII в. не издавалась. Наконец, укажем еще две рукописи, переведенные с арабского: «*Арабские сказки*» и они же под названием «*Тысяча и одна ночь*» [16. Д. 915, Д. 941]. Ниже представим для наглядности состав рукописей в виде таблицы.

**Распределение рукописных книг в составе библиотек
дворян-промышленников Урала XVIII в. по тематике**

Тематика рукописных книг	Книги Ак.Н. Демидо- ва	Книги Н.А. Демидо- ва	Книги А.Ф. Турча- нинова	Всего
Правовые	–	–	4	4
Естественнонаучные	2	2	2	6
Кораблестроение и водное дело	3	–	1	4
Архитектура и рисование, чертежи	2	–	2	4
Медицина и садовое дело	–	1	1	2
Художественные	1	11	3	15
Религиозные и дидактические	2	4	1	7
Исторические	–	8	2	10
Учебные	2	2	1	5
Неопределенные и на немецком языке	2	–	–	2
Итого	14	28	17	59

Пример трех крупнейших уральских библиотек дворян-промышленников XVIII в., подтверждает наличие определенного количества рукописных книг в их составе, что говорит о повсеместном распространении последних в российской провинции, причем не только в демократической среде. Причина распространения рукописной книги

среди уральских заводчиков заключается в их повышенных читательских запросах, которые не могли удовлетворяться только печатными книгами. Отличительной чертой их рукописных книжных собраний является наличие литературы, не свойственной для дворянских библиотек, а именно производственной и естественнонаучной тематики, по медицине и ботанике, кораблестроению и водному делу, законодательству, т.е. той, которая недостаточно или вовсе не издавалась в тогдашней России, но была жизненно необходима новоявленным уральским капиталистам. Приведенные в таблице цифры показывают, что промышленники Урала второй половины XVIII в. отдавали предпочтение художественной и исторической литературе, в то время как поколение их родителей гораздо более прагматично и не склонно было относиться к чтению как средству досуга. Существовал еще один важный фактор: те из них, которым в силу своих предпринимательских талантов, амбиций и прочего удалось «выбиться» в привилегированное сословие, стремились во всем соответствовать уровню родовой знати, не жалели средств на создание богатых библиотек, следили за книжными новинками, а недостаток изданий компенсировали заказами переводов и переписыванием книг. В то же время еще не прервалась их связь с той средой, из которой они вышли и от чьего влияния до конца не избавились, на что показывает не только состав рукописных книг. Об этом же говорит сохранение во многом патриархального быта их домов, сочетание современно-модного и традиционно-старого во внешнем облике, укладе и прочем. О похожем явлении писал уральский историк В.И. Байдин: «...горнозаводские поселки, подобные Нижнетагильскому и Невьянскому, стали в XVIII столетии своеобразными “тиглями”, где в условиях и на основе сочетания модернизационных процессов и традиций рождался сплав устоявшегося и нового в культурно-бытовой сфере жизни» [24. С. 163]. В целом тематика поздней рукописной книги вполне отражала вкусы нарождавшихся уральских капиталистов, которые в своих культурных запросах тянулись за дворянством, но не были еще полностью оторваны от демократических корней (кузнецов – Демидовы, купечества – Турчанинов). Однако не стоит и преувеличивать значение рукописных книг в составе библиотек уральских дворян-промышленников, поскольку их процент по отношению к печатным изданиям был все же невелик.

Список сокращений

ГАСО – Государственный архив Свердловской области.
УОЛЕ – Уральское общество любителей естествознания.

Литература

1. *Сперанский М.Н.* Рукописные сборники XVIII века. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1963. 266 с.
2. *Аксенова Г.В.* Книжные собрания и русская рукописная книга XIX – начала XX вв. Теоретико-методологические и прикладные проблемы источниковедческого и историографического анализа : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М. : [Б. и.], 2011. 58 с.
3. *Розов Н.Н.* Русская рукописная книга. Этюды и характеристики. Л. : Наука, 1971. С. 68–103.
4. История литературы Урала. Конец XIV–XVIII вв. / гл. ред.: В.В. Блажес, Е.К. Созина. М. : Языки славянской культуры, 2012. 608 с.
5. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 59. Оп. 7. Д. 2531. Т. 2. Л. 98–164 об.
6. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 11.
7. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 112.
8. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 116.
9. *Пирогова Е.П.* Библиотеки Демидовых: книги и судьбы. Екатеринбург: ИД «Сократ», 2000. 208 с.
10. *Дергачева-Скоп Е.И.* Старинные рукописные книги в хранилищах Свердловска // Труды отделения древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом). 1971. Т. 26. С. 338–343.
11. *Бегунов Ю.К.* Рукописная литература XVIII века и демократический читатель (проблемы и задачи изучения) // Русская литература. 1977. № 1. С. 121–132.
12. *Бегунов Ю.К.* Обзор собраний древнерусских рукописных книг Свердловска // Из истории духовной культуры дореволюционного Урала. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1979. С. 40–46.
13. *Соболева Л.С.* Рукописная литература Урала: наследование традиций и обретение самобытности. Очерк второй. Рукописная традиция строгановского региона. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2005. 228 с.
14. *Луннов С.П.* Печатная и рукописная книга в России в первом сорокалетии XVIII в. // Рукописная и печатная книга. М. : Наука, 1975. С. 182–192.
15. *Сафронова А.М.* В.Н. Тагищев и библиотеки раннего Екатеринбурга: опыт исторической реконструкции. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. 552 с.
16. Коллекция рукописей: ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 299, 915–918, 920–922, 924–936, 938, 939, 941–943, 951.
17. *Мильников А.С.* Вопросы изучения поздней рукописной книги (проблематика и задачи) // Рукописная и печатная книга. М. : Наука, 1975. С. 19–36.

18. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М. : Книга, 1966. Т. 3. 515 с.
19. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 56.
20. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М. : Книга, 1962. Т. 1. 435 с.
21. *Мартынов И.Ф.* К вопросу о русском книжном репертуаре второй половины XVIII в. (проблема сосуществования и взаимодействия печатной и рукописной светской книги) // *Рукописная и печатная книга.* М. : Наука, 1975. С. 193–204.
22. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М. : Книга, 1964. Т. 2. 515 с.
23. *Пытин А.Н.* Для любителей книжной старины (Библиографический список рукописных романов, повестей, сказок, поэм и пр., в особенности из первой половины XVIII в.). М. : [Б. и.], 1888. 74 с.
24. *Байдин В.И.* Кириша Данилов в Сибири и на Урале: историко-биографические этюды. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. 206 с.

Manuscript Books in the Nobility Libraries of the Urals in the 18th Century

Текст. Книга. Книгоиздание – Text. Book. Publishing, 2020, 23, pp. 64–81

DOI: 10.17223/23062061/23/4

Elena P. Pirogova, Russian State Vocational Pedagogical University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: eppirogova@yandex.ru

Keywords: manuscript book, Demidov, Turchaninov, nobility libraries, translated literature of the 18th century.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-09-00582.

The article discusses the phenomenon of the late manuscript book as part of the three largest libraries of the Ural industrial noblemen of the 18th century. Based on new sources (property inventories, statements, and other documentary materials of the preserved manuscripts unique to the region), the reasons for the existence of manuscript books in the noble environment of the Urals are considered. The author examines the composition of the books, determines their thematic sections, original and translated literature, and compares the manuscript book composition of libraries of different owners and representatives of different generations of the Ural industrialists. The author concludes that the latter had increased readership demands and lacked the necessary printed publications, which was one of the reasons for the distribution of manuscript books in the Ural province. The manuscript collections had distinguishing features and books unusual for typical nobility libraries, which can be explained by the transitive type of the Ural industrial nobility: they did not break their “tribal” ties with the democratic environment from which they emerged. Being noble only in the first or second generation, they strove to conform to the noble fashion for enlightenment, spared no means to complete their libraries, filling the shortage of printed publications with orders for translations and manuscript copies of books. The introduction of new

sources into scientific discourse will give a new impetus to the study of the culturally and historically significant and yet insufficiently studied phenomenon of the late manuscript book in Russia and in the Urals.

References

1. Speransky, M.N. (1963) *Rukopisnye sborniki XVIII veka* [Manuscript Collections of the 18th Century]. Moscow: USSR Academy of Sciences.
2. Aksenova, G.V. (2011) *Knizhnye sobraniya i russkaya rukopisnaya kniga XIX – nachala XX vv. Teoretiko-metodologicheskie i prikladnie problemi istochnikovedcheskogo i istoriograficheskogo analiza* [Book collections and Russian handwritten books of the 19th – early 20th centuries Theoretical, methodological and applied problems of source study and historiographic analysis]. Abstract of History Dr. Diss. Moscow.
3. Rozov, N.N. (1971) *Russkaya rukopisnaya kniga. Etyudy i kharakteristiki* [Russian Handwritten Book. Studies and Characteristics]. Leningrad: Nauka. pp. 68–103.
4. Blazhes, V.V. & Sozina, E.K. (eds) (2012) *Istoriya literatury Urala. Konets XIV–XVIII v.* [History of Ural Literature. The end of the 14th – 18th centuries]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury.
5. The State Archive of Sverdlovsk Region. Fund 59. List 7. File 2531. Vol. 2.
6. The State Archive of Sverdlovsk Region. Fund 643. List 1. File 11.
7. The State Archive of Sverdlovsk Region. Fund 643. List 1. File 112.
8. The State Archive of Sverdlovsk Region. Fund 643. List 1. File 116.
9. Pirogova, E.P. (2000) *Biblioteki Demidovykh: knigi i sud'by* [The Demidovs' Libraries: Books and Fates]. Yekaterinburg: Sokrat.
10. Dergacheva-Skop, E.I. (1971) Starinnye rukopisnye knigi v khranilishchakh Sverdlovskaja [Ancient handwritten books in the Sverdlovsk repositories]. *Trudy otd. drevnerus. literatury In-ta rus. literatury (Pushkinskii dom)*. 26. p. 338–343.
11. Begunov, Yu.K. (1977) Rukopisnaya literatura XVIII veka i demokraticeskij chitalatel' (problemy i zadachi izucheniya) [Handwritten literature of the 18th century and the democratic reader (problems and tasks of study)]. *Russkaya literatura*. 1. pp. 121–132.
12. Begunov, Yu. K. (1979) Obzor sobraniya drevnerusskikh rukopisnykh knig Sverdlovskaja [Review of Sverdlovsk collections of old Russian handwritten books]. In: Sutyryn, B.A. (ed.) *Iz istorii dukhovnoj kul'tury dorevoljucionnogo Urala* [From the history of spiritual culture of the pre-revolutionary Urals]. Sverdlovsk: Ural State University. pp. 40–46.
13. Soboleva, L.S. (2005) *Rukopisnaya literatura Urala: nasledovanie traditsii i obretnenie samobytnosti. Oчерk vtoroi. Rukopisnaya traditsiya stroganovskogo regiona* [Handwritten literature of the Urals: inheritance of traditions and gaining identity. Essay 2. Manuscript tradition of the Stroganov Region]. Yekaterinburg: Bank kul'turnoj informatsii.

14. Luppov, S.P. (1975) *Pechatnaya i rukopisnaya kniga v Rossii v pervom sorokaletii XVIII v.* [Russian printed and handwritten books in the first forty years of the 18th century]. In: Sidorov, A.A. (ed.) *Rukopisnaya i pechatnaya kniga* [Handwritten and Printed Book]. Moscow: Nauka. pp. 182–192.

15. Safronova, A.M. (2012) *V.N. Tatishshev i biblioteki rannego Ekaterinburga: opyt istoricheskoy rekonstruktsii* [V.N. Tatishchev and libraries of early Yekaterinburg: a historical reconstruction]. Yekaterinburg: Ural State University.

16. The State Archive of Sverdlovsk Region. Fund 101. List 1. File 299, 915–918, 920–922, 924–936, 938, 939, 941–943, 951.

17. Mylnikov, A.S. (1975) *Voprosy izucheniya pozdney rukopisnoy knigi (problematika i zadachi)* [On the study of the late handwritten book (problems and tasks)]. In: Sidorov, A.A. (ed.) *Rukopisnaya i pechatnaya kniga* [Handwritten and Printed Book]. Moscow: Nauka. pp. 19–36.

18. Kondakov, I.P. et al. (eds) (1966) *Svodnyy katalog russkoy knigi grazhdanskoj pechaty XVIII veka. 1725–1800* [Consolidated catalog of the Russian secular books the 18th century. 1725–1800]. Vol. 3. Moscow: Kniga.

19. The State Archive of Sverdlovsk Region. Fund 643. List 1. File 56.

20. Kondakov, I.P. et al. (eds) (1962) *Svodnyy katalog russkoy knigi grazhdanskoj pechaty XVIII veka. 1725–1800* [Consolidated catalog of the Russian secular books the 18th century. 1725–1800]. Vol. 1. Moscow: Kniga.

21. Martynov, I.F. (1975) *K voprosu o russkom knizhnom repertuare vtoroy poloviny XVIII v. (problema sosushchestvovaniya i vzaimodeystviya pechatnoy i rukopisnoy svetskoy knigi)* [Russian book repertoire of the second half of the 18th century (the problem of coexistence and interaction of printed and handwritten secular books)]. In: Sidorov, A.A. (ed.) *Rukopisnaya i pechatnaya kniga* [Handwritten and Printed Book]. Moscow: Nauka. pp. 193–204.

22. Kondakov, I.P. et al. (eds) (1964) *Svodnyy katalog russkoy knigi grazhdanskoj pechaty XVIII veka. 1725–1800* [Consolidated catalog of the Russian secular books the 18th century. 1725–1800]. Vol. 2. Moscow: Kniga.

23. Pypin, E.P. (1888) *Dlya lyubiteley knizhnoy stariny (bibliograficheskiy spisok rukopisnykh romanov, povestey, skazok, poem i pr., v osobennosti iz pervoy poloviny XVIII v.)* [For lovers of book antiquity (Bibliographic list of handwritten novels, stories, fairy tales, poems, etc., especially from the first half of the 18th century)]. Moscow: [s.n.].

24. Baidin, V.I. (2015) *Kirsha Danilov v Sibiri i na Urale: istoriko-biograficheskie etyudy* [Kirsha Danilov in Siberia and the Urals: historical and biographical sketches]. Yekaterinburg: Ural State University.

Н.Л. Панина

ИЛЛЮСТРАЦИИ ДЕТСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ В РОССИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX в.¹

Аннотация. *Конец XVIII – начало XIX в. в России является переходным периодом в истории иллюстрирования детской образовательной книги, когда функция интермедиального представления знаний о мире как целостности переходит от книги эмблем к энциклопедии и сборнику нравоучительных рассказов. В поисках новой формы связанности взамен утраченной эмблематической бимедиальности текста и иллюстрации издания, претендующие на всеохватность, интегрируют эмблематический, энциклопедический и повествовательный принципы изображения.*

Ключевые слова: *детская книга, педагогика, иллюстрация, интермедиальность.*

В последней трети XVIII в. детская литература в России оформляется как самостоятельное направление издательской деятельности с особыми целями и задачами. Закладывается основа для дальнейшего поиска специфических приемов оформления детской книги, в том числе образовательной. В первой четверти XIX в. она имеет общеевропейский облик и подчиняется принципам иллюстрирования, унаследованным от XVIII в.: преобладающие в массе изданий переводы и переработки текстов чаще сопровождаются копированием иллюстраций, чем разработкой новых. Формы взаимодействия текста и изображения, о которых речь пойдет ниже, за немногим исключением заимствуются из оригинальных изданий, как правило, немецких, реже французских [1. С. 384], и их появление на российском книжном рынке не отражает последовательности их зарождения в Западной Европе. Поэтому здесь они рассматриваются как некоторый массив, составивший почву для дальнейшего развития русской книжной графики и визуальный контекст поиска интермедиальных инструментов обучения.

---

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант 20-012-00529.

Об общеевропейском характере русской детской книги можно говорить вплоть до конца первой четверти XIX в., когда начинается этап активного самостоятельного развития, прежде всего в сфере литературно-художественной [2. С. 44], но общий подъем затрагивает и сферу образовательную. Этим временем датируются педагогические эксперименты, на которых я хочу остановиться, хотя их анализ не входит в задачи данной статьи. Дело в том, что именно они задают общую исследовательскую перспективу рассмотрения интермедийных инструментов научения. В них поиск способов системного представления знаний о мире и представления мира как системы выходит на тот явный уровень, которого современная им детская образовательная книга не достигла. Но анализ ее показывает, что при всем своем новаторстве эти поиски не происходят в полном вакууме.

Направление, в котором движется творческая мысль педагогов, ищущих способы системного представления знаний, можно обозначить как поиск связности: интермедийной связности представления знаний, которая отражала бы всеобщую связность явлений. В первую очередь речь идет о В.А. Жуковском, в середине 1820-х гг. разработавшем для наследника престола систему мнемонических таблиц, а в середине 1840-х – начале 1850-х гг. – серию учебно-методических пособий для детей наследника престола и собственных детей. Педагогическое новаторство Жуковского привлекает сегодня все больше внимания в рамках истории отечественной педагогики, но объем этой части его наследия очень велик и его исследование только начинается.

Состояние педагогики, которое хотел преодолеть В.А. Жуковский, Дамиано Ребеккини кратко и емко обозначил как «засилье текстов» [3. С. 249]. Как и многие его современники, В.А. Жуковский в своих опытах следует за Руссо, Песталоцци, Нимейером, но в отличие от последних, использовавших только текст в качестве компонента мнемонической таблицы, он вводит в нее изображение в форме графического символа, отчасти возвращаясь к античному методу мест и его средневековым вариациям, ассоциируя с каждым событием определенное зримое место, *locus*, и его видимое наполнение – изображения, *imagines*, и графические знаки, *notae* [4. С. 18, 61]. В.А. Жуковский разрабатывает символы персонажей, действий и мест действий, которые в соединении с датами визуализируют и размещают в мнемонической конструкции факты истории, географии, физики, естественной

истории, истории искусств [3. С. 244, 254]. Одна из его задач состояла в том, чтобы направить воображение ученика, оставив ему свободу ассоциаций, возможность соотнести событие с прочитанным в книге или увиденным на картине. Еще одной задачей было формирование навыка сопоставления. Целью же всей гигантской мнемонической системы, в которую складывались таблицы, было, очевидно, выявление наиболее общих закономерностей мироустройства [Там же. С. 256]. Жуковского интересовала и сюжетно-образная иллюстрация как источник индивидуальных впечатлений, ассоциаций, помогающих обучению. Так, добиваясь формирования у дочери абстрактных понятий и представления о предметах, отсутствующих в непосредственном восприятии, он сочетает изображения, соответствующие ее конкретным представлениям (деревья, предметы, дом), со схемами, планами и картами [5. С. 94].

В.А. Жуковский прекрасно ориентировался в европейском и российском педагогическом контексте, его библиотека включала большое количество образовательных изданий [6]. Они не могли предоставить разработанного инструментария для решения интермедиальных задач не только по причине «засилья текстов», но и потому, что общая логика изобразительного ряда не выдерживалась даже в тех случаях, когда в форме книги была заявлена строгая система. Тем не менее в детской книге того времени можно выявить определенную типологию изображений, основанную на способах представления отношений между предметами и явлениями. Выделив типы связности в иллюстрациях и графике детских образовательных изданий, можно попытаться понять, от чего отталкивались педагоги-новаторы, какие средства для визуализации связей между предметами и явлениями, для систематического представления знаний о мире им предлагались в готовом виде.

В европейской традиции XVI–XVII вв. таким средством была книга эмблем, к началу XIX в. уже дано пережившая свой расцвет, но продолжавшая существовать. Изображение в ренессансной и барочной эмблеме было не просто одним из ее структурных элементов, наряду с девизом и комментарием, оно было обязательным условием формирования значения. Значение раскрывалось в итерационном процессе игры энигматического изображения с текстом по мере продвижения от общего к частному: читатель не только постигает некое универсальное значение представленного явления, но и может соот-

нести его со своей частной ситуацией. Очень важны в эмблеме игровое начало, наличие загадки, возникающей от остроумного соположения названия, девиза, – кратких вербальных форм, – и изображения. Загадка разрешается в комментарии, и чем изобретательнее связь слова и изображения, чем больше итераций их сопоставления проходит читатель, направляемый целой системой приемов, тем сильнее оказывается педагогический эффект эмблемы [7. С. 88 и др.].

Эмблематическая установка на «мирорассматривание» [Там же. С. 90] и аллегорический метод познания мира со сменой эпох уходят в прошлое, что неизбежно влечет за собой выветривание эмблематической формы: при внешнем ее сохранении и долгой жизни (издание «Полезные и занимательные эмблемы» на русском языке выходит в 1816 г.) утрачивается богатство подтекстов, составляющее ее смысл. В адаптации книги эмблем для детской аудитории, происходившей в основном путем механического сокращения, изображение сопровождается подписью-названием, комментарием и даже в некоторых местах девизом, но диапазон направляющих читательское внимание приемов комментария сводится к минимуму. Из возможных уровней значений остается универсальный, побуждение же читателя к поиску соответствующих примеров в собственной жизни встречается чрезвычайно редко. Что же касается энигматического напряжения между картинкой и названием, то оно во многих случаях остается просто неразрешенным, так как упрощение текста не сопровождается упрощением изображения, и множество атрибутов, рассредоточенных по планам, не находят никакого объяснения, как в случае «Оскорбления» (рис. 1), когда текст сосредоточивается исключительно на главной аллегорической фигуре:

Прилично только слабому оскорблять. И так, по мнению Аристотелеву, оно свойственно молодости, поелику не имеет она силы употребить другого оружия для изъяснения своего гнева.

Представляют оное в образе молодой девицы в положении гордом, имеющей глаза воспламененные; пенящиеся ея уста, означают действия смущения души; раздвоившийся язык, на подобие змеиного, имеет отношение к ядовитости ея выражений. Она держит розгу, составленную из терния, и попирает ногами весы для означения, что поступает несправедливо [8. С. 13].

Рис. 1. Полезные и занимательные эмблемы. Москва, 1816 г.

Приемами, направляющими внимание читателя от комментария к картинке, являются указания на нее («представляют оно в образе») и экфрасис, сопровождаемый объяснением («пенящиеся ея уста, означают»). В эмблеме времен ее расцвета экфрасис обеспечивал наивысшую степень интермедиальной связности [7. С. 236], здесь же происходит обратное. Обобщающий момент, который содержится в указании как отсылка к традиции («представляют», «изображают»), отрывает комментарий от данной конкретной картинки и делает его рассказом об изображении этого явления вообще. В результате интенсивность взаимодействия изображения и текста ослабляется, размывается собственно интермедиальный компонент формирования значе-

ния. Инвенционный, творческий компонент конституирования смысла эмблемы, необходимый для запоминания, то есть педагогического эффекта, в упрощенной «детской» эмблеме также теряется.

В большей мере и интермедиаальный, и творческий компоненты задействованы в другой форме образовательного издания, в определенной степени связанного с традицией эмблематической, однако связь эта опосредованная. Речь идет о гербах, сопровождающих текст шеститомного «Детского атласа или Нового удобного и доказательного способа к учению географии» Дильтея, издававшегося в 1768–1778 гг. Этот принцип визуализации географических сведений находится в русле европейской традиции приобщения детей к политической карте с помощью наглядной систематизации правящих домов как в виде иллюстрированных книг, так и в виде настольных игр с геральдической символикой. В «Атласе» Дильтея к приемам вовлечения читателя добавляется вопросно-ответная форма текста, в которую органично встроены отсылки к изображениям и творческие задания:

В[опрос]. Какие суть гербы Гишпанские?

О[ответ]. Французской щит, окруженной орденом Златаго Руна, он разделен перпендикулярно и горизонтально на четыре части <...> Я присоединяю на фигуре С. гербы Гишпанские, как оные суть ныне, оставляя без изъяснения для упражнения ученикам, упражняющимся в Геролдической науке [9. С. 115].

В. Что вы примечаете вообще о Геролдической науке по причине Гишпанских гербов?

О. Я примечаю цветы и металлы в щите означенным числом 7, которой перпендикулярно разделен, и два раза горизонтально. Первая четверть А представляет золото, вторая В. серебро, третья С. красной цвет <...> Цветы, которые редко употребляются, пропущены, выключая пурпуровый, смотри щит 10 на фигуре В. [Там же. С. 117].

При такой плотности отсылок к изображению экфрасис не работает на автономность текста, обеспечивая ему самодостаточность, как в «Полезных и занимательных эмблемах», но способствует распределению компонентов значения между текстом и изображением. Читателю предлагается совершить переход между более универсальным и частным уровнями значения и попытаться творчески применить полученные знания к изображениям, оставшимся без комментария.

Генетическую связь с книгами эмблем обнаруживают разнообразные «Зеркала» и «Зрелища», – издания, претендующие на энциклопедическую всеохватность, акцентирующие в названии идею целостного обозрения мира и отсылающие к труду Я.А. Коменского, также неоднократно издававшегося на русском языке в рассматриваемый период. Первым в этом ряду вышло в 1784–1790 гг. «Зрелище природы и художеств» [10] в русском переводе в десяти томах, содержащее сведения о науках, искусствах, ремеслах и явлениях природы в следующей форме: изображение, название, текст. Изображение на отдельном листе без подписи соотносится с названием с помощью нумерации, представляет собой сюжетную сценку, то есть носит повествовательно-образный и иллюстративный характер. Например, статья «Карп» сопровождается изображением женской фигуры, разделяющей рыбу в интерьере кухни, насыщенном огромным количеством деталей, напрямую не соотносящихся с содержанием текста [Там же. № 2]. Статья «Улитка», дающая исключительно биологические сведения, сопровождается сценой уличной торговли улитками [Там же. № 3]. Изображения энциклопедического характера, наглядно демонстрирующие объект такого описания вне контекста или в минимальном контексте среды обитания, встречаются очень редко. В большинстве случаев текст вполне независим от изображения, которое добавляет определенный комплекс значений, апеллируя к повседневному опыту ребенка, связанному с объектом описания, но эти значения не являются обязательными для формирования представления об объекте. Поясняя объект с помощью размещения его в знакомом контексте, изображение является иллюстрацией в полном смысле слова. Однако, как в случае с уличной торговлей съедобными улитками, для русского читателя многие изображения нуждались в дополнительных пояснениях, которых в книге, разумеется, не было, и механический перенос изображений из оригинального издания иллюстрированию как прояснению смысла текста не способствовал.

Чисто энциклопедический характер носят изображения в книге «Новое зрелище вселенной, представленное из Царства природы, искусства, нравов и обыкновенной жизни для детей обоюбого пола, к приятному и полезному их упражнению» (1804 г.): выключенные из контекста пронумерованные объекты объединены в визуальные ряды по

принципу подобия и соотнесены с соответствующими описаниями с помощью цифр [11].

Изданная в 1807 г. «Новая картинная галерея для детей, содержащая в себе предметы из царства природы, науки, художества и мастерства» задействует и энциклопедический, и повествовательный принцип иллюстрирования. При этом взаимодействие текста и изображения в первом случае носит характер формальной идентификации с помощью цифр, во втором же случае оно достаточно интенсивное. Например, статья «Угольник» сопровождается развернутым в едином сюжетном пространстве изображением этапов работы угольщика, а текст сначала отсылает к изображению: «Работа угольника изображена на нашей картине», а затем движется по картинке, последовательно описывая ее смысловые части [12. С. 37]. Встречаются в этом издании и эмблематические изображения, сопровождающие статьи «Баснословные Боги»: овальный медальон с фигурой божества и краткое изложение правил его изображения.

Тесную связь с книгами эмблем обнаруживает изданный в 1789 г. и переиздававшийся в XIX в. [13] перевод книги Г.А. Вилля «Свет зримый в лицах или Величие и многообразность Зиждителейых намерений открывающиеся в природе и во нравах, объясненные физическими нравственными изображениями, украшенных достойных сих предметом словом: в пользу всякаго состояния людям, а наипаче молодым витиям, стихотворцам, живописцами другим художникам». Изначально не предназначенная для детей, она оказалась наиболее удачным педагогическим соединением эмблематической формы и повествовательного принципа изображения. В книге 100 статей, как и должно быть в книге эмблем. Каждое представленное явление раскрывается через название, стихотворный девиз, гравюру и комментарий, в котором проявлен универсальный смысл явления. Но функция изображения здесь не обобщающая, а конкретизирующая. В изображении читатель видит не аллегория, которую нужно в воображении соотнести с конкретной ситуацией, а конкретную ситуацию, в которой нужно увидеть аллегорический смысл. Так, в статье «Лед» девиз задает универсальное звучание темы: «Надежду кто свою на щастье полагает, на ломком льде себе чертоги созидает», а изображение – его конкретизацию: беспечные конькобежцы провалились под лед на канале (см. рис. 2). Текст комментария контролирует процесс соотнесе-

ния конкретики и универсальности. Яркое описание изображенного на гравюре события заканчивается моралью:

Если отрок глупо веряется ломкому льду, то столь же глупо и большего еще наказания достойный родитель полагается на поползновенное щастие, хотя онъ гораздо чаще несмысленнаго юноши увещеван был. Щастие его нечаянное делает поползновение, и он упадает; падение его ужаснее и опаснее, нежели на льду какое бывает, и он влечет за собою свои изчадия и других в погибель [13. С. 204].

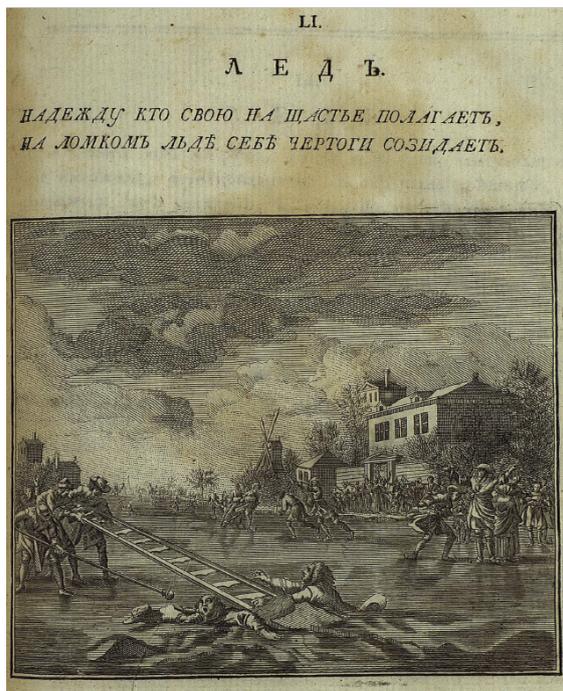

Рис. 2. Свет зримый в лицах. Санкт-Петербург, 1817 г.

Приемы, направляющие внимание читателя на изображение, в тексте не используются, но они перенесены из комментария в саму гра-

вьюру: практически на каждой из них («Лед» – одно из немногих исключений) на первом плане расположены фигуры в состоянии диалога или одна фигура в позе созерцания, с жестами демонстрации, охвата, фокусировки на представленном объекте или явлении. Популярность этого издания [1. С. 392] можно объяснить не только высоким качеством гравюр, но и соблюдением важного принципа эмблематики – остроумного сочетания названия, девиза и картинки, обеспечивающего игровое итерационное проникновение в смысл представленного явления и усиливающего педагогическое воздействие на читателя.

К энциклопедическим формам представляется возможным отнести также отдельные переводы сборников рассказов для детей художественно-дидактического плана, в которых повествовательная связность, объединяющая представления отдельных явлений, играет важную роль. В основном они сопровождаются сюжетно-образными иллюстрациями, но повествовательный характер не мешает их связи с иными принципами иллюстрирования.

Сочинение Пьера Бланшара «Сокровище для детей, или Безценной подарок милым малюткам на новый 1811 год» [14] иллюстрируется гравюрами, расположенными по две на листе, одна под другой; каждая из них сопровождается номером и подписью, идентифицирующей сюжет; в соответствующем месте текста дается отсылка к изображению. Каждое изображение служит одновременно иллюстрацией, зримо представляющей конкретную сцену, и визуальным итогом главы или законченного сюжета.

Если в книге Бланшара расположение двух изображений на одном листе скорее механическое, то в других случаях оно носит характер визуального сопоставления. Альбомная форма издания расширяет его возможности, не только помещая сюжетные изображения в каузальный контекст, но и придавая им эмблематический смысл, как это показывает вышедший в 1821 г. «Свет в малом виде или Жизнь Человеческая в Противоположных отношениях» [15]. В тексте нет никаких отсылок к парным изображениям, но они сводят в «таблицу» парные сюжеты текста и усиливают противопоставление явлений, конденсируют смысл оппозиции, иногда рассредоточенной по двум главам (рис. 3).

Сочетание эмблематического механизма итерационного смыслообразования с сюжетно-образным повествовательным и энциклопе-

дическим принципами изображения показывает издание 1824 г. «Малютка Экономка, или Добрая дочь». Двухчастная иллюстрация слева представляет сюжетную сценку, справа – набор предметов домашнего обихода, задействованных в сюжете (см. рис. 4). Текст обеспечивает последовательность переходов от чтения к рассматриванию сначала левой, затем правой части изображения с помощью разнообразных отсылок, сопровождающих очень подробное объяснение сначала сюжетной сцены, расположенной слева, затем энциклопедического изображения предметов, расположенного слева:

На сей первой картинке видите вы маленькую Аннушку, вместе с ея сестрою Катинькою и братом Николинкою, возле нянюшки, которая носит на руках самую младшую сестру их Лизаньку [16. С. 7].

На другой половине сей картинки вы видите, любезные дети, кофейной и чайной приборы. Они состоят из кофейника, молошника, чайника, сахарницы и чашек. Возле подноса стоит кофейная мельница, медная иготь и самовар.

Но чтобы вы знали, любезные дети, как растут кофе, чай и сахар, и как их готовят, я теперь вам расскажу об этом [Там же. С. 11–12].

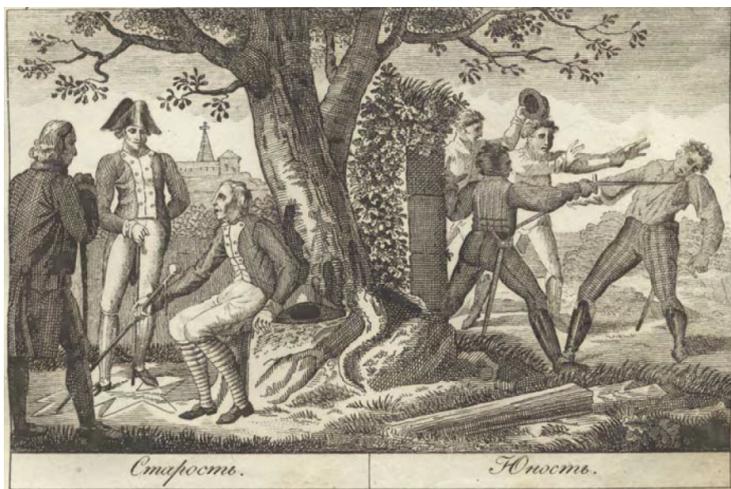

Рис. 3. Свет в малом виде или Жизнь Человеческая в Противоположных отношениях. Москва, 1821 г.

Рис. 4. Малютка Экономка, или Добрая дочь. Москва, 1824 г.

Среди энциклопедических форм детской книги, претендующих на всеохватное описание мира, выделяется обширная группа азбук. Не только в силу многочисленности, но и по ряду других причин она требует отдельного детального изучения. Именно азбука изначально является полем для оригинального «русского» поиска образовательной интермедиальности. Форма азбуки имела особую значимость как первое в жизни ребенка конденсированное представление знаний о мире, как самая сжатая и самая общая из возможных энциклопедий. Азбука показывает мир в первую очередь через язык в его визуальной форме буквы и слова; многоязычные иллюстрированные азбуки являлись одновременно средством обучения языкам и демонстрацией многообразия и упорядоченности мира. Тяготение азбуки к энциклопедическому охвату могло быть неявным, проявляющимся только в многоязычности и эмблематическом характере изображений [17]. Оно могло быть явным, прописанным в названии: «Драгоценный подарок детям, или Новая и полная энциклопедическая российская азбука» [18]. Это издание демонстрирует возможности азбуки как поля для интермедиальных экспериментов, предлагая читателю типологически разнообразный изобразительный ряд и разнообразные варианты связи изображения и текста. Это иллюстрации – изображения, никак не фигурирующие в тексте, просто его сопровождающие и представляющие сюжеты Священной истории; это обобщающие сюжетные изображе-

ния, титулы и фронтиспис, представляющие сцены обучения; генеалогическое древо русских князей; диаграмма чудес света; схема пропорций человеческого тела; нумерованные энциклопедические иллюстрации; последовательность притчевых сюжетов.

Список иллюстрированных книг энциклопедического характера, изданных для детей в России в рассматриваемый период, не исчерпывается приведенными здесь примерами. В большинстве изданий мы находим смешение нескольких принципов иллюстрирования, обусловленное характерной для русскоязычной детской книги XVIII в. и ее европейских оригиналов интеграцией познавательной и дидактической функций [19]. Практически везде так или иначе присутствует эмблематический принцип: название, изображение и текст образуют трехчастную структуру разной степени связанности; достаточно часто встречается принцип энциклопедический: на листе собраны отдельные пронумерованные изображения однотипных объектов, выключенные из изобразительного контекста; практически везде присутствует принцип повествовательный: сюжетные, экспрессивно-образные сцены, обладающие большим потенциалом убеждения, конкретизирующие общие постулаты и взывающие к повседневному опыту ребенка. Каждый из этих принципов привносит в детскую книгу свои способы отображения связности. Энциклопедическая иллюстрация показывает объект в ряду подобных, в перечислении, демонстрирует структуру объекта. Эмблема дает его символично-аллегорическое толкование, вскрывает его универсальное значение. Повествовательная иллюстрация показывает его функции и включенность в каузальные связи, изображая среду событийную и предметную.

Издания для детей стремятся к интеграции всех этих способов. На фоне деградации эмблематики как самостоятельного интермедиального жанра отдельные элементы эмблематической традиции активно заимствуются развивающимися формами изданий. Транзитивный характер рассматриваемого периода выражается в поисках новой интермедиальной формы связанности, аналогичной по эффективности и цельности утраченной эмблематической бимедиальности текста и иллюстрации. В поисках такой формы издания энциклопедического характера, претендующие на всеохватность, задействуют эмблематический и повествовательный принципы изображения. Набирающая силу внутри них повествовательная иллюстрация соединяется с ил-

люстрацией энциклопедической и вовлекается в механизмы взаимодействия с текстом, характерные для эмблемы.

Литература

1. Сергиенко И. Немецкие авторы – русским детям: опыт библиографии детской книги второй половины XVIII в. // *Детские чтения*. 2017. № 2 (012). С. 382–411.
2. Костохина М.С. Золотое зеркало: Русская литература для детей XVIII–XIX вв. М.: ОГИ, 2008. 224 с.
3. Ребеккини Д. Мир символов: мнемонические таблицы Жуковского и их практическое значение // *Жуковский: Исследования и материалы* / гл. ред. А.С. Янушкевич. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. Вып. 3. С. 238–257.
4. Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб.: Фонд поддержки науки и образования «Университетская книга», 1997. 479 с.
5. Долгушин Д.В. «Педагогическая поэма» В.А. Жуковского (по неизданным материалам) // *Сибирский филологический журнал*. 2018. № 1. С. 89–106.
6. Никонова Н.Е. В.А. Жуковский – современник педагогического века Германии: немецкая литература о воспитании и творческие искания поэта 1840–1850-х гг. // *Имагология и компаративистика*. 2014. № 1. С. 87–124.
7. Зеленин Д.А. Поэтика книжной эмблемы: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 361 с.
8. Полезные и занимательные эмблемы, Избранные из лучших и превосходных писателей, Для Детей. М.: В Типографии Н.С. Всеволожского, 1816. 82 с.
9. [Дильтей Ф.Г.] Детской атлас или Новой удобной и доказательной способ к учению географии, исправленной и умноженной Филлипом Генрихом Дилтеем, обоим Прав Доктором и Профессором Публичном Юриспруденции и истории, переведен под руководством тогоже Проф. с французского на российский язык гвардии Измайловского полку Сержантом Михайлом Александровичем г. Новосильцовым, и гвардии Преображенского полку Капралом Иваном Дмитриевичем г. Карповым: в 6 т. М.: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1768. Т. 1. 325 с.
10. Зрелище природы и художеств: в 10 ч. СПб.: Иждивением Императорской Академии наук, 1784. Ч. 3. 100 с.
11. Новое зрелище вселенныя, представленное из Царства природы, искусства, нравов и обыкновенной жизни для детей обоего пола, к приятному и полезному их упражнению: в 2 кн. М.: Унив. тип., 1804. Книга первая. 495 с.; Книга вторая. 465 с.
12. Новая картинная галерея для детей, содержащая в себе предметы из царства природы, науки, художества и мастерства, тщательно с натуры срисованные и на Российском, Французском, Немецком, Италиянском и Англинском языках внятно описанные: в 2 ч. М.: Тип. Федора Любия, 1807. Ч. 1. 172 с.; Ч. 2. 294 с.
13. [Виль Г.-А.] Свет зримый в лицах или Величие и многообразность Зиждителей намерений открывающиеся в природе и во нравах, объясненныя

фисическими нравственными изображениями, украшенных достойных сих предметом словом: в пользу всякого состояния людям, а наипаче молодым витиям, стихотворцам, живописцами другим художникам / перевел с немецкаго языка на Российский Иван Хмельницкий. СПб., 1817. 400 с.

14. [Бланшар П.] Сокровище для детей, или Безценной подарокъ милым малюткамъ на новый 1811 годъ : в трех частях. Сочинение Петра Бланшарда. М. : Унив. тип., 1811. 295 с.

15. [Масселень Г.] Свет в малом виде или Жизнь Человеческая в Противоположных отношениях. Соч. Г. Масселеня. С 20-ю Гравир. картинами. М. : Тип. Августа Семена, 1821. 248 с.

16. Малютка Экономка, или Добрая дочь. С гравированными картинками / перевод с немецкаго. М. : Тип. Павла Кузнецова, 1824. 54 с.

17. Полная азбука Русская, Латинская, Греческая, Немецкая и Французская. С присовокуплением всех правил для произношения в сих языках. М. : Унив. тип., 1840. 27 с.

18. [Вавилов П.А.] Драгоценный подарок детям, или Новая и полная энциклопедическая российская азбука, содержащая в себе все нужные и полезныя познания для детей и других некоторого возраста и звания людей с 5ю виньетами и 15ю искусно Гравированными Картинами. М. : Тип. Н.С. Всеволожскаго, 1818. 190 с.

19. Антипова И.А. Образовательная книга для детей в России во второй половине XVIII в.: вопросы издания и типологии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. 23 с.

Illustrations in Children's Educational Books in Russia in the Late 17th – Early 19th Centuries

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2020, 23, pp. 82–99

DOI: 10.17223/23062061/23/5

Nina L. Panina, Novosibirsk State University (Russian Federation). E-mail: pa.nina@mail.ru

Keywords: children's book, pedagogy, illustration, intermediality.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-012-00529.

The aim of this article is to analyse the transition period in the history of illustrating children's educational books on the material of Russian-language publications. It is the period in which the function of an intermedial representation gradually develops from emblematic to encyclopedic and narrative-figurative images. This process is related to the literary history of children's books and their genre transformations. In the last third of the 18th century, children's literature in Russia was formed as an independent direction with its special goals, and the basis for further search for specific methods of children's book design, including educational ones, was laid. In the first quarter of the

19th century, the children's book had a typical European visual design and continued the trends inherited from the 18th century: translations, borrowings, and revised texts in publications often copied illustrations rather than made new ones. A new stage came at the end of the 1820s, when Russia was actively developing independent children's literature, and professional authors and criticism appeared. It was the time of the pedagogical experiments of Vasily Zhukovsky. This article does not claim to analyse Zhukovsky's pedagogical activity comprehensively, but this activity is significant for the subject-matter of the study. In his pedagogy, Zhukovsky went to a new level when searching for intermedial ways of transmission of the universal coherence of phenomena, the systemic representation of knowledge about the world, and the ideas of the world as a system. The search, though much slower, was also observed in contemporary children's books. The integration of cognitive and didactic functions in the Russian-language children's book of the 18th century resulted in a mix of different principles of illustration in one publication. These principles are: (1) emblematic: the title, image, and text form a three-part structure; (2) encyclopedic: the sheet contains separate numbered images of the same type of objects excluded from the visual context; (3) narrative: the plot, expressive and figurative, including caricature, illustrations are readily used in an educational book due to their persuasiveness. Each of these principles has its own ways of displaying coherence. An encyclopedic illustration shows an object in a series of similar ones, in an enumeration, shows the structure of the object. An emblem gives its symbolic and allegorical interpretation. A narrative illustration shows its functions and its involvement in causal relations, depicting the environment of events and objects. The children's book of the studied period tends to integrate all these ways. While the emblem as an independent intermedial genre degrades, certain elements of the emblematic tradition are actively borrowed by new forms of publications. The emblem gives the European book of modern times the most important intermedial tools for displaying universal coherence, the world as a system. The change of the epochs leads to an inevitable blurring of the meaning of the emblematic sign. The transitive nature of the analysed period is expressed in the search for a new intermedial form of coherence, similar to the lost emblematic bimodality of the text and illustration in terms of effectiveness. In the search for such a form, encyclopedic publications that claimed to be all-encompassing use the emblematic and narrative principles of illustration. In turn, the narrative illustration, driven by a similar desire for inclusiveness, consistency, and universality, absorbs the emblematic and encyclopedic principles.

References

1. Sergienko, I. (2017) German Authors for Russian Children: Children's Books in Russia at the End of the 18th Century. *Detskie chteniya – Children's Readings: Studies in Children's Literature*. 2(012). pp. 382–411. (In Russian).
2. Kostyukhina, M.S. (2008) *Zolotoe zerkalo: Russkaya literatura dlya detey XVIII–XIX v.* [Golden Mirror: Russian Literature for Children of the 18th – 19th centuries]. Moscow: OGI.

3. Rebecchini, D. (2017) Mir simbolov: mnemonicheskie tablitsy Zhukovskogo i ikh prakticheskoe znachenie [The world of symbols: Zhukovsky's mnemonic tables and their practical meaning]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Research and Materials]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 238–257.
4. Yates, F. (1997) *Iskusstvo pamyati* [The Art of Memory]. Translated from English. St. Petersburg: Universitetskaya kniga.
5. Dolgushin, D.V. (2018) The “pedagogical poem” of V. Zhukovsky (on unpublished materials). *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 89–106. (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/62/7
6. Nikonova, N.E. (2014) V.A. Zhukovsky as the coeval of the pedagogic epoch in Germany: German literature about upbringing and artistic pursuits of the poet in 1840–1850. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 1. pp. 87–124. (In Russian).
7. Zelenin, D.A. (2017) *Poetika knizhnoy emblem* [Book Logo Poetics]. Philology Cand. Diss. Moscow.
8. Anon. (1816) *Poleznyya i zanimatel'nyya emblem, Izbrannyya iz luchshikh i prevoskhodnykh pisateley, Dlya Detey* [Useful and entertaining logos, selected from the best and excellent writers for Children]. Moscow: N.S. Vsevolzhsky.
9. [Dilthey, P.G.] (1768) *Detskoy atlas ili Novoy udobnoy i dokazatel'noy sposob k ucheniyu geografii, ispravlennoy i umnozhennoy Fillipom Genrikhom Dilteem, oboikh Prav Doktorom i Professorom Publichnom Yurisprudentsii i istorii, pereveden pod rukovodstvom togozhe Prof. s frantsuzskago na rossiyskiy yazyk gvardii Izmaylovskogo polku Serzhantom Mikhaylom Aleksandrovichem g. Novosil'tsovym, i gvardii Preobrazhenskago polku Kapralom Ivanom Dmitrievichem g. Karpovym* [Children's Atlas or New Convenient and Evidence-Based Method for Teaching Geography, Corrected and Multiplied by Phillip Heinrich Dilthey, Law Doctor and Professor of Public Jurisprudence and History, translated from French into Russian by Izmailovsky Guard Regiment Sergeant Mikhail Aleksandrovich Novosiltsov, and Preobrazhensky Guard Regiment Corporal Ivan Dmitrievich Karpov]. Vol. 1. Moscow: Moscow Imperial University.
10. Voit, J.P. (1784) *Zrelishche prirody i khudozhestv* [Spectacle of Nature and Arts]. Vol. 3. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
11. Anon. (1804) *Novoe zrelishche vselennyya, predstavlennoe iz Tsarstva prirody, iskusstva, nrayov i obyknovennoy zhizni dlya detey oboego pola, k priyatnomu i poleznomu ikh upravneniyu* [A new spectacle of the universe, presented from the kingdom of nature, art, morals and ordinary life for children of both sexes, to their pleasant and useful exercise]. Translated from German. Moscow: Univ. Tip.
12. Lyubiy, F. (ed.) (1807) *Novaya kartinnaya galereya dlya detey, sodержashchaya v sebe predmety iz tsarstva prirody, nauki, khudozhestva i masterstva, tshchatel'no s natury srisovannyye i na Rossiyskom, Frantsuzskom, Nemetskom, Italiyskom i Anglinskom yazykakh vnyatno opisannyye* [A new picture gallery for children, containing objects from the kingdom of nature, science, art and crafts, carefully sketched from nature and clearly described in Russian, French, German, Italian and English]. Pt. 2. Translated by F.A. Zeidel. Moscow: Tip. Fedora Lyubiya.

13. [Ville, G.A.] (1817) *Svet zrimyy v litsakh ili Velichie i mnogoobraznost' Zizhditelevykh namereniy otkryvayushchiesya v prirode i vo nrvakh, ob'yasnennyya fisicheskimi nrvstvennymi izobrazheniyami, ukrashennykh dostoynykh sikh predmetom slovom: v pol'zu vsyakogo sostoyaniya lyudyam, a naipache molodym vityam, stikhotvortsam, zhivopistsami drugim khudozhnikam* [Visible light in persons or the Greatness and diversity of the Creator's intentions revealed in nature and in manners, explained by physical and moral images, decorated with a word worthy of these things: for the benefit of every state of people, and especially for young poets and artists]. Translated from German by I. Khmel'nitsky. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

14. [Blanchard, P.] (1811) *Sokrovishche dlya detey, ili Beztsennoy podarok "milym malyutkam" na novyy 1811 god* [A treasure for children, or a priceless gift for cute babies for the new year of 1811]. Translated from French. Moscow: Univ. Tip.

15. [Masselen, G.] (1821) *Svet v malom vide ili Zhizn' Chelovecheskaya v Protiopolozhnykh otnosheniyakh* [Light in a small form or Human Life in Opposite Relationships]. Moscow: Tip. Avgusta Semena.

16. Anon. (1824) *Malyutka Ekonomka, ili Dobraya doch'. S gravirovannymi kartinkami* [Little Housekeeper, or Kind Daughter. With engraved pictures]. Translated from German. Moscow: Tip. Pavla Kuznetsova.

17. Anon. (1840) *Polnaya azbuka Russkaya, Latinskaya, Grecheskaya, Nemetskaya i Frantsuzskaya. S prisovokupleniem vseh pravil dlya proiznosheniya v sikh yazykakh* [Complete Russian, Latin, Greek, German and French Alphabet. With the rules for pronunciation in these languages]. Moscow: Univ. Tip.

18. [Vavilov, P.A.] (1818) *Dragotsenny podarok detyam, ili Novaya i polnaya entsiklopedicheskaya rossiyskaya azbuka, sodержashchaya v sebe vse nuzhny i poleznyya poznaniya dlya detey i drugikh nekotorogo vozrasta i zvaniya lyudey s 5yu vin'etami i 15yu iskustno gravirovannymi kartinami* [A precious gift for children, or a new and complete Russian encyclopedic alphabet, containing all the necessary and useful knowledge for children and others of a certain age and rank of people with 5 vignettes and 15 artfully engraved paintings]. Moscow: Tip. N.S. Vsevolzhskago.

19. Antipova, I.A. (2002) *Obrazovatel'naya kniga dlya detey v Rossii vo vtoroy polovine XVIII v.: voprosy izdaniya i tipologii* [An educational book for children in Russia in the second half of the 18th century: issues of publication and typology]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.

В.М. Головки

**КНИГА В ИСТОРИИ ИДЕЙНО-ТВОРЧЕСКОГО
САМООПРЕДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЯ
Я.В. АБРАМОВА (НА МАТЕРИАЛЕ
АРХИВНЫХ РАЗЫСКАНИЙ).**

**Статья 2. СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ
ЕВРОПЕЙСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ И СОЦИАЛИСТОВ
В ЧИТАТЕЛЬСКОЙ РЕЦЕПЦИИ Я.В. АБРАМОВА
СЕРЕДИНЫ 1870-х гг.**

Аннотация. На основе архивных разысканий анализируется роль сочинений Ш. Монтескье, Ш. Фурье, Л. Блана, Ф. Лассаля в формировании позиций демократического просветительства идеолога реформаторского народничества 1880–1890-х гг. Я.В. Абрамова. Определяется генезис концепции социального эволюционизма писателя, основанной на диалектике «малых и великих дел».

Ключевые слова: Я.В. Абрамов, легальное народничество, становление идеолога, книга, круг чтения, просветительство, «малые» и «великие» дела.

Недавно обнаруженные нами в Государственном архиве Ставропольского края (ГАСК) материалы, относящиеся ко времени обучения будущего теоретика и практика культурнического течения в легальном народничестве 1880–1890-х гг. Якова Васильевича Абрамова (1858–1906) в старших классах Ставропольской мужской классической гимназии (1873–1874) и Кавказской духовной семинарии (1875–1877) [1], показывают, что особую роль в развитии его социально-философского мировоззрения сыграло приобщение к идеям европейского Просвещения и теориям утопического социализма. Изучение сочинений Монтескье, Фурье, Лассаля, Луи Блана началось еще в его гимназические годы, а во время учебы в Кавказской духовной семинарии приобрело такой характер, что не могло не привлечь внимания педагогов. В «Представлении» педагогическому собранию одного из преподавателей семинарии по поводу Якова Абрамова сообщалось, например, следующее: «Ученик Абрамов занимается изучением соци-

альных учений Фурье, Лассалья и Луи Блана, “объективно” относится к этим учениям и делает выписки из сочинений указанных авторов...<...> о ненормальном распределении благ жизни... о страданиях полезной части общества, т.е. рабочих, и о наслаждениях вредной части общества, т.е. капиталистов и привилегированных сословий» [1. Л. 7а]. Эти выписки, по мнению наставников Абрамова, «возбуждали в нем особые мечты и желания о свободе, думы о неудовлетворительном положении в современном обществе людей, подобных ему» [Там же]. И надо сказать, что такие оценки социального мировидения Абрамова (и не только этого времени) вполне соответствовали действительности. С процессом социализации незаурядного ученика его педагоги связывали прежде всего отбор книг для чтения: «Ища удовлетворения своей потребности умственного развития, он (Абрамов. – В.Г.) остановился на чтении книг “естественно-научного, исторического, публицистического, критического и т.п.” и, в частности, “политико-экономического” содержания» [1. Л. 8]. Именно в результате чтения книг такого направления Абрамов пришел к убеждению, что в «основе образования должно лежать естествознание, в венце – социология» [1. Л. 8]. Те «тетради, бумаги и письма», которые в марте 1877 г. были «отобраны у Абрамова» и «переданы для просмотра членам педагогического собрания» [Там же] в связи со служебным расследованием инакомыслия Абрамова-семинариста и «устроенной им особой организации» для изучения естественнонаучной и философско-социологической литературы [Там же. Л. 7], давали представления о социальной направленности его духовно-нравственных исканий и критическом отношении к существующему общественному строю.

К 1876 г. относится знакомство Абрамова с сочинениями крупнейшего философа французского Просвещения, политолога и писателя, одного из основоположников современной теории представительной демократии Ш. де Монтескье, книгу которого «О духе законов» (1748), в свое время запрещенную Ватиканом, он, судя по дневниковой записи, читал на языке оригинала [Там же. Л. 227], возможно, по изданию «L'esprit des lois suivi de la défense de l'esprit des lois par Montesquieu». Paris : Lavigne, Libraire-Editeur, 1845. В первой половине XIX в. в переводах на русский язык это сочинение Монтескье переиздавалось неоднократно. Соединяя, подобно философам раннего стоицизма, закон, свободу и справедливость, мыслитель обосновывал

идею разделения властей (законодательная, исполнительная и судебная) в целях преодоления сосредоточенности в одних руках неограниченной и не контролируемой власти. Основную функцию государства он усматривал в обеспечении безопасности и свободы человека, при этом свобода трактовалась Монтескье как «право делать все, что дозволено законами», а «законы в самом широком значении этого слова суть необходимые отношения, вытекающие из природы вещей» [2. С. 11, 137]. Проблема свободы для юного Абрамова отнюдь не была чисто теоретическим принципом: «Говорят о превосходстве нынешнего времени над прошедшим, так как отменено рабство. Рабство существует и теперь...», – писал он в 1875 г. [1. Л. 181]. Высоко оценивая трактат «О духе законов» как продукт интеллектуальной деятельности французского философа-просветителя XVIII в., Абрамов тем не менее еще в годы обучения в семинарии осознавал, что не все идеи Монтескье отвечали на вопросы современности, и отдавал явное предпочтение трудам европейских социалистов XIX в. «Сто лет прошло с тех пор, как это сочинение вышло в свет, а доселе многие мысли его вызывают удивление к уму автора, – писал он после изучения книги “L'esprit des lois”. – Впрочем, в общем теории Монтескье не выдерживают критики» [Там же. Л. 227]. Такая оценка вызвана, скорее всего, тем, что, в отличие от Руссо, Вольтера, Гельвеция, Гольбаха, объяснявших социальные противоречия неравенством в области владения частной собственностью, Монтескье в своих работах по правоведению пытался защищать институт частной собственности. Подобные идеи вряд ли могли импонировать Абрамову. С точки зрения социальной философии Н.В. Шелгунова, Д.И. Писарева и других публицистов-демократов 1860–1870-х гг., работы которых он читал [Там же. Л. 169, 168 об.], весьма архаично выглядели и концепции географического детерминизма в понимании законов общественного развития, которые содержались в сочинениях Монтескье.

Что же касается сочинений Фурье, Лассаля, Луи Блана, то Абрамов находил в них мысли и идеи, созвучные его размышлениям об установившемся в мире господстве одного класса над другими, о тяжелом положении трудящихся масс не только в России, но и в других странах Европы, Америки, Восточной Азии. «В то время, когда одни наслаждаются всеми благами жизни, другие, вечно трудясь, не имеют даже необходимого: пищи, одежды и крова. Это есть следствие одно-

стороннего развития цивилизации» – такая цитата из сочинений Шарля Фурье [3. Р. 32] появляется на страницах дневника Абрамова 1873 г. [1. Л. 179]. Обнажая «пороки капитализма», философ отмечал, что «капиталы увеличивают силу того, кто обладает ими, и раздавливают того, кто ими не обладает» [4. С. 150–151]. Будучи последовательным критиком буржуазной «цивилизации», Фурье писал о «заколдованном круге» ее противоречий. Причина этого противоречия заключается в том, что, по словам Ф. Энгельса, «в цивилизации бедность порождается самим избытком» [5. С. XXV]. В «Теории четырех движений и всеобщих судеб» (1808), затем в «Новом промышленном и общественном мире» (1829) социалист-утопист, чрезвычайно популярный в России, выделял несколько основных стадий развития в истории человечества – периоды эдемизма («райской» первобытности), дикости, варварства, цивилизации и гармонизма. «Цивилизация» – это «существующий общественный строй», и он, по мнению Фурье, «не освободил человечество от бедности»: по словам философа, «батальоны нищеты угрожают цивилизации» [4. С. 142, 150]. «Историческую задачу цивилизации» как «промежуточного фазиса» между «варварством и ассоциацией», формой осуществления «гармонизма», Фурье усматривал в «создании наук, искусств и крупной промышленности». Решение такой задачи под силу только социуму, преодолевшему «общее равенство бедности». «Богатые наполовину богаты, пока люди бедны, – писал Фурье, если бы они захотели подсчитать, во сколько им обойдется бедность людей, скольких удовольствий и связей они лишены этой бедностью, они бы увидели, что истинным другом богатых будет тот, кто найдет средства, чтобы обеспечить людям постепенный и относительный достаток... мы не будем понастоящему богатыми, пока людям не станет комфортно» [3. Р. 32]. Такие высказывания могли привлечь внимание Абрамова, судя по его суждениям о роли денег в обеспечении условий для духовного и интеллектуального становления человека. С одной стороны, он видел и понимал, что капиталистическая «цивилизация» порождала бедность, а следовательно, «культ денег». В одном из писем, адресованном товарищу по гимназии, Абрамов, апеллируя к лозунгу, ставшему символом Великой французской революции, констатировал несовместимость высоких общественно-нравственных идеалов и растлевающей силы денег: «Свобода + равенство + братство = x, x = деньги. Реши

это уравнение. Чему равняются свобода, равенство и братство. <...> Прощай общественное благо!» [1. Л. 131]. С другой стороны, в 1875 г. Абрамов констатировал, что «с деньгами только можно сделать все, что занимает наш ум» [Там же. Л. 131 об.]. Это признание приобретает смысл только в свете высказывания Фурье о том, что «богатство... есть необходимое условие, материальная основа для осуществления самых высоких стремлений нашего духа» [4. С. 142]. Неслучайно уже в 1896 г. в программной статье «Малые и великие дела» Абрамов сформулирует в качестве главной «задачи человеческой цивилизации» «освобождение человека от зависимости от материальных условий существования» и обеспечение тем самым «простора его духовным способностям» [6. С. 224].

По словам А.И. Герцена, «фурьеризм... всех глубже раскрыл вопрос о социализме...» [7. С. 266–267]. Имея в виду интерес юного Абрамова к сочинениям Ш. Фурье, важно отметить, что теоретик утопического социализма выступал за осуществление социальной революции мирным путем, подчеркивая, что это будет выход из буржуазной «цивилизации» и «переход к более высокому общественному строю – “строю гармонии”» [8. С. 327]. Подобные идеи, обогащенные знанием сочинений Луи Блана и Лассалля, в будущем отзовутся в концепции социального эволюционизма Абрамова, т.е. той концепции, которая определяла его стратегию и тактику «великой культурной работы» в народе [6. С. 223].

Фурье входил в числе авторов читаемых Абрамовым статей и книг, в которых содержались «измышления и размышления» о «политике и экономике» [1. Л. 188]. Темы «организации труда», отношений между капиталом и трудом поднимались в сочинениях Луи Блана, а также в работах отечественных социологов и публицистов (см., например: [9]), широко издававшихся в 1860–1870-е гг. Социально-политические идеи реформистского социализма XIX в. (Ф. Лассаль, Л. Блан) привлекли внимание Абрамова в то время, когда он был еще учеником 5-го класса Ставропольской классической гимназии (1873 г.).

В истории европейской социалистической мысли и социалистического движения XIX в. выделялись течения «государственников» (Луи Блан) и «антигосударственников» (Ш. Фурье, В. Консидеран, Прудон), радикальное крыло (К. Маркс, Ф. Энгельс, представители школы научного социализма) и реформистское, идеологи которого

ставили вопрос о «постепенных преобразованиях на основе примирения классов с использованием политических механизмов парламентаризма и демократии» (Дж.Ст. Милль, Л. Блан, Ф. Лассаль) [10. С. 294–303].

Главный порок общественного устройства в любом классовом, собственническом государстве пытливый пятнадцатилетний гимназист в своих дневниках фиксировал словами Луи Блана: «Это есть продукт неправильного преимущества капитала над трудом» [1. Л. 179]. «Бедствия рабства проистекают от неравенства, а бедствия пороков из собственности. Собственность это есть бич народов, истинное преступление общества» – такие тезисы Луи Блана, нередко цитируемые в социальной литературе тех лет (см., например: [11. С. 310]), вполне импонировали умонастроениям и соответствовали мировоззренческим исканиям юного Абрамова. Вслед за Фурье Луи Блан выявлял в своем основном экономическом сочинении «Организация труда» (1839) причины бедственного материального положения рабочего класса, доказывая, что бедность как социальное зло является злом и тех, кто владеет капиталом. Абрамов пока не рассматривал проблему труда и капитала в историческом контексте, что было характерно для сочинений европейского социалиста («История великой французской революции» (в переводе на русский язык М.А. Антоновича издание 1871 г.); «История десяти лет: 1830–1840» и др.). В.Г. Белинский, например, касавшийся этого вопроса, критически оценивал работы Луи Блана за то, что он, рассматривая «буржуазии» как «источник великих зол», заключающийся во «владычестве капитала, в его тирании над трудом», не видел и ее определенное исторически прогрессивное значение [12. С. 700]. Абрамов концентрировал свое внимание именно на вопросе «господства капитала над трудом».

О значимости этой проблемы говорит тот факт, что ее рассматривал в своих работах К. Маркс («Экономическо-философские рукописи 1844 года», «Буржуазия и контрреволюция», «Наемный труд и капитал», «Капитал» и др.). Вопрос об отношениях труда и капитала понимался в статьях Н.Г. Чернышевского («Капитал и труд» (1860)), Д.И. Писарева («Очерки по истории труда» (1863)), а их сочинения входили в круг чтения Абрамова 1873–1877 гг. [1. Л. 8, 168 об.]. То, что проблема «преимущества капитала над трудом» стала предметом рефлексии Абрамова, свидетельствует о его попытках понять саму

суть так называемой открытой экономики. По словам современного исследователя, «под “открытой экономикой” подразумевается <...> свобода движения капиталов. Мерой свободы экономики является снятие с капитала любых ограничений, в первую очередь связанных с ограничением эксплуатации труда и защитой прав человека. <...> Провозглашая преимущество капитала над трудом, теоретики “открытой экономики” занимают принципиально антигуманистическую... позицию, подчеркивая тем самым, что вещь ценнее личности» [13. С. 41]. Уже будучи известным писателем и теоретиком реформаторского народничества, Абрамов занимал принципиально гуманистическую позицию в критике «открытой экономики», капиталистической эксплуатации рабочих и крестьян и в защите прав «униженных и оскорбленных» («Из фабрично-заводского мира», «Хлудовщина: очерк», «Босая команда», «Забывтое сословие», «Богатый край и бедная жизнь» и многие другие статьи, опубликованные в «Отечественных записках», «Неделе», «Сыне отечества» и других периодических изданиях (см.: [14])). В получившем широкую известность рассказе Абрамова «Гамлеты – пара на грош» (1882) главный герой, потрясенный «картинами народных страданий, бедствий, несчастий», резко протестует против «системы» «последовательных марксистов», пытавшихся доказать, что «всякое общество должно пройти через период господства капитала и что капиталистический строй носит в самом себе и причины своего разрушения, и задатки нового лучшего строя». Теоретиков, рассчитывавших на «приведение человечества в состояние пролетариата», «в скопище бездомных, нищих, пролетариев, работающих на кучку счастливых», для того чтобы они «поняли, где причины зла» и осознали «необходимость переустройства жизни на новых началах... Маркс», по словам абрамовского героя, «трижды проклял бы» [15. С. 68, 72, 77].

Сосредоточиваясь на сути отношений между трудом и капиталом, в свою тетрадь Абрамов-гимназист вписывает пространный тезис, подписанный именем немецкого философа и экономиста, социал-демократа Ф. Лассаля, который в лекции «Программа работников» (1862–1863) и в комментариях к ней разоблачал «религию своекорыстия» у высших сословий и констатировал «горькое и бедственное материальное положение рабочих классов» [16. Т. 1. С. 29, 67]: «Рабочий, вечно трудящийся на заводах или фабриках; мужик, вечно ра-

ботающий на поле или дома; одиночный мастер или подмастерье, вечно тянущие лямку за ничтожную плату; писарь, вечно пишущий за малое вознаграждение, – вот, кто образует полезную часть общества и в то же время самую несчастную, лишенную не только наслаждений, но даже необходимого! Фабрикант, заглядывающий дважды в год на фабрику и получающий за то тысячи годового дохода; купец, скупающий у мужика за ничтожную плату сельские произведения и получающий от этой торговли громадные барыши; мастер, нанимающий множество мастеров и подмастерьев и один забирающий всю выгоду от их работы; чиновник, смотрящий за работой писарей и получающий за эту ничтожную работу громадное жалованье, – вот кто составляет вредную часть общества, пожирающую полезные произведения земли, и самую счастливую» [1. Л. 179]¹. Художественной иллюстрацией «деятельности» таких представителей «вредной части общества» – «коммерсантов», фабрикантов, мастеров и т.д. – станут произведения «В степи», «Бабушка-генеральша», «Хлудовщина», «Мещанский мыслитель» и другие, написанные Абрамовым в начале 1880-х гг.

В «Программе работников» Лассаль провозглашал «идею рабочего сословия» господствующим принципом общества», а «цель государства» усматривал в «развитии и неустанном совершенствовании» человека, в развитии «культуры, в которой человеческий род способен», в обеспечении «воспитания и развития человечества в направлении к свободе» [16. Т. 1. С. 25, 32]. Сочинения Лассаля в России начали активно издавать уже после 1905 г., но уже широкую известность получило двухтомное издание его сочинений 1870 г. [16], которое в 1872 г.

---

¹ Сходные суждения о «полезных» и «вредных» представителях разных сословий общества можно обнаружить уже в сочинении немецкого философа-утописта, одного из первых деятелей рабочего движения Вильгельма Вейтлинга «Гарантии гармонии и свободы» (1842), впервые переведенном на русский язык в 1962 г. (см.: *Вейтлинг В. Гарантии гармонии и свободы. Человечество, как оно есть и каким оно должно было бы быть* / пер. с нем. В.В. и М.М. Альтман. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1962). Ш. Фурье к «вредным», «социальным непроизводительным элементам» общества относил военных, чиновников, служащих, сборщиков податей, торговцев (когда торговля в капиталистическом обществе «из подчиненного хозяйственного элемента по отношению к производству и потреблению... становится элементом господствующим»), людей *comme il faut*, «жадных собственников», членов деклассированных сообществ и т.д. [3. Р. 143, 144].

было запрещено цензурой, а против издателя Н.П. Полякова было «возбуждено судебное преследование». По мнению цензоров, оба тома сочинений Ф. Лассалья были «крайне вредными, как по общему направлению, содержащему в себе подробное изложение теории социал-демократической революции в существующем порядке государственного и общественного строя, так и по отдельным, заключающим в означенных сочинениях суждениям касательно христианской веры, монархической власти и основ начал собственности» [17. С. 72–73]. Две тысячи экземпляров первого тома сочинений Лассалья были распроданы, а тираж второго тома полностью уничтожен. Интерес к такому автору и его работам уже сам по себе характеризует идейную направленность в формировании мировоззрения Абрамова – будущего «властителя дум» целого поколения деятелей второго этапа «хождения в народ».

В приобщении к знанию через книгу будущий просветитель усматривал способ и форму преобразования социальной системы, а также обеспечение человеку реальной возможности «выбраться на прямую дорогу», если «жизненный туман» заводит его на «ложный» путь [1. Л. 179 об.]. В одной из дневниковых записей Абрамов пытался обосновать необходимость действенного преодоления всякого рода препятствий во имя осуществления человеком своих высоких жизненных стремлений и выполнения своего предназначения: «Старается человек свернуть с [ложной] дороги и попасть на истинную. Но как трудно бывает это! <...> Счастье ему, если он выберется на прямую дорогу» [Там же. Л. 180].

Широкий круг чтения Абрамова способствовал тому, чтобы основные способы отношения человека к миру, к бытию – созерцание и действие, сущностно определяющие онтологию человеческой жизни, – стали реальным выражением и воплощением его гражданского темперамента и социального активизма. Характер целеполагания, суть духовных и общественных потребностей, тип жизнедеятельности Абрамова наглядно иллюстрируют основополагающий тезис философской антропологии: «Наличие сознания и действия есть фундаментальная характеристика человеческого способа существования в мире» [18. С. 83]. В юношеских дневниках писателя-мыслителя выражалась тревога за судьбы «даровитой части молодого поколения», лишенной в условиях обветшалых традиций и схоластического зна-

ния возможностей для созидательной, творческой, общепольной деятельности: «Общество кричит, что мы не хотим работать. Общество лжет. Общество, твоя наука мертвит, твоя деятельность губит нас. Мы люди живые, мы не можем заниматься твоею наукою, не можем удовлетворяться твоею деятельностью» [1. Л. 180 об.]. В дальнейшем Я.В. Абрамов – «первый народнический идеолог, призвавший интеллигенцию к новому, деполитизированному “хождению” интеллигенции в народ» [19. С. 79], – воплотит в своей публицистике гражданский идеал «среднего типа человека» [20. Стб. 1412], «образованного, трудолюбивого работника» [21. С. 87], и будет обращаться к демократически настроенной, трудовой интеллигенции с призывом «работать в народе» в тех условиях, когда уже стало очевидным, что Россия встала на путь капиталистического развития. Именно в этих условиях теоретики русского народничества искали пути безболезненного перехода всей страны к более совершенному и гуманному общественному строю.

Таким образом, из вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. Интенсивность социально-философских, нравственных, творческих исканий Абрамова времени его обучения в гимназии и духовной семинарии – яркий пролог к масштабной общественно-литературной деятельности великого просветителя России.

2. На сочинения Фурье, Луи Блана и Лассалья можно указать как на теоретические источники формирования философии социального эволюционизма Абрамова, его программы «постепеновства снизу», в чем народнический теоретик усматривал реальный путь мирного построения социализма в России. Важно подчеркнуть, что основоположник европейского социализма Лассаль вслед за Фурье рассматривал два возможных пути осуществления революции, когда «существующее положение заменяется совершенно новым принципом, все равно, путем ли силы или нет – средства тут ничего не значат. <...> Реформа может совершиться путем восстания и кровопролития, а революция среди глубочайшего мира» [16. С. 73]. Луи Блан также писал о том, что «революцию возможно и даже легко провести мирно» [22. С. 187], за что критиковался марксистскими теоретиками. В будущем Абрамов станет одним из тех авторитетных народнических идеологов, которые отстаивали идею «движения, основанного на действи-

тельно новом принципе» – на диалектике «малых и больших дел» (С.Н. Кривенко, В.П. Воронцов и др.). Он будет доказывать историческую продуктивность мирного «движения нашего народа вперед» средствами развития просвещения, культуры, «работы для удовлетворения реальнейших нужд... народа» во имя радикального преобразования социума и «обращения человека в более высокий тип» [6. С. 215, 217, 219].

3. Широкий круг чтения Абрамова способствовал его укреплению на позициях демократического просветительства [23], обеспечивал объективность в анализе основ капитализма, отношений труда и капитала, давал материал для обоснования им роли интеллигенции в развитии исторического творчества народа, направленного на создание новых форм общественных отношений. Эти процессы фиксировались в его публицистических работах, написанных спустя всего три-четыре года после выхода из Кавказской духовной семинарии [24].

В сохранившихся тетрадях, дневниках, письмах Абрамова второй половины 1870-х гг. зафиксирован высокий уровень социально-философской рефлексии будущего народнического теоретика, писателя, просветителя, благодаря деятельности которого идея воплощения в жизнь диалектики «малых» и «великих» дел [6. С. 105–130] осталась в памяти поколений не только как феномен интеллектуальной российской истории, но и как опыт реальной «работы в народе».

Литература

1. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 91. Оп. 1. Д. 1964, связка 103. 230 л.
2. *Монтескье Ш.Л.* О духе законов. М. : Мысль, 1999. 674 с.
3. *Fourier Ch.* Des modifications à introduire dans l'architecture des villes. Paris, 1849. 39 p.
4. *Туган-Барановский М.И.* Утописты // Очерки из новейшей истории политической экономии. СПб. : Тип. Н.Н. Скороходова, 1903. С. 91–158.
5. *Энгельс Ф.* Развитие социализма от утопии к науке // Меринг Франц. От утопии к науке. Ростов-на-Дону ; Краснодар : Буревестник, 1924. С. XX–XLIX.
6. *Абрамов Я.* Малые и великие дела // Книжки Недели: Ежемесячный литературный журнал. 1896. № 7 [Июль]. СПб. : Тип. М. Маркушева. С. 214–227.
7. *Герцен А.И.* Собр. соч. : в 30 т. М. : Изд-во АН СССР, 1954. Т. 2. 516 с.
8. *Зильберфарб И.И.* Творческий путь Шарля Фурье // Французский ежегодник. 1958. М. : Изд-во АН СССР, 1959. С. 295–334.

9. Михайловский Н.К. Философия истории Луи Блана. По поводу книги Л. Блана «История Великой Французской революции. В 12 томах» // Отечественные записки. 1871. № 8. С. 202–238; 1871. № 9. С. 34–62.
10. История политических и правовых учений / под общ. ред. О.В. Мартышина. М. : Проспект, 2016. 800 с.
11. Сюдр А. История коммунизма : пер. с фр. СПб. : Тип. Н. Неклюдова, 1870. 488 с.
12. Белинский В.Г. Собр. соч. : в 9 т. М. : Худ. лит., 1982. Т. 9. 863 с.
13. Кагарлицкий Б.Ю. Политология революции. М. : Алгоритм, 2007. 573 с.
14. Абрамов Яков Васильевич: Библиографический указатель (1880–2017 гг.) / сост., предисл. и вспомогат. указатели Г.Н. Мокшина. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2017. 212 с.
15. Абрамов Я. Гамлеты – пара на грош. (Из записок лежебока) // Устой. 1882. № 12. С. 53–79.
16. Лассаль Ф. Сочинения : в 2 т. / пер. В. Зайцева. СПб. : Н.П. Поляков, 1870. Т. 1. 475 с.; Т. 2. 498 с.
17. Добровольский Л.М. Запрещенная книга в России. 1825–1904. М. : Изд-во Всесоюз. книж. палаты, 1962. 256 с.
18. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. СПб. : Питер, 2012. 224 с.
19. Мокшин Г.Н. Реформаторское народничество в трудах В.В. Зверева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2017. № 2. С. 78–83.
20. [Абрамов Я.В.] Стоит ли работать в деревне? // Неделя. 1885. № 41. Стлб. 1409–1412.
21. Зверев В.В. Эволюция народничества: «теория малых дел» // Отечественная история. 1997. № 4. С. 86–94.
22. Блан Л. Критика конкуренции и принципы организации труда. (Отрывок из «Organisation du travail») // Экономическая система социализма в ее развитии: Вып. 5: Мелкобуржуазная экономия и мелкобуржуазный социализм: Сисмонди. Луи Блан. Прудон. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1926. С. 165–187.
23. Головкин В.М. Традиции демократического просветительства в теории социокультурного эволюционизма Я.В. Абрамова // Народники в истории России : Межвуз. сб. науч. тр. Воронеж : Изд. дом ВГУ, 2016. Вып. 2. С. 194–213.
24. [Абрамов Я.В.] Программа вопросов для собирания сведений о русском сектанстве // Отечественные записки. 1881. № 4. Отд. 2. С. 255–280; № 5. Отд. 2. С. 123–162.

Books in the History of the Ideological and Creative Self-Determination of the Russian Enlightener Yakov Abramov (Based on Archival Research). Article 2. Social and Philosophical Ideas of European Enlighteners and Socialists in the Reading Reception of Yakov Abramov in the Mid-1870s

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2020, 23, pp. 100–114

DOI: 10.17223/23062061/23/6

Vyacheslav M. Golovko, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation). E-mail: vmgolovko@mail.ru

Keywords: Yakov V. Abramov, legal populism, formation of ideologist, book, reading circle, enlightenment, “small” and “great” deeds.

Yakov V. Abramov, a theorist and practitioner of the culturalist trend, held a special position in the camp of the reformist populism of the 1880s–1890s. He argued the idea of developing “small deeds” into “great deeds” and justified the need to enlighten people’s consciousness and to change the principle of modern society’s existence peacefully yet fundamentally. Defining his own self-actualisation strategy in socially beneficial activities, he purposefully formed his own circle of reading which reflects the breadth of his interests and represents his integrated approach to the development of scientific knowledge. The materials of archival research show that Abramov actualised the social and educational functions of literature, relating the progressive development of Russia to people’s exposure to education and culture, back in the period of the formation of his ideology and democratic positions. Abramov developed his worldview learning the ideas of European Enlightenment and the theories of utopian socialism. Extracts from the writings of Montesquieu, Charles Fourier, Ferdinand Lassalle, and Louis Blanc testify to the social orientation of the spiritual and moral quests of the future populist ideologist and his critical attitude to the existing social system. While appreciating Montesquieu’s *On the Spirit of the Laws* as a product of intellectual activity, Abramov emphasised that not all Montesquieu’s ideas responded to the challenges of the new time and gave a clear preference to the works of modern European socialists. In the writings of Fourier, Lassalle, and Blanc, he found thoughts and ideas consonant with his thoughts about the domination of one class over the others established in the world, about the plight of the working masses not only in Russia, but also in other countries of the world. The problem of the “advantages of capital over labour”, the anti-human essence of the “open economy” and the laws of capitalist exploitation became objects of Abramov’s social analysis. In the writings of the utopian socialists, who argued for peaceful revolutions, one can see the genesis of Abramov’s philosophy of social evolutionism that proved the historical productivity of the peaceful “people’s movement forward” by means of developing education, culture, and economy in the name of a radical transformation of society and bringing humans to a higher level. Abramov’s surviving notebooks and diaries of the second half of the 1870s record a high level of sociophilosophical reflection, which largely determined the interpretation of the dialectic of “small and great deeds”, the practice of his real “work among the people”.

References

1. The State Archives of the Stavropol Territory (GASK). Fund 91. List 1. File 1964, 103. 230 l.
2. Montesquieu, S.L. (1999) *O dukhe zakonov* [The Spirit of the Laws]. Translated from French. Moscow: Mysl'.
3. Fourier, Ch. (1849) *Des modifications à introduire dans l'architecture des villes*. Paris: A La Librairie Phalanstérienne.
4. Tugan-Baranovsky, M.I. (1903) *Ocherki iz noveyshey istorii politicheskoy ekonomii* [Essays from the Modern History of Political Economy]. St. Petersburg: N.N. Skorokhodov. pp. 91–158.
5. Engels, F. (1924) Razvitie sotsializma ot utopii k nauke [Development of socialism from utopia to science]. In: Mering, F. *Ot utopii k nauke* [From Utopia to Science]. Rostov-on-Don; Krasnodar: Burevestnik. pp. XX–XLIX.
6. Abramov, Ya. (1896) *Malye i velikiye dela* [Small and great affairs]. *Knizhki Nedeli: Ezhemesyachnyy literaturnyy zhurnal*. 7. pp. 214–227.
7. Herzen, A.I. (1954) *Sobroanie sochnineniy: v 30 t.* [Collected Works: in 30 volumes]. Vol. 2. Moscow: USSR AS.
8. Zilberfarb, I.I. (1959) *Tvorcheskiy put' Sharlya Fur'e* [Charles Fourier's creative way]. In: Volgin, V.P. (ed.) *Frantsuzskiy ezhegodnik. 1958* [French Yearbook. 1958]. Moscow: USSR AS. pp. 295–334.
9. Mikhaylovsky, N.K. (1871) *Filosofiya istorii Lui Blana. Po povodu knigi L. Blana "Istoriya Velikoy Frantsuzskoy revolyutsii. V 12 tomakh"* [Philosophy of History by Louis Blanc. Regarding L. Blanc's "History of the Great French Revolution. In 12 volumes"]. *Otechestvennye zapiski*. 8. pp. 202–238;
10. Martyshin, O.V. (ed.) (2016) *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy* [History of Political and Legal Doctrines]. Moscow: Prospekt.
11. Sudre, A. (1870) *Istoriya kommunizma* [History of Communism]. Translated from French. St. Petersburg: N. Neklyudov.
12. Belinsky, V.G. (1982) *Sobranie sochnineniy: in 9 t.* [Collected Works: in 9 volumes]. Vol. 9. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
13. Kagarlitsky, B.Yu. (2007) *Politologiya revolyutsii* [Political Science of the Revolution]. Moscow: Algoritm.
14. Mokshin, G.N. (2017) *Abramov Yakov Vasil'evich: Biobibliograficheskiy ukazatel' (1880–2017 gg.)* [Abramov Yakov Vasilievich: Biobibliographic index (1880–2017)]. Voronezh: Voronezh State University.
15. Abramov, Ya. (1882) *Gamlety – para na grosh. (Iz zapisok lezheboka)* [Hamlets – a couple for a penny. (From the notes of a lazy man)]. *Ustoi*. 12. pp. 53–79.
16. Lassalle, F. (1870) *Sochneniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Translated from French by V. Zaytsev. St. Petersburg: N.P. Polyakov.
17. Dobrovolsky, L.M. (1962) *Zapreshchennaya kniga v Rossii. 1825–1904* [The banned books in Russia. 1825–1904]. Moscow: Izd-vo Vsesoyuznoy knizhnoy palaty.

18. Rubinstein, S.L. (2012) *Chelovek i mir* [Human and the World]. St. Petersburg: Piter.
19. Mokshin, G.N. (2017) Reformist populism in the works by V.V. Zverev (to the 60th anniversary of the birthday of the scientist). *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*. 2. pp. 78–83. (In Russian).
20. [Abramov, Ya.V.] (1885) *Stoit li rabotat' v derevne?* [Is it worth working in the countryside?]. *Nedelya*. 41. Col. 1409–1412.
21. Zverev, V.V. (1997) *Evolyutsiya narodnichestva: "teoriya malykh del"* [Evolution of Narodnichestvo: modest causes theory]. *Otechestvennaya istoriya*. 4. pp. 86–94.
22. Blanc, L. (1926) *Kritika konkurentsii i printsipy organizatsii truda*. (Otryvok iz "Organisation du travail") [Criticism of competition and principles of labour organisation. (Excerpt from "Organization du travail")]. In: Udaltsov, I.D. (ed.) *Ekonomicheskaya sistema sotsializma v ee razviti* [The Economic System of Socialism in Its Development]. Issue 5. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo. pp. 165–187.
23. Golovko, V.M. (2016) *Traditsii demokraticeskogo prosvetitel'stva v teorii sotsiokul'turnogo evolyutsionizma Ya.V. Abramova* [Democratic Enlightenment traditions in Ya.V. Abramov's theory of socio-cultural evolutionism]. In: Mokshin, G.N. (ed.) *Narodniki v istorii Rossii* [Narodniks in Russian History]. Issue 2. Voronezh: Voronezh State University. pp. 194–213.
24. [Abramov, Ya. V.] (1881) *Programma voprosov dlya sobiraniya svedeniy o russkom sektantstve* [Questions for collecting information about Russian sectarianism]. *Otechestvennye zapiski*. 4. pp. 255–280.

ВОПРОСЫ КНИГОИЗДАНИЯ

УДК 82-1/-9::087.6

DOI: 10.17223/23062061/23/7

Ю.В. Булдакова, Д.А. Шишкин

КОМИКС В РОССИИ: ТРАНСМЕДИЙНЫЙ НАРРАТИВ И ИЗДАТЕЛЬСКИЕ СТРАТЕГИИ¹

***Аннотация.** Статья посвящена изучению влияния на издательские стратегии понимания жанровой и стилевой специфики комикса. Ключевыми в этом процессе будут признаки массовой культуры, а также трансмедийность нарратива комикса. Выявлено, что представления издателей (как правило, специализированных) о сущности комикса как явления культуры влияют на понимание ими возможности расширения репертуара, поиска новых авторов, развития читательских вкусов.*

Ключевые слова: комикс, жанр, трансмедийный нарратив, мультимедийность, книжный рынок, чтение.

Массовая культура создает жанрово-стилевые явления, обладающие, с одной стороны, иллюзией упрощенного понимания, а с другой – сложной эстетической природой. Таковы, например, распространение блога как новой формы дневника и публицистики; растущая популярность художественного нарратива в произведениях фанфикшн; проникновение в книгоиздательскую практику и СМИ визуальной стилистики комиксов; освоение в комиксе тем, проблем и эстетики современности. Поэтому изучение как специфики жанра, стиля, дискурса этих явлений, так и закономерностей восприятия читателем (зрителем, потребителем) в форме коммерциализации, заимствования издательствами и медиа не теряет научной актуальности.

Исследование блогов, творчества фанатов, вторичной литературы, комиксов все более масштабно и отходит от практики описания, реги-

---

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ 19-18-00530 «Комическое как коммуникативный ресурс в цифровой новостной среде».

страции существующих явлений (что, безусловно, важно для выстраивания истории этих феноменов).

Именно комикс нам видится жанрово-стилевым феноменом, отражающим тенденции массовой культуры рубежа XX–XXI вв.: вторичность сюжета и жанра (графический роман, разнообразные адаптации-пересказы), амбивалентность эстетики (игровое и серьезное; профанное, дилетантское и профессиональное), сложную художественную природу текста (креолизация, поликодовость, кентавризм, трансмедийность) и одновременно принципиальную установку на коммерческую успешность и облегченное потребление / восприятие.

В статье описаны и проанализированы жанрово-стилевые признаки комикса как трансмедийного явления массовой культуры, которые дают основание для оценки принципов и тенденций присутствия комикса на отечественном книжном рынке, в частности – пути формирования издательского репертуара.

Комикс глубоко изучается в рамках различных научных направлений. В зарубежной и отечественной науке рассматриваются социокультурные причины возникновения жанра комикса, его форм, сюжетно-стилевых формул. Классическим и базовым в культурологической и философской интерпретации комикса стало эссе У. Эко «Миф о Супермене» (1962 г.), посвященное образу супергероя [1]. Изучение комиксов активизируется в 1980–1990-е гг., отмечена их связь с массовой медиа и киноискусством, выраженная в формальном принципе сериальности / секвенциональности (У. Айснер «Комикс и секвенциальное искусство», 1985 [2]). Попытки типологизировать комикс как вид популярного искусства относят его к «последовательному искусству» (С. Макклауд «Понимание комикса», 1993, «Вновь изобретаем комикс», 2000 [3]). Литературно-критическая оценка комикса появляется в отечественной науке с конца 1990-х гг. (В.В. Ерофеев, эссе «Комикс и комиксовая болезнь», 1995) [4], в дальнейшем также формируются исторический и аналитический подходы к изучению жанра, описание отечественного опыта комикса (сб. статей «Русский комикс», 2010) [5].

Современные исследования проводятся в сравнительно-историческом и типологическом аспектах. Так, глубоко проанализирована жанровая и стилевая специфика комиксов в исторической перспективе [6–9]. Установлены связи комикса с искусствами, появив-

шимися через синтез уже существующих видов искусств [10. С. 40], а также секвенциональными (рисунки-кадры последовательно выстроены на странице) [3] и другими визуальными искусствами. Делаются попытки установить тенденции перехода комикса из печатных СМИ в отдельный вид издания, а затем (и параллельно) в киноискусство [7].

Изучение поэтики комикса [4. С. 430–447; 6; 7; 10. С. 40–44; 11] выявило ключевые черты жанра: драматизация, преобладание визуального компонента и секвенциональность; взаимоотношения вербального и визуального в комиксе специфичны [4. С. 433; 10. С. 40–44] и определяются прагматикой и бытованием жанра в массовой культуре [3, 12–14]. Как жанр массовой культуры комикс исследуется в контексте понятий трансмедийности (Г. Дженкинс и др.) и трансфера (М. Эспань, М. Вернер, М.В. Загидуллина, И.В. Троцук, А.М. Карпова). Методологический потенциал изучения трансмедийного нарратива (сторителлинга) и трансфера в отношении комикса связан с выявлением системного переноса признаков и функций визуальных искусств и эстетических практик в вербальный текст. В отношении явлений массовой культуры понятие «маргинальность» (жанровая, жанрово-стилевая) отражает тенденцию к размыванию, взаимопроникновению, динамике границ жанрово-стилевой системы, что приводит к появлению новых жанров, эстетических дискурсов (например, стимпанк), специфичных форм нарратива и влияет на бытование комикса в повседневной культуре и издательские стратегии.

Общая тенденция современного изучения комикса (помимо анализа конкретных образцов жанра) – отражение эстетики визуального в художественной структуре и в тексте комикса [10, 15], что является основой включения жанра в состав массовой литературы, когда «образцы элитарной культуры воспроизводятся в массовом масштабе, а “низовые” элементы воплощаются в феноменах элитарной культуры, что приводит к стиранию границ между ними» [16]. Своеобразие поэтики комикса заключается в средствах трансмедийности (взаимодополнение и смысловая взаимосвязь нескольких различных каналов коммуникации – книги, кино, телевидения, игры, плакатного искусства, как в издательских стратегиях, так и на уровне текста произведения), которые организуют драматический нарратив и визуальный сюжет как равноправные художественные пространства.

Комикс как жанр массовой культуры

Эти факторы способствуют распространению характерного для комикса «визуально-словесного нарратива» [14] в цифровом и сетевом культурном пространстве, где жанр приобретает новые эстетические и социокультурные функции, комикс становится способом воздействия на массовую аудиторию (эта практика сопоставима с успешным опытом отечественной пропаганды в 1920–1930-е гг., например, в деятельности РОСТА). Тяготение массовой литературы к развлекательности и занимательности влияет на поведение читателей и издательские стратегии, выдвигая на первый план жанры любовного романа, детектива, альтернативной истории, авантюрно-приключенческого романа, фэнтези. Доминирующие жанры массовой литературы задают ориентиры развития сюжетов других медиа, в частности кино и компьютерных игр, сетевой литературы, телевидения. В этом случае автор и издатель опираются на понятные массовому читателю образы и нарративные стратегии, когда акцент ставится либо на вербальном сюжете, либо на визуальном образе.

Оказывают влияние на жанрово-стилевые черты комикса и особенности мультимедийного информационного пространства, построенного на повторении и конвергенции: сиквелы, переработки, ремейки становятся все более привычными [17]. Тяготение массового сознания к привычному, повторяемому рождает недоверие к новому (сюжетам, героям, повествовательным техникам, стилистике). Стремление тиражировать узнаваемые и привычные сюжеты, востребованные читателями, побуждает крупные издательства опираться на комиксы-ремейки, комиксы-адаптации, комиксы-продолжения. Идет экстенсивное развитие «вглубь и вширь» уже знакомого успешного сюжета, характера, эстетического дискурса. Так, только альтернативных версий «Человека-паука» («Marvel») насчитывается более двадцати.

Издательства, с одной стороны, не заинтересованы расширять сюжетно-тематический репертуар комикса, но с другой – стремятся обновить и углубить читательский опыт за счет появления национальных образцов жанра, открытие новых имен авторов. Это приводит к нелинейному развитию как книгоиздательской и книготорговой практики в сфере комикс-индустрии, так и жанра. Динамика тематическо-

го ассортимента происходит в основном за счет различных видов ремейков, в том числе сюжетных (сюжетно-стилевых, когда меняется эстетика нарратива) вариантов известной истории. По словам А. Кунина, директора комикс-центра Российской государственной библиотеки для молодежи, сейчас формируется читательский интерес к авторским комиксам (и отечественным, и зарубежным), появляются пародийные комиксы, графические автобиографии и комиксы-адаптации книг [18]. Таким образом, рождаются новые авторские комиксы, опирающиеся на национальный опыт; возникают образцы комиксов, не ориентированных на массового читателя или коммерческий успех, т.е. складывается своеобразная стилистика комикса, в которой могут быть созданы произведения разных жанров (биографическая повесть, мемуары, притча и др.) и эстетических направлений.

Между тем массовая издательская практика основана на публикации комиксов преимущественно по известным западным лицензиям, которые крайне популярны у потенциального потребителя («Marvel Comics», публикуемые издательством «Комильфо», «DC Comics» издательства «Азбука-Аттикус», серия «Звездные войны» издательство «АСТ»). В этом случае интерес покупателя ожидаем даже без масштабной рекламной кампании, поэтому понятна готовность издательств к большим тиражам: к примеру, не имеющий масштабной медиа-поддержки комикс «Рик и Морти. Нужно больше приключений» (2018, издательство «Комильфо», 23 тыс. экз.) становится успешнее книги предпринимателя О. Тинькова «Революция. Как построить крупнейший онлайн-банк в мире» (2018, издательство «Эксмо», 11 тыс. экз.).

Внимание крупных отечественных книжных издательств к уже популярным комиксам однобоко: крайне редок перевод и издание манга и ранобэ. Лучшие лицензии этих видов комикса, т.е. стабильно востребованные читателем сюжеты и герои, покупают специализированные издательства «Истари Комикс», «XL Media» и т.д.; азиатская – японская и корейская – индустрия комиксов регулярно производит все новые бестселлеры, но отечественные издатели с осторожностью подходят к выбору авторов и переводных комиксов.

Вне зависимости от масштаба, в нише комиксов (европейских, англо-американских, азиатских) издательства сталкиваются с общими проблемами [19]: изменение читательских представлений о «классике жанра», так как комикс развивается по законам массовой культуры,

классические тексты быстро устаревают и теряют читателей-фанатов, им предлагают все новые произведения – издательствам сложно поддерживать интерес к сериям комиксов; технологические сложности перевода и полиграфической адаптации макетов (шрифты, леттеринг, верстка), что приводит к удорожанию издания; необходимость искать новые способы продвижения комиксов в книжных магазинах, популяризировать жанр, развивать читательский вкус, в частности к немассовым, отечественным комиксам. Недоверие издателей объяснимо: в современной ситуации сложно заработать на оригинальном российском комиксе, поскольку востребован узнаваемый успешный продукт, поддержанный разными медиа – кино, блогерами, СМИ. Коммерчески успешных исключений единицы: графический роман А. Акишина и К. Кутузова «Омон Ра» по роману В. Пелевина (издательство «Комильфо», 2018 г.).

Издательства не спешат внедрять свои инновации, в частности разработку, помимо бумажной версии комикса, цифровой. И зарубежный издательский опыт показывает, что принципиального влияния электронные версии на рынок не оказывают: например, в Японии только 15–20% комиксов издаются в цифровом виде [20], при этом принципиальных изменений в верстке пока нет (лишь единичные дорогостоящие примеры). В сфере полиграфических экспериментов лидеры на рынке комиксов в большей степени ориентируются на традиции выпуска подарочных книжных изданий: это полноцветная печать на бумаге высокого качества, нестандартного или укрупненного формата, в твердой обложке, сериальные и многотомные, собственно подарочные версии и т.д. Особенно в этом преуспели комиксы издательства «Манн, Иванов и Фербер», выпускающего автобиографии в стиле комикса, авторские комиксы, в том числе научно-популярные. Более того, читатель, вероятно, выберет качественный вариант продукции. Примером тому может послужить коммерческая успешность издания серии комиксов о Скотте Пилигриме в полноцветной версии и в твердой обложке от «Комильфо», в отличие от черно-белого покетбука о том же герое, изданного «ОЛМА Медиа Групп».

Трансмедийный нарратив в комиксе

Помимо внешних по отношению к тексту качеств массовой культуры, которые определяют издательские стратегии по созданию и

продвижению комикса на книжном рынке, очевидно более сложное влияние художественных закономерностей массовой литературы. Современная художественная коммуникация изменяется под воздействием общей тенденции к визуализации культурного процесса и соответственно изменившихся принципов восприятия действительности [21. С. 45]. Эстетический канон массовой литературы в комиксе выражается в визуальном, иконическом коде понимания вербализованного драматического сюжета. Взаимодополнение вербального текста иконическим (креолизованный текст) создает сложное смысловое и семиотическое единство, в построении и восприятии которого «задействованы средства разных семиотических кодов» [10. С. 40–44], и визуальная эстетика не менее важна для понимания авторского замысла.

Креолизованный текст формирует и специфические пути чтения – как одновременного восприятия иконического и вербального, так и последовательного, причем порядок восприятия определяется доминирующим кодом. Яркое, крупное изображение или нестандартный, укрупненный шрифт привлекают больше внимания и воспринимаются в первую очередь; в этой ситуации как текст, так и изображение интуитивно угадываются, домысливаются читателем. В дополнение к указанным Н.В. Самутиной практикам быстрого, вовлеченного и эмоционального чтения [22], которые формирует массовая культура, бытование комикса указывает на развитие новых типов чтения (разнонаправленного, дискретного) прежде всего в юношеской и молодежной аудитории. Бытование, прагматика, читательское восприятие комикса, в том числе его востребованность в массовой повседневной культуре, опираются на отражение трансмедийности в стилистике и понимании его маргинальной жанровой природы. Об этом говорят и сами авторы комиксов, и некоторые издатели (Д. Яковлев) [23].

Представление о взаимосвязи вербального и невербального сюжета, комплексное влияние на стилистику произведения различных видов визуальных искусств становится одним из критериев оценки комикса специализированными издательствами, позволяя более широко смотреть на формирование книжного ассортимента.

Выбор сюжетов, героев, повествовательной стратегии в комиксе и их востребованность и восприятие читателями определяются тенденциями развития и закономерностями массовой культуры. Особенно

это касается периодических изданий и книжных / журнальных сериалов, когда у авторов есть возможность подумать, как развивать отдельно взятую историю в зависимости от реакции фанатов. Например, ценности феминизма и политкорректность в США стали причиной замены супергероя Тони Старка (создан в 1963 г.) на темнокожую девушку Рири Уильямс в рамках серии комиксов «Invincible Iron Man». Поклонники обновленного «Железного человека» раскритиковали образ Уильямс, назвав его карикатурным и стереотипным темнокожим подростком [24]. В ответ на это авторам комиксов пришлось около года развивать характер героини в серии «Ironheart» (2018) [25].

Как трансмедийный вербально-визуальный нарратив текст комикса основывается на нескольких художественных приемах:

- нелинейная фабула (выраженная в покадровом построении сюжета);
- акцентирование паралингвистических элементов текста;
- варьирование размера кадра и оформления филактера;
- жанровая и стилистическая интертекстуальность и псевдодокументализм – в виде аллюзий на кинематограф, анимацию, досуговую периодику в шрифте и композиции кадра, стилистики фотографии, газетной публикации [15].

Эти характеристики комикса, как и выбор стратегий издания и распространения, выбор между оригинальным и переводным, корпус авторов и сюжетов определяются запросами потребителя, которые, как отмечено, меняются и качественно и количественно. Однако понимание жанрово-стилевых признаков комикса, развитие жанра, выраженное в освоении авторами различной эстетики и принципов трансмедийного нарратива, приводит и к изменениям в издательской и книготорговой политике. Комикс занимает все более уверенное положение в отечественной системе книгоиздания и торговли.

Комикс на отечественном книжном рынке

На сегодняшний день рынок комиксов в России оценивается в 500–700 млн рублей в год. Это достаточно хороший показатель для сегмента, которого еще около десяти лет назад в стране вовсе не было, считает Василий Кистяковский, владелец издательства «Jellyfish Jam» [18]. Данная оценка может совсем не удивить, а кого-то и вовсе

расстроить. Но стоит обратиться к статистике рынка комиксов во всем мире. Его примерно оценивают всего в 1 млрд долларов, поскольку любое полноценное исследование сложно, затратно и невыгодно никому из игроков этого рынка [20]. Исходя из статистических показателей Российской книжной палаты по выпуску печатных изданий за 9 месяцев 2018 г., в лидерах (и по тиражу, и по числу изданий) издательства «Эксмо», «АСТ», «Азбука-Аттикус» и «Манн, Иванов и Фербер» – самые продуктивные и успешные игроки на книжном рынке, которые теперь обосновались и в сегменте комиксов [26]. Проблемы развития отрасли издания и продажи комиксов очевидны: узкий круг тем и авторов, который популяризируют крупные издательства, малый объем рынка, политика крупных издательств по регулированию рынка комиксов. Несмотря на рост популярности и востребованности комиксов как издательской продукции, Леонид Шкурович, генеральный директор издательства «Азбуки-Аттикус», не склонен оптимистично оценивать рынок комиксов: «Он все еще “крошечный” по сравнению с остальным книжным в плане дохода» [27].

Важный недостаток для развития комикс-индустрии в России связан также с формированием отпускной цены на комиксы «Marvel» в издательстве «Комильфо» (холдинг «Эксмо-АСТ») для специализированных магазинов комиксов, которое негативно сказывается на рынке комиксов [27]. Например, популярный комикс «Классика Marvel. Железный Человек» в «Читай-городе» (по состоянию на ноябрь 2018 г.) стоит 689 рублей, а в независимом магазине комиксов «Чук и Гик» – 750 рублей. Летом 2018 г. разница в розничной цене некоторой продукции составляла даже более 15% [18].

Однако именно независимые специализированные издательства комиксов «Бумкнига», «Истари Комикс», «Jellyfish Jam» и фестивали «КомМиссия» и «Бумфест» берут на себя просветительскую миссию, поддерживают отечественных авторов и открывают новые имена талантливых авторов комиксов. Углубление представлений о трансмедийной жанровой специфике комикса приводит и крупные издательства к пониманию необходимости появления отечественных образцов жанра [28].

Выводы

Комикс является воплощением визуальной, сериальной и коммерческой массовой культуры. Он опирается на ценности и эстетику по-

пулярной литературы и популярных визуальных искусств и практик (кино, фотография, видеоигра). Мультимедийность их в комиксе переходит в трансмедийный нарратив; уточнение жанровой природы комикса выводит его за рамки устойчивых жанровых образований в системе культуры и позволяет называть его метажанром [10. С. 40–44], или маргинальным жанром. Вербально-визуальный трансмедийный нарратив предполагает не только деформацию привычной жанровой системы и выход за рамки известных жанров, т.е. жанровую маргинальность, но и популяризацию иных видов художественной коммуникации, когда «читатель должен задействовать иные механизмы коммуникации, нежели при чтении собственно вербального текста» [21. С. 39]. Речь идет о новом сформированном типе чтения, характерном не только для массовой, но и для трансмедийной культуры. Этот тип чтения также связан с ценностями фанатской гик-культуры и эмоциональной вовлеченностью в процесс потребления комикса, и он, как отмечают исследователи, в большей степени привлекает читателей, чем традиционное чтение [13, 29]. Запрос потребителя определяет развитие рынка комиксов, а использованные издателями маркетинговые тактики закрепляют эти читательские потребности. Поэтому одно из перспективных направлений в изучении не только комикса, но и массовой культуры в целом – это выявление закономерных взаимосвязей читательских и издательских практик.

Таким образом, новые явления жанрово-стилевой системы современной культуры все в большей степени влияют на читателя-потребителя культуры. Развиваются виды, способы и стратегии чтения, зависящие не только от ситуации чтения (общение фанатов, субкультуры), но и от сложной (трансмедийной, дискурсивной) эстетики текста, маргинальной жанрово-стилевой формы произведений литературы «цифрового века».

Литература

1. Эко У. Миф о Супермене // Роль читателя. Исследования по семиотике текста / пер. С. Серебряного. СПб.: Symposium, 2007. С. 71–81.
2. Eisner W. Comics and Sequential Art: Principles and Practices from the Legendary Cartoonist. N.Y.: W.W. Norton & Company, 2008. 192 p.
3. МакКлайд С. Понимание комикса. Невидимое искусство. М.: Белое яблоко, 2016. 216 с.

4. *Ерофеев В.В.* В лабиринте проклятых вопросов. М., 1996. 624 с.
5. *Русский комикс* : сб. ст. / сост. Ю. Александрова и А. Барзаха. М. : НЛЮ, 2010. 352 с.
6. *Tsyrkun N.* Film comics in Russia and their genesis // *Studies in russian and soviet cinema*. 2013. Vol. 7, is. 3. P. 295–310. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21906432> (дата обращения: 10.04.2019).
7. *Цыркун Н.А.* Супергерой комиксов и обратная сторона титанизма // *Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение*. 2014. № 14 (136). С. 191–199. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24097973> (дата обращения: 10.04.2019).
8. *Харитонов Е.* Девятое искусство // *Если*. 2005. № 1. С. 14. URL: <http://indbooks.in/mirror6.ru/?p=186135> (дата обращения: 10.04.2019).
9. *Тарачков И., Шехов С., Дворянкин А.* Экспертиза темы // *Если*. 2005. № 1. С. 15. URL: <http://indbooks.in/mirror6.ru/?p=186138> (дата обращения: 10.04.2019).
10. *Семьян Т.Ф., Юдин Л.А.* Поэтика комикса-адаптации «Мастер и Маргарита» Р.Б. Танаева: визуальное vs вербальное // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика*. 2014. Т. 11, №. 4. С. 40–44. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poetika-komiksa-adaptatsii-master-i-margarita-r-b-tanaeva-vizualnoe-vs-verbalnoe> (дата обращения: 10.04.2019).
11. *Козлов Е.В.* Комикс как явление лингвокультуры: знак – текст – миф. Волгоград : ВФ МУПК, 2002. 219 с.
12. *Костина А.В.* Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М. : Изд-во ЛКИ, 2011. 352 с.
13. *Berndt J.* Introduction: Manga Beyond Critique? // *Kritika kultura*. 2016. Is. 2. P. 166–178.
14. *Обухова О.* От перевода к оригиналу (к вопросу о массовой литературе) // *Toronto Slavic Quarterly*. 2004. № 10. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/10/obukhova10.shtml> (дата обращения: 10.04.2019).
15. *Мельничук О.А., Мельничук Т.А.* Стратегии художественного дискурса // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2013. № 1 (034). С. 125–135. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-hudozhestvennogo-diskursa> (дата обращения: 10.04.2019).
16. *Троцук И.В., Картова А.М.* Поп-культура как фактор социализации: возможности эмпирического анализа // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Социология. 2010. № 1. С. 96–107. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pop-kultura-kak-faktor-sotsializatsii-vozmozhnosti-empiricheskogo-analiza> (дата обращения: 10.04.2019).
17. *Manea D.* A Wolf's Eye View of London: Dracula, Penny Dreadful, and the Logic of Repetition // *Critical survey*. 2016. Vol. 28, is. 1. P. 40–50. DOI: 10.3167/cs.2016.280105
18. *Чемоданова К.* Комиксы Marvel подорожали для россиян. Издателя поглотил книжный гигант // *360 tv*. 30.05.2018. URL: <https://360tv.ru/news/tekst/expensive-marvel/> (дата обращения: 10.04.2019).

19. *Интервью* с Евгением Кольчугиным из «Истари Комикс» // Спайдермедиа. 10.02.2016. URL: <http://spidermedia.ru/comics/intervyu-s-evgeniem-kolchuginym-iz-istari-komiks> (дата обращения: 10.04.2019).
20. *Кистяковский В.* Деньги и комиксы. 2018. URL: <https://yandex.ru/promo/money/morethanmoney#comics>. (дата обращения: 10.04.2019).
21. *Пономарева Е.В., Семьян Т.Ф.* Креолизация как форма визуальной коммуникации в современной литературе // Новый филологический вестник. 2017. № 1(40). С. 35–45. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreolizatsiya-kak-forma-vizualnoy-kommunikatsii-v-sovremennoy-literature>. (дата обращения: 10.04.2019).
22. *Samutina N.V.* Emotional landscapes of reading: fan fiction in the context of contemporary reading practices // International Journal of Cultural Studies. 2017. Vol. 20, № 3. P. 253–269. URL: <http://publications.hse.ru/view/189872399> (дата обращения: 10.04.2019).
23. *Сокольникова Л.* Дмитрий Яковлев: «Чтение комиксов задействует сразу два полушария мозга» // Новосибирские новости. 25.04.2018. URL: <http://nsknews.info/materials/dmitriy-yakovlev-chtenie-komiksov-zadeystvuet-srazu-dva-polushariya-mozga/> (дата обращения: 10.04.2019).
24. *Riesman A.* Geeks Are Angry About Iron Man Becoming a Black Girl – But Not for the Reason You’d Think // New York Magazine. 7.07.2016. URL: <https://www.vulture.com/2016/07/iron-man-riri-williams-controversy.html> (дата обращения: 10.04.2019).
25. *Princess Weekes.* Ironheart #1 Adds Necessary Layers and Nuance to Riri Williams // The Mary Sue. 19.12.2018. URL: <https://www.themarysue.com/ironheart-1-adds-necessary-layers-and-nuance-to-riri-williams> (дата обращения: 10.04.2019).
26. *Статистические* показатели по выпуску печатных изданий за 9 месяцев 2018 года. URL: <http://www.bookchamber.ru/statistics.html> (дата обращения: 10.04.2019).
27. *Макарова Е.* Человек-паук перебрался в «Эксмо-АСТ» // Университетская книга: информационно-аналитический журнал. 17.01.2018. URL: <http://www.unkniga.ru/news/7885-chelovek-pauk-perebralsya-v-eksmo-ast.html> (дата обращения: 10.04.2019).
28. *Новости* издательства «Комильфо» // Официальная группа ресурса comicsboom.net, посвященная комиксам и околокомиксной тематике. 29.12. 2018. URL: https://vk.com/comicsboom?w=wall-19540007_64230 (дата обращения: 10.04.2019).
29. *Коопман Е.М.* Empathic Reactions after Reading: The Role of Genre, Personal Factors and Affective Responses // Poetics. 2015. № 50. P. 62–79. DOI: 10.1016/j.poetic.2015.02.008 (дата обращения: 10.04.2019).

Comics in Russia: Transmedia Narrative and Publishing Strategies

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2020, 23, pp. 115–130

DOI: 10.17223/23062061/23/7

Yulia V. Buldakova, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: fatalib@mail.ru

Dmitry A. Shishkin, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: cucuRU7a@mail.ru

Keywords: comic book, comics, genre, transmedia narrative, multimedia, book market, reading.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00530.

Mass culture creates genre-and-style phenomena that possess both the illusion of a simplified understanding and a complex aesthetic nature. Comics is a phenomenon reflecting trends in the development of mass culture at the turn of the 21st century. In comics, the plot and genre are secondary (graphic novel, various adaptations and retellings), the aesthetics is ambivalent (playful and serious; secular, amateurish and professional), the text has a complex artistic nature (creolisation, polycodedness, centaurism, transmedia features) and, at the same time, an essential goal for reaching commercial success and facilitated consumption/perception. The article aims to describe and analyse the genre-and-style features of the comic strip as a transmedia phenomenon of mass culture. These features give grounds for assessing the principles and tendencies of the presence of the comics in the domestic book market, in particular, the ways of forming the publishing repertoire. The general trend of the modern study of comics (in addition to analysing specific samples of the genre) is the reflection of visual aesthetics in the artistic structure of its text. It is the basis for the inclusion of this genre into mass literature. The peculiarity of the poetics of the comic book lies in the transmedia and sequenciality means that organise the dramatic narrative and visual plot as equal artistic spaces. In combination with the experience of visual media, the genre, style, and discourse of mass culture acquire attributes of transmedia, marginality, and transfer, i.e. tendencies to the mobility of the borders of the traditional genre-and-style system and going beyond them with the help of several different media (visualisation). They have an impact on the genre-and-style features of the comics, and the features of the multimedia information space built on repetition and convergence—sequels, remakes—are becoming more and more familiar. The intention to replicate recognisable stories readers demand encourages major publishers to rely on comic book remakes, comic book adaptations, comic book sequels. There is an extensive development “in depth and in breadth” of the already familiar successful plot, character, aesthetic discourse. Publishing houses are not interested in expanding the thematic repertoire of the comic book, but they seek to update and deepen the reading experience through the emergence of national genre patterns, the discovery of new authors’ names. This leads to a non-linear dynamics in both book publishing and book selling practices in the comics industry and in the genre. The change in the range of comic books is

mainly due to various types of remakes, including plot (plot and style, when the aesthetics of the narrative changes) variants of a well-known story. Thus, publishers are faced with common problems in their marketing strategies: objective, related to the lack of understanding of the genre nature and existence of comics, and specifically publishing—the emergence of special technological operations in the production of comics as a publication.

References

1. Eco, U. (2007) *Rol' chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta* [The Role of the Reader. Explorations in the Semiotics of Text]. Translated from Italian by S. Serebryany. St. Petersburg: Symposium. pp. 71–81.
2. Eisner, W. (2008) *Comics and Sequential Art: Principles and Practices from the Legendary Cartoonist*. New York: W.W. Norton & Company.
3. McCloud, S. (2016) *Ponimanie komiksa. Nevidimoe iskusstvo* [Understanding Comics. The Invisible Art]. Translated from English. Moscow: Beloe yabloko.
4. Erofeev, V.V. (1996) *V labirinte proklyatykh voprosov* [In a maze of damned questions]. Moscow: Soyuz fotkhudozhnikov Rossii.
5. Aleksandrova, Yu. & Barzakha, A. (2010) *Russkiy komiks* [Russian comic strip]. Moscow: NLO.
6. Tsyrukun, N. (2013) Film comics in Russia and their genesis. *Studies in Russian and Soviet Cinema*. 7(3). pp. 295–310. [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21906432> (Accessed: 10th April 2019).
7. Tsyrukun, N.A. (2014) Supergeroi komiksov i obratnaya storona titanizma [Superheroes of comics and the reverse side of titanism]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie – RSUH/RGGU BULLETIN. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies*. 14(136). pp. 191–199. [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24097973> (Accessed: 10th April 2019).
8. Kharitonov, E. (2005) Devyatoe iskusstvo [Ninth Art]. *Esli*. 1. pp. 14. [Online] Available from: <http://indbooks.in/mirror6.ru/?p=186135> (Accessed: 10th April 2019).
9. Tarachkov, I., Shekhov, S. & Dvoryankin, A. (2005) Ekspertiza temy [Theme expertise]. *Esli*. 1. pp. 15. [Online] Available from: <http://indbooks.in/mirror6.ru/?p=186138>. (Accessed: 10th April 2019).
10. Semyan, T.F. & Yudin, L.A. (2014) Poetics of comics-adaptation “The Master and Margarita” by R. Tanaev: visual vs. Verbal. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika – South Ural State University Bulletin. Linguistics*. 11(4). pp. 40–44. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/poetika-komiksa-adaptatsii-master-i-margarita-r-b-tanaeva-vizualnoe-vs-verbalnoe> (Accessed: 10th April 2019). (In Russian).
11. Kozlov, E.V. (2002) *Komiks kak yavlenie lingvokul'tury: znak – tekst – mif* [Comics as a Phenomenon of Linguoculture: Sign – Text – Myth]. Volgograd: VF MUPK.

12. Kostina, A.V. (2011) *Massovaya kul'tura kak fenomen postindustrial'nogo obshchestva* [Mass Culture as a Phenomenon of Post-industrial Society]. Moscow: LKI.
13. Berndt, J. (2016) Introduction: Manga Beyond Critique? *Kritika kultura*. 2. pp. 166–178. DOI: 10.13185/KK2016.02610
14. Obukhova, O. (2004) Ot perevoda k originalu (k voprosu o massovoy literature) [From translation to the original (on mass literature)]. *Toronto Slavic Quarterly*. 10. [Online] Available from: <http://sites.utoronto.ca/tsq/10/obukhova10.shtml> (Accessed: 10th April 2019).
15. Melnichuk, O.A. & Melnichuk, T.A. (2013) Textual strategies of fictional discourse. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 1(034). pp. 125–135. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-hudozhestvennogo-diskursa> (Accessed: 10th April 2019). (In Russian).
16. Trotsuk, I.V. & Karpova, A.M. (2010) Pop-culture as a factor of socialization: the opportunities for empirical analysis. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya – RUDN Journal of Sociology*. 1. pp. 96–107. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/pop-kultura-kak-faktor-sotsializatsii-vozmozhnosti-empiricheskogo-analiza> (Accessed: 10th April 2019). (In Russian).
17. Manea, D. (2016) A Wolf's Eye View of London: Dracula, Penny Dreadful, and the Logic of Repetition. *Critical Survey*. 28(1). pp. 40–50. DOI: 10.3167/cs.2016.280105
18. Chemodanova, K. (2018) *Komiksy Marvel podorozhali dlya rossiyan. Izdatel'ya poglotil knizhnyy gigant* [Marvel comics have risen in price for Russians. The publisher was swallowed up by the book giant]. 360 TV. 30th May. [Online] Available from: <https://360tv.ru/news/tekst/expensive-marvel/> (Accessed: 10th April 2019).
19. Kolchugin, E. (2016) Interv'y u s Evgeniem Kol'chuginym iz "Istari Komiks" [Interview with Evgeny Kolchugin from "Istari Comics"]. *Spaydermedia*. 10th February. [Online] Available from: <http://spidermedia.ru/comics/intervyu-s-evgeniem-kolchuginym-iz-istari-komiks> (Accessed: 10th April 2019).
20. Kistyakovskiy, V. (2018) *Den'gi i komiksy* [Money and Comics]. [Online] Available from: <https://yandex.ru/promo/money/morethanmoney#comics>. (Accessed: 10th April 2019).
21. Ponomareva, E.V. & Semyan, T.F. (2017) Creolization as a Form of Visual Communication in Contemporary Literature. *Novyy filologicheskyy vestnik – New Philological Bulletin*. 1(40). pp. 35–45. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreolizatsiya-kak-forma-vizualnoy-kommunikatsii-v-sovremennoy-literature>. (Accessed: 10th April 2019). (In Russian).
22. Samutina, N.V. (2017) Emotional landscapes of reading: fan fiction in the context of contemporary reading practices. *International Journal of Cultural Studies*. 20(3). pp. 253–269. [Online] Available from: <http://publications.hse.ru/view/189872399> (Accessed: 10th April 2019). DOI: 10.1177/1367877916628238
23. Sokolnikova, L. (2018) Dmitriy Yakovlev: "Chtenie komiksov zadeystvuet srazu dva polushariya mozga" [Dmitry Yakovlev: "Reading comics involves two hemispheres of the brain at once"]. *Novosibirskie novosti*. 25th April. [Online]

Available from: <http://nsknews.info/materials/dmitriy-yakovlev-chtenie-komiksov-zadeystvuet-srazu-dva-polushariya-mozga/> (Accessed: 10th April 2019).

24. Riesman, A. (2016) Geeks Are Angry About Iron Man Becoming a Black Girl – But Not for the Reason You’d Think. *New York Magazine*. 7th July. [Online] Available from: <https://www.vulture.com/2016/07/iron-man-riri-williams-controversy.html>. (Accessed: 10th April 2019).

25. Princess Weekes. (2018) Ironheart #1 Adds Necessary Layers and Nuance to Riri Williams. *The Mary Sue*. 19th December. [Online] Available from: <https://www.themarysue.com/ironheart-1-adds-necessary-layers-and-nuance-to-riri-williams>. (Accessed: 10th April 2019).

26. The Russian Book chamber. (2018) *Statisticheskie pokazateli po vypusku pechatnykh izdaniy za 9 mesyatshev 2018 goda* [Statistical indicators for the release of print media for 9 months of 2018]. [Online] Available from: <http://www.bookchamber.ru/statistics.html> (Accessed: 10th April 2019).

27. Makarova, E. (2018) Chelovek-pauk perebralsya v “Eksmo-AST” [Spider-Man moved to “Eksmo-AST”]. *Universitetskaya kniga: informatsionno-analiticheskiy zhurnal*. 17th January. [Online] Available from: <http://www.unkniga.ru/news/7885-chelovek-pauk-perebralsya-v-eksmo-ast.html> (Accessed: 10th April 2019).

28. Comicsboom.net. (2018) *Novosti izdatel'stva “Komil'fo”* [News of the Comilfo Publishing House]. 29th December. [Online] Available from: https://vk.com/comicsboom?w=wall-19540007_64230 (Accessed: 10th April 2019).

29. Koopman, E.M. (2015) Empathic Reactions after Reading: The Role of Genre, Personal Factors and Affective Responses. *Poetics*. 50. pp. 62–79. DOI: 10.1016/j.poetic.2015.02.008

И.Ю. Плотникова, О.В. Климова

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОВРЕМЕННОЙ ДОПЕЧАТНОЙ ПОДГОТОВКИ ВУЗОВСКИХ ИЗДАНИЙ

Аннотация. Рассматриваются основные проблемы допечатной подготовки вузовских изданий, анализируются идеальная и реальная модели современной допечатной подготовки; приводится количественный анализ особенностей подготовки сборника материалов научной конференции, на основе которого выявляется тенденция изменения технологий, смещения приоритетов при допечатной подготовке вузовских изданий, перераспределение функционала, что напрямую влияет на конечное качество учебной и научной вузовской книги.

Ключевые слова: допечатная подготовка изданий, редактирование, корректура, верстка, рукопись, качество публикации, научная литература, учебная литература.

Редакционно-издательский отдел Уральского федерального университета (УрФУ, ранее – УПИ) был создан в 1960-х гг. Этот факт подтверждает официальное признание необходимости издательской деятельности в образовательном учреждении в послевоенные годы, связанной с возросшим спросом на получение высшего образования среди различных слоев населения и, как следствие, с ростом потребности в публикации учебной и научной литературы.

Организация вузовского учебного процесса требует высокой обеспеченности учебной и научной литературой для полноценной работы студентов, что предполагает качественную подготовку учебных и учебно-методических пособий, справочных материалов, а также научных изданий, отражающих последние достижения науки и техники.

Однако нельзя не отметить изменение технологий предпечатного и печатного процессов в последнее десятилетие, оптимизацию деятельности издающих подразделений, тенденцию к снижению значимости качества выпускаемой продукции, уменьшение роли редакционного процесса в издательской деятельности и, как следствие, падение качества выпускаемых изданий.

Значительно изменилась, в сравнении с прошлым веком, технология подготовки современных изданий. Трансформировался процесс предпечатной подготовки. Процесс оптимизации издательской деятельности привел к совмещению функций редактора и корректора, заведующего отделом и выпускающего редактора, технического редактора, верстальщика и дизайнера. Специалист издательства становится многофункциональным мастером на все руки, но теряет квалификацию по своей основной профессии. Редактор, выполняя функции корректора, часто не замечает собственных ошибок, дизайнер, акцентируя внимание на форматах и гарнитуре шрифта, упускает оформленные содержания.

Помимо этого, необходимо отметить снижение качества предоставляемых в вузовские издательства авторских материалов как по содержанию, так и по их оформлению.

Отметим основные нарушения, которые присутствуют в авторском текстовом оригинале [1]:

- отсутствие логики изложения текста и систематизации материалов;
- несоответствие научному стилю изложения;
- неточность в приведении справочно-энциклопедических данных;
- отсутствие научного редактирования текста;
- ошибки в рубрикации;
- отсутствие оглавления / содержания;
- нарушение в оформлении библиографического описания;
- нарушение правил и норм цитирования, ошибки в оформлении ссылок;
- наличие большого количества опечаток, пунктуационных и стилистических ошибок;
- нарушения в оформлении рисунков и подрисуночных надписей;
- ошибки при оформлении таблиц и табличных данных, неправильное оформление выводов;
- несоблюдение правил оформления авторского текстового оригинала, нарушения оформления (разношрифтовой набор, применение большого количества стилей, нарушение размерности полей, несоблюдение межстрочного и межбуквенного интервалов и т.п.).

Необходимые для учебной и научной литературы рецензирование и научное редактирование чаще всего носят формальный характер;

планирование, выполняемое по заявкам институтов, осуществляется без научной оценки заявляемого материала, отсутствует системность проверки уникальности текстов. Все это также ведет к увеличению нагрузки на работу вузовских издательств в рамках предпечатной подготовки материалов к публикации и, как следствие, – снижению качества вузовских изданий.

В процессе допечатной подготовки теоретически текст движется в сторону издания в соответствии со следующей моделью:

рукопись → рецензирование → редактирование → правки
(редактор + автор – здесь следует отметить, что правки могут вноситься неоднократно) → корректура (правки, если нужен редактор и автор, то подключаются оба) → верстка (макет, финальная вычитка, сверка) → согласование макета с автором → типография
(печать издания).

Условно эту модель движения рукописи можно назвать *идеальной*.

В реальной жизни нередко схема движения рукописи значительно отличается от идеальной модели по объективным и субъективным причинам. Такими причинами чаще всего становится временная компрессия при значительном объеме исходного текста, изменение требований заказчика в процессе подготовки издания, перераспределение / смещение зон ответственности с большего числа сотрудников на меньшее, оптимизация редакционно-издательских процессов, отсутствие планирования, финансирования и т.д.

Для определения соотношения идеальной и реальной моделей допечатной подготовки вузовской рукописи был проведен количественный (от лат. *quantitatis* – количественный) анализ этапов допечатной подготовки сборника материалов научной конференции, проводимой одним из институтов УрФУ в марте 2019 г.

Количественный метод основан на выявлении частотности изучаемого явления и достаточно эффективен, так как «позволяет осуществлять надежный, контролируемый, объективный, ориентированный на результат обобщенный анализ... явлений» [2. С. 158].

Итак, рассмотрим соотношение теоретической / идеальной модели и практического / реального движения рукописи сборника научных

трудов в 2019 г. на этапе допечатной подготовки. Схематично это выглядит так:

Идеальная модель	Реальная модель ¹
...корректурa → верстка → сверка → типография	...корректурa → верстка → корректурa (10), ЗАПРОС МАКЕТА, корректурa (4), СМЕНА ЗАДАНИЯ → верстка → сверка (3) → верстка → сверка (3) → типография

Следует отметить, что финансирование сборника было рассчитано только на печать, поэтому допечатная подготовка издания осуществлялась силами сотрудников института, на альтруистической основе.

Исходя из схем идеальной и реальной модели работы по подготовке сборника научных трудов, видно, что соотношение выполняемых работ меняется в зависимости от условий: сроков, качества материалов, количества статей, ответственности авторов и членов редакционной коллегии, готовности к работе в сжатые сроки.

Результатом проделанной работы стало издание в срок двух сборников вместо запланированного одного.

Процесс допечатной подготовки материалов сборника научной конференции выявил следующие особенности реализации реальной модели допечатной подготовки издания: 1) отсутствие последовательности подготовки издания; 2) изменение требований заказчика в процессе допечатной подготовки (первоначально заказывался один сборник, впоследствии было принято решение о разделении его на две части в результате значительного объема); 3) нарушение деловой коммуникации (допечатная подготовка материалов научной конференции в вечернее время и выходные дни); 4) смещение зон ответственности с большего коллектива на меньший (два корректора и один верстальщик); 5) жесткие временные рамки; 6) отсутствие планирования и т.д.

В хронологическом порядке работа корректоров и верстальщика над сборником материалов научной конференции представлена в таблице. Таблица отражает хронологию деловых писем корректоров

¹ В рассмотренной реальной модели подготовки к печати сборника материалов научной конференции в скобках указано количество повторов одной и той же операции внутри схемы.

верстальщику в процессе удаленной допечатной подготовки сборника.

Хронологический порядок подготовки к печати сборника материалов научной конференции

Верстка	Корректурa	Дата	Время
Корректор: текст на верстку		04.04.2019	19.36
	Правки введения	05.04.2019	20.45
	Правки библиографии	05.04.2019	21.04
	Правки текста	08.04.2019	18.37
	Правки текста	08.04.2019	17.42
	Правки ссылок	08.04.2019	18.36
	Правки ссылок	08.04.2019	21.20
	Правки УДК статей	08.04.2019	23.03
	Исправления аннотаций	08.04.2019	23.36
	Отмена верстки библиографии	09.04.2019	10.07
	Указание тиража	09.04.2019	15.07
Запрос готового макета		10.04.2019	11.10
	Новая библиография на верстку	10.04.2019	21.54
	Изменение задания верстальщику: из одного сборника сделать два	10.04.2019	23.07
Запрос макета для получения ISBN		10.04.2019	23.16
	Уточнение задания верстальщику	11.04.2019	12.53
<i>Сдача первого сборника</i>		<i>12.04.2019</i>	<i>19.00</i>
	Правки первого сборника	12.04.2019	19.28
	Правки первого сборника	12.04.2019	22.34
	Уточнение информации для оглавления	14.04.2019	13.44
<i>Сдача второго сборника</i>		<i>15.04.2019</i>	<i>01.39</i>
	Правки аннотаций	15.04.2019	22.58
Правки части текстов		15.04.2019	20.39
	Правки текста оглавления	15.04.2019	20.47
	Правки текста	15.04.2019	23.03
Запрос готового макета обоих сборников		16.04.2019	14.35
	Правки титульных листов	16.04.2019	15.48
	Правки выходных сведений	16.04.2019	16.03
	Правки выпускных сведений	16.04.2019	16.09

Верстка	Корректурa	Дата	Время
	Правки выходных сведений	16.04.2019	16.23
	Правки финальные	16.04.2019	16.51
	Правки библиографии финальные	16.04.2019	19.45
	Правки библиографии финальные	16.04.2019	20.18
Запрос итоговых макетов		16.04.2019	20.59
<i>Итоговые макеты двух сборников</i>		17.04.2019	9.50
	Корректор: финальные правки	18.04.2019	20.30
	Корректор: финальные правки	18.04.2019	20.43
	Корректор: финальные правки	18.04.2019	22.47
<i>Верстальщик: итоговые макеты двух сборников</i>		19.04.2019	10.45

Представленные в таблице данные количественного анализа позволяют сделать следующие выводы:

- выполнен значительный объем работы в сжатые сроки;
- работа с заказчиком выявила новые требования уже в ходе выполнения работ, что привело к росту объемов работ;
- предпечатная подготовка потребовала значительных коммуникаций при работе в удаленном доступе, что привело к нарушениям в планировании работы и выполнении корректуры в значительно большем объеме, чем было запланировано первоначально, как следствие, увеличился и объем верстки.

Итак, идеальная и реальная модели предпечатной подготовки значительно различаются.

Выделим факторы, которые оказали существенное влияние на предпечатные процессы.

Объем выполненной работы составил 284 страницы (156 с. + 128 с.), 14,51 учетно-издательских листа (7,9 + 6,61 уч.-изд. л. соответственно).

Если соотносить выполненный объем верстки с утвержденными в издательстве УрФУ объемами верстки текста, то объем подобной работы по производственному плану выполняется за одну-две недели верстальщиком, трудоустроенным на полный рабочий день.

Время, отведенное на подготовку научного сборника, позднее – двух научных сборников, преимущественно вечернее, позднее вечернее и ночное, так как подготовка сборников проводилась помимо основной профессиональной деятельности издательской команды.

Отдельно стоит отметить, что общего времени на подготовку сборников, с учетом изменения и корректировки задания на верстку, было отведено не более 15 календарных дней, включая выходные дни, при этом первый запрос на готовый макет поступил через шесть дней после выдачи первичного задания.

Верстка макета первого сборника составила восемь дней с момента выдачи первичного задания и два дня с момента изменения задания верстки; верстка макета второго сборника составила 11 дней с момента выдачи первичного задания и три дня с момента окончания верстки первой части, два из которых явились выходными днями.

Итоговое время подготовки сборников материалов научной конференции (с учетом всех внесенных правок и итоговых читок сборников) составило 15 дней, включая четыре выходных дня.

Качество научных изданий по документам обеспечивается редакционной коллегией, состоящей в данном случае из четырех докторов наук и двух кандидатов наук; по факту качество содержательной части проверено тремя членами редколлекции, один из которых занимался только проверкой текстов аннотаций, двое – корректорской правкой текстов научных статей.

Отдельно следует отметить **качество подготовки библиографического аппарата**. Как утверждает А.Э. Мильчин, «задача библиографического аппарата – познакомить читателя с источниками цитат, заимствований, фактов и дать ему возможность найти в библиотеке или магазине их... позволить автору сжать изложение, отослав читателя к работам, где затрагиваемая им тема или проблема рассмотрены более полно, или подробно, или иначе [3. С. 681]. В нашем случае редакторская подготовка библиографии была проведена сотрудником библиотеки в крайне ограниченный срок (два дня) с целью привести библиографическое описание к какому-то единообразию – о соблюдении ГОСТов 7.1.–2003¹ и 7.05-2008 речи не велось.

---

¹ С 1 июля 2019 г. введен в действие новый ГОСТ Р 7.0.100-2019.

Также стоит упомянуть о **смещении зон ответственности**, когда подготовка отдельных элементов научной статьи (например, библиографического описания) не планируется заранее, а становится стихийной и вынужденной для корректоров и, как следствие, влечет частичную переверстку рукописи.

По сравнению с теоретической / идеальной моделью допечатной подготовки рукописи научного произведения в настоящее время значительно изменились **приоритеты** практической модели подготовки вузовского издания, а именно реализуется приоритет “здесь и сейчас”... над возможностью совершенствовать профессиональное мастерство» [4. С. 51]. Выпуск сборника материалов научной конференции приоритетной задачей имеет выход издания в определенный срок (к началу научного мероприятия), что ставит под угрозу качество допечатной подготовки научного текста.

Перераспределение функционала подготовки вузовского издания. В связи с сокращением временных рамок по всем стадиям допечатных процессов редактор все меньше внедряется в содержание текста и все больше его работа напоминает корректуру. Это подтверждает и С.Е. Сапожникова: «...во многих случаях действительно имеет место снижение экспертного потенциала редактора научного текста – и это на фоне насущной потребности в экспертной функции редактора. Есть и еще один аспект проблемы. Технологии, внедряемые в современных издательствах, а также ряд экономических факторов привели к тому, что литературному редактору приходится выполнять не только свои непосредственные профессиональные задачи, но также и задачи специалиста по верстке, художественного редактора, технического редактора и корректора. Подобное “совмещение в одном лице редактора многих функций неизбежно отражается на качестве подготовки издания”» [4. С. 53].

Необходимо отметить и **особенности деловой коммуникации** при высоком темпе подготовки подобных изданий, когда и авторы, и издатели не имеют необходимых условий для плодотворного взаимодействия с целью подготовки качественного научного издания. Поскольку работа, выполняемая участниками, является вторичной по отношению к основной, и чаще всего неоплачиваемой, то это накладывает отпечаток и на культуру общения. В частности, количественный анализ входных писем показывает, что всего за время работы

верстальщиком было получено более 30 писем (не учтены письма с опечатками, письма-повторы, «пустые» письма – без текста), из которых только 12 отправлено в рабочее время, что еще раз подтверждает скорость работы, физическую и моральную нагрузку на сотрудников и, косвенно, качество выполненной работы.

Большинство определений научной и учебной книги подчеркивают ее задачу, свойства, функции, роль как средства коммуникации профессионального сообщества и способа передачи актуальной информации. Думается, в вузовском издании как никак другом качество допечатной подготовки должно ставиться во главу угла и, следовательно, планироваться заранее.

Безусловно, новые информационные технологии, как и задачи сегодняшнего дня, существенно повышают скорость подготовки и выпуска книги и оперативность доведения ее до читателя, но хочется еще раз отметить, что уровень готового издательского продукта, особенно научного и учебного, имеет прямое отношение к успеху в удовлетворении читательских потребностей. Это значит, необходимы правильная организация планирования книгоиздательской деятельности и редакционно-издательских процессов в вузе.

Таким образом, увеличение скорости подготовки вузовских изданий, снижение финансирования издательской деятельности ведет к оптимизации предпечатных и печатных процессов, формализации при проведении экспертизы и планировании. Многофункциональность работников редакционно-издательских подразделений также не способствует повышению качества публикуемых изданий. Большинство вузовских издательств, стремясь удовлетворить растущие потребности вуза в условиях оптимизации, начинают публиковать материалы в авторской редакции, нарушая требования ГОСТов и исключая редакционно-издательскую обработку рукописей. Как следствие, снижается качество предоставляемых материалов, присутствует формальный подход при экспертизе материалов, предоставляемых в издательства.

В рамках нашего исследования мы выделили несколько основных факторов, оказывающих существенное влияние на сроки и качество подготовки публикации: объем, время, качество предоставленного авторского материала (содержание и оформление), возможность совмещения зон ответственности, приоритетность издания, перераспределение функционала, особенности построения деловых коммуника-

ций. Эти факторы устанавливают приоритетность между сроком издания и качеством публикации. Нельзя снимать со счетов и возможности типографии. Если материал для печати выслан накануне вечером, а конференция завтра утром, то, скорее всего, ни одна типография не возьмет сверхурочную работу на ночь. Значит, фактор времени должен учитывать и сроки, необходимые для печати и доставки заказа. При этом для вузовских издательств остается неизменной потребность в качественных учебных и научных публикациях.

Литература

1. ГОСТ 7.89-2005 «Оригиналы текстовые авторские и издательские. Общие требования»: стандарт Российской Федерации : издание официальное : утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 30 ноября 2005 г. № 304-ст : введен впервые : дата введения 2006-07-01 / подгот. Всерос. ин-том науч. и техн. информации Росс. акад. наук. М. : Стандартинформ, 2005. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200042578> (дата обращения: 25.10.2019).

2. Кашеева А.В. Квантитативные и качественные методы исследования в прикладной лингвистике // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 3. С. 155–162. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvantitativnyye-i-kachestvennyye-metody-issledovaniya-v-prikladnoy-lingvistike> (дата обращения: 26.10.2019).

3. Справочник издателя и автора: Редакционно-издательское оформление издания / А. Мильчин и Л. Чельцова. 5-е изд. М. : Изд-во Студии Артемия Лебедева, 2018. С. 681.

1. Сапожникова С.Е. Проблемы сотрудничества и сотворчества автора и редактора // Развитие личности. 2015. № 2. С. 43–55. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23816156> (дата обращения: 26.10.2019).

The Theory and Practice of Modern Prepress of University Publications

Текст. Книга. Книгоиздание – Text. Book. Publishing, 2020, 23, pp. 131–142

DOI: 10.17223/23062061/23/8

Irina Yu. Plotnikova, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation).
E-mail: plotnikova.irina@urfu.ru

Olga V. Klimova, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation).
E-mail: olvik@yandex.ru

Keywords: prepress of publications, preparing books for publication, publication, editing, proofreading, typesetting, manuscript, publication quality, editorial and publishing department, scientific literature, educational literature.

The organisation of the university educational process requires a high availability of educational and scientific literature, which implies the high quality of the preparation of

educational and teaching aids, reference materials and scientific publications. However, one can note a change in the technologies of premedia and printing processes, optimisation of the activity of publishing offices and, as a result, a drop in the quality of published printed matter. In 2019 a quantitative analysis of preparation of conference materials for publication was conducted on the basis of the Ural University Publishing House. According to this analysis, one can argue that the quality of the publishing product depends on the ratio of prepress volumes and timelines, the quality of materials provided to the publishing house, the responsibility of the authors and members of the editorial board, their readiness to work within a short time period, etc. According to the documents, the editorial board ensures the quality of scientific publications, which in this case consists of four Grand PhDs and two PhDs; in fact, the quality of the content left much to be desired. Separately, the quality of preparation of the bibliographic apparatus should be noted. In this case, the editorial preparation of the bibliography was carried out by a library employee in an extremely limited time (two days). It was done in order to bring the bibliographic description to some uniformity—there was no discussion on compliance with All-Union State Standards 7.1.-2003 and 7.05-2008. There was also a shift of areas of responsibility when the preparation of separate elements of a scientific article (for example, the bibliographic description) is not planned in advance, but becomes spontaneous and, as a result, entails a partial reimposition of the manuscript. The priorities of the practical model of preparing a university publication have changed significantly. The publication of conference proceedings prioritises releasing the publication at a certain time (by the beginning of a scientific event), which jeopardises the quality of its prepress. When preparing a university publication in tight deadlines, functions are redistributed, and professional communication has its features: both the authors and the publishers do not have the necessary conditions for an effective interaction in order to prepare a high-quality scientific publication. Most definitions of a scientific and educational book emphasise its task, properties, functions, role as a means of communication of the professional community and a method of transmitting relevant information. It seems that a university publication, like no other, should prioritise the quality of prepress and, therefore, should be planned ahead.

References

1. The Russian Federation. (2005) GOST 7.89-2005 “*Originaly tekstovye avtorskie i izdatel'skie. Obshchie trebovaniya*”: standart Rossiyskoy Federatsii: izdanie ofitsial'noe: utverzhden i vveden v deystvie Prikazom Federal'nogo agentstva po tekhnicheskoy uregulirovaniyu i metrologii ot 30 noyabrya 2005 g. № 304-st: vveden v pervyye: data vvedeniya 2006-07-01 / podgotovlen Vserossiyskim institutom nauchnoy i tekhnicheskoy informatsii Rossiyskoy akademii nauk [GOST 7.89-2005 “Text originals for copyright and publishing. General requirements”: standard of the Russian Federation: official edition: approved and put into effect by Order No. 304-st of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology of November 30, 2005:

introduced for the first time: date of introduction 2006-07-01 / prepared by the All-Russian Institute of Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Standartinform. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/1200042578> (Accessed: 25th October 2019).

2. Kashcheeva, A.V. (2013) Kvantitativnye i kachestvennye metody issledovaniya v prikladnoy lingvistike [Quantitative and qualitative research methods in applied linguistics]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy – Social-Economic Phenomena and Processes*. 3. pp. 155–162. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvantitativnye-i-kachestvennye-metody-issledovaniya-v-prikladnoy-lingvistike> (Accessed: 26th October 2019).

3. Milchin, A. & Cheltsova, L. (2018) *Spravochnik izdatelya i avtora: redaktsionno-izd. oformlenie izdaniya* [Manual for Publishers and Authors: Editorial Design]. 5th ed. Moscow: Izd-vo Studii Artemiya Lebedeva.

4. Sapozhnikova, S.E. (2015) Problemy sotrudnichestva i sotvorchestva avtora i redaktora [Problems of cooperation and co-creation of the author and editor]. *Razvitie lichnosti – Development of Personality*. 2. pp. 43–55. [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23816156> (Accessed: 26th October 2019).

УДК 070:811.161.1

DOI: 10.17223/23062061/23/9

Б.Б. Сибиданов

ПАРАМЕТРЫ РЕГИОНАЛЬНОГО МЕДИАДИСКУРСА: СУБЪЕКТ, КОММУНИКАЦИЯ, СТРУКТУРА КОНТЕКСТА

***Аннотация.** В статье рассматриваются основные механизмы функционирования регионального медиадискурса. Автор отталкивается от мысли, что основной задачей журналистики является побуждение потребителя к социальному действию. В центре внимания – три аспекта: типы субъектов социального действия, коммуникативная ситуация и структура контекста. Медиатипами субъектов социального действия, по мысли автора, являются личность, институт, медиа и общество. Коммуникативная ситуация сводится к медиатексту. Он представляет собой «свернутую» речевую ситуацию. Медиаконтекст включает в себя три части: событийный контекст, социальный и культурологический.*

***Ключевые слова:** региональный медиадискурс, типы субъектов социального действия, коммуникативная ситуация, медиатекст, событийный медиаконтекст, социальный медиаконтекст, культурологический медиаконтекст.*

Субъекты медиадискурса. Категория субъекта дискурса и медиадискурса требует некоторых пояснений.

В концепции Т.А. ван Дейка механизм дискурса исследуется как процесс понимания речи [1]. Данное обстоятельство позволяет определить основные единицы и способы работы с эмпирическим материалом для формирования общей теории дискурса. В работе с частными его версиями (разными формациями), которые отражают особенности функционирования социальных феноменов (институтов, организаций, социальных групп), «формула понимания» является недостаточной, поскольку не дает социальной характеристики речи. И в данном случае решающими являются намерения автора. Как известно, существует четыре основные макроинтенции, которые получили названия познавательной, регулятивной, экспрессивной и фатической коммуникации [2. С. 7]. Голландский исследователь рассматривает исключительно познавательный аспект. В рамках медиадискурса мы можем говорить о двух разновидностях функциональных целеполаганий: познавательной и регулятивной. Но если первая заложена в изначальном свойстве коммуникации (в широком смысле массовая коммуни-

кация – всегда информирование, а значит, и познание), то вторая требует своей реализации в любых моделях медиатекстов, исходя из социальной природы медиадискурса. Поэтому исследовательскую установку Т.А. ван Дейка мы дополняем категорией социального действия.

Таким образом, в пространстве медиадискурса будут актуальны следующие этапы социального становления медиатекста: создание медиапослания – принятие информации потребителем (понимание) – социальная реакция на медиатекст.

Второе пояснение касается категории субъекта в медиатексте и в медиополе. Дело в том, что в виду специфики типичной ситуации, лежащей в основе деятельности медиа, ее оценка нередко может производиться исключительно с опорой на медиатекст. Естественная коммуникация в монологическом тексте разрывается. В результате эта разорванная коммуникация заставляет автора моделировать весь процесс, выбирая коммуникативные (социальные) роли, выстраивая свой речевой акт в той или иной тональности с теми или иными целями.

Подобное расслоение сознаний, их зависимость от авторской воли или, напротив, автономность, давно исследуется в художественном произведении. Еще М.М. Бахтин, разработав основные положения диалогической теории, использовал ее для анализа романов Ф.М. Достоевского. Позиции героев в художественном тексте получили название «голоса» [3. С. 10–11], а сами романы стали именоваться полифоническими. В медиапространстве присутствие иных «голосов» имеет социальную основу. Нужно говорить не только о субъектах-героях и субъектах-авторах, но и о двух уровнях субъектности медиадискурсов.

Первый уровень – общественный, институциональный, второй – собственно авторский, личностный. Субъекты первого уровня реализуются не только в медиапространстве, но и в социальном – как реальные силы, влияющие на состояние и развитие общественного устройства. В некотором смысле институциональные образования могут выступать и в роли автора-заказчика (публикации, сюжета), и в роли объекта социального действия (героя журналистского материала). Авторский уровень субъекта вступает в сложные взаимоотношения с институциональным.

Таким образом, перед нами яркая картина смешения социального и медиапространств. Это смешение формирует не просто типы субъектов, но их *социальные медиатипы*.

Личность является средоточием частных инициатив, имеющих общественное значение. Этот субъект (автор) чаще всего сосредоточивает внимание на проблемах общественного характера и пытается дать оценку, опираясь на определенные личностные установки, нравственные ценности, ориентиры моделей социального поведения и т.д. Действия личности в медиаполе рождает авторский дискурс, который обладает определенными стилистическими признаками, отличающими его от остальных медиатипов.

Следующий субъект – *институт* – сосредоточен не на индивидуальных отличиях, а на унифицированных ролях: «Институциональная деятельность осуществляется в абсолютном большинстве социальными организациями, где общение и взаимодействие индивидов происходит не на уровне личностей, а на уровне позиций, деятельностных ролей, за которыми закрепляются те или иные конвенциональные речевые акты» [4. С. 168]. В наиболее чистом виде примером вмешательства институционального дискурса в медиаречь являются тексты законодательных актов, публикуемых в печатных СМИ.

Медиа как субъект медиадискурса выступает в двойной роли. С одной стороны, это социальный институт, который имеет такие же интересы в медиапространстве, как и все остальные институты. Он заинтересован в том, чтобы его интересы были представлены масштабней и эффективней, чем все остальные. С другой стороны, медиа заинтересованы в том, чтобы информация о деятельности других социальных институтов присутствовала в их текстах. Эта двойственность рассматриваемого субъекта медиаполя находит свое воплощение на практике. В результате рождается PR-дискурс того или иного медиа с включением в его орбиту информации об иных социальных институтах в качестве ресурса для достижения поставленных целей. Это проявляется, в частности, в реализации таблоидного дискурса в печати, который призван повысить продажи, используя инстинктивные способы привлечения внимания читателя [5]. Как правило, иные институты оказываются субъектами или местом скандалов, конфликтов и противоречий. Естественно, это не способствует продвижению социального института, ставшего героем подобной публикации. Та-

ким образом, происходит утверждение таблоида как борца за справедливость и общественные интересы в глазах массовой аудитории за счет интересов иных институтов и частных лиц. Но нужно отметить, что это лишь одна из разновидностей (типов) PR-дискурса СМИ.

Общество как субъект медиадискурса носит иллюзорный характер и во многом связано с родовой спецификой массово-коммуникативного процесса. Оно не имеет материального воплощения. Этот субъект общественных отношений представляет собой некий образ большого количества людей, живущих на определенной территории в определенный отрезок времени (например, в Бурятии или Иркутской области во второй половине 2010-х гг.). Фактически этот субъект отражает интересы массовой аудитории. Однако в полном смысле слова аудитория не может быть действующей вербальной силой (быть субъектом). На этом и основана социальная иллюзорность общества. Но при этом общество имеет конкретное воплощение в медиатексте. Практически все проблемные материалы критического характера созданы в интересах справедливости, т.е. общества. Несложно заметить, интересы данного субъекта в конкретном медиатексте всегда совпадают с позицией автора. Особенно это хорошо видно в конфликтных материалах. На медийном уровне в случае, когда автор занимает позицию расследователя, происходит смещение конфликтных полюсов. Пострадавшая сторона (личность, институт) воспринимается как символическое воплощение всего общества. Возмущение и сочувствие жертве возможно благодаря тому, что границы узкого конфликтного пространства раздвигаются до медийного, а пострадавшая сторона втягивает в себя все общество (массовую аудиторию). Таким образом, существует символический (мифологический) уровень конфликта в медийных материалах. В обвинительных публикациях о злоупотреблениях власти этот мотив выражается еще сильнее.

Особенности медиакоммуникации: от речевой ситуации к тексту. Текст медиасообщения в дискурсе всегда есть элемент социального поведения субъекта. Медиаавтор реагирует на происходящие события в регионе, дает им оценку, выражая свое мнение, и тем самым утверждает себя в роли субъекта социального действия. На институциональном уровне важно поведение медиа, чья редакционная политика также строится в соответствии с собственными интересами как игрока, ведущего свою редакционную политику в медиaprостран-

стве региона. Данный компонент фактически определяет коммуникативный элемент медиа, способ общения с потребителем. В частности, стремление к большому аудиторному охвату вызвало в региональной печати во второй половине 90-х гг. XX в. формирование таблоидного дискурса. В результате именно таблоидная модель информирования стала ведущей и определяющей повестку дня в журналистике Бурятии [5]. Привлекательность скандала для медиа превратило его в основной PR-инструмент, от которого региональное издание сегодня не может отказаться.

Данный характер функционирования медиа (таблоидный дискурс) представлен, исходя из понимания медиакommunikации, которая реализуется в пространстве «Медиа (СМИ) – Массовая аудитория». Такой подход является важным и плодотворным, однако в сущности не отражает всего механизма формирования медиатекста. Речь идет о невозможности выстраивания полноценных дискурсивных отношений с массовой аудиторией. Любые попытки вступить в диалог с массовой аудиторией всегда натываются на фактор необъятности и разобщенности и потому невозможности воспринять ее как единого субъекта медийного пространства.

Результатом такого положения стало смещение дискурсивных процессов из коммуникативного поля «Медиа (СМИ) – Массовая аудитория» в коммуникативное поле, формируемое субъектами медиатекста (и одновременно субъектами социального действия): авторами, институтами, медиа и обществом. Отношения же, которые сформировались между СМИ и массовой аудиторией, напоминают отношения между актерами, играющими спектакль, и зрительным залом, в конечном итоге либо освистывающим действие, либо в восторге аплодирующим. Массовая коммуникация – это коммуникация с «внешним наблюдателем», основная задача которого оценить действие.

Этим объясняется невероятная открытость медиадискурса: медиаспектакль требует содержания, развития действия, драматичности происходящего.

В этом смысле возникает соблазн свести динамический аспект медиадискурса к коммуникативным взаимоотношениям субъектов социального действия. Несмотря на этот кажущийся эффект их релевантности, и автор медиасообщения (СМИ), и массовая аудитория продолжают оставаться основными коммуникантами. Потребность в но-

вом, которая всегда является двигателем всех самых действенных инициатив, предоставляет свободу для медиаторчества всем СМИ.

Таким образом, текст становится основной единицей медиадискурса. Это «свернутый» коммуникативный акт, в котором могут присутствовать «голоса» собеседников, разворачиваться внутренний диалог. Степень, с которой происходит это «сворачивание», дает представление о диалогичности медиатекста. И хотя множество медиатекстов существует в максимально редуцированном виде, в котором монологическая позиция побеждает, необходимость прагматической адекватности толкает журналистский материал к большему разнообразию и максимальной реализации в выражении разных позиций, «голосов». Текст вынужден моделировать коммуникативный акт через контекст. Коммуникативная ответственность автора возрастает.

Исследуя общие закономерности реализации целей речи, филологическая наука пришла к выводу о том, что существует несколько способов ее организации. По одной из версий они получили название типов пассажей дискурса. В частности, выделяют: нарративный; дескриптивный; объяснительный; инструктивный и увещательный; убеждающий. При этом, например, А.А. Кибрик утверждает, что «устойчивыми морфосинтаксическими и лексическими характеристиками обладают не типы дискурсов (т.е. жанры), а типы изложения» [6. С. 23].

При наложении на функциональную специфику журналистики типы пассажей связываются с двумя особенностями реализации медиатекста (медиадискурса): 1) медиатекст призван информировать массовую аудиторию о наиболее важных событиях, происходящих в мире; 2) медиатекст призван обеспечивать коммуникацию, носящую массовый характер (регулировать отношения в обществе). В этом случае нарративный и дескриптивный типы пассажей в большей степени соотносятся с функцией информирования (новостным дискурсом). Остальные типы пассажей связаны с интерпретационными версиями текста. Иначе говоря, в коммуникативном поле у субъекта присутствует цель: либо информировать о реальности, либо воздействовать на мнение собеседника. Однако в чистом виде типы пассажей в тексте реализуются крайне редко, поэтому когда мы сталкиваемся, например, с новостным текстом, его реализация может быть связана с множеством пассажей, не относящихся к новостному медиатипу.

Принадлежность же к дискурсу определяется доминирующими типами пассажей: в результате именно они определяют целеполагание текста.

В коммуникативном поле информирование и воздействие связаны в единое целое. Нередко даже новостной текст может быть провокативным, стремящимся вызвать эмоции, сформировать отношение и пр.

Таким образом, мы исходим из положения, что та или иная формация дискурса формируется за счет смещения типов пассажей в зависимости от социальных целей, целей автора в конкретной ситуации.

При этом типы пассажей – это все же лингвистические особенности функционирования дискурса, а основным содержанием коммуникативной ситуации являются особенности отношений между субъектами, специфика и характер предмета сообщения, а также авторские коммуникативные особенности представления медиатекста.

Еще один аспект – тематические особенности восприятия, сложившиеся в регионе. Они оказывают большее влияние, чем может показаться на первый взгляд. Например, тематика деятельности управляющих компаний в Улан-Удэ может иметь весьма негативную окраску даже при простом упоминании. В частности, Сергей Супоня и его «Эталон-С» так часто были в центре негативных материалов, что его имя и организация стали символом преступной безответственности коммунальщиков города. В этом смысле сложно представить появление какого-либо PR-материала, который не вызвал бы у массовой аудитории отторжения. Появление такого материала вовсе не исключено, однако его коммуникативная составляющая (заклученная в медиатексте) будет противоречить сложившейся коммуникации между массовой аудиторией и субъектом (в качестве которого будет выступать «Эталон-С» или Сергей Супоня). Это противоречие будет означать, что медиатекст не достиг своей цели, если только в тексте не будет содержаться таких сведений, которые бы эффективно поменяли отношение массовой аудитории к предмету обсуждения (PR-объекту).

Отсюда возникает еще одно важное следствие. Несмотря на медийное молчание массовой аудитории, она является основным потребителем и участником массовой коммуникации. Именно ее воля и понимание (порой далекие от полного единства) определяют успех СМИ. В этом смысле автор должен знать тематический контекст как фактор, формирующий мнение аудитории.

До сих пор мы рассматривали медиатекст как послание, адресованное массовой аудитории. Это основная коммуникативная специфика медиа, поэтому большая часть материалов СМИ этой направленностью ограничивается. Однако в ряде случаев, помимо массовой аудитории, материал имеет и сопутствующий коммуникативный адресат. Конфликтные отношения между медиалицами и организациями нередко имеют цель не только обнародовать какие-либо сведения, информировать массовую аудиторию, а донести сообщение какой-либо группе лиц или лицу (организации). Такое послание чаще всего носит характер общей интенции (например, угрозы, объявления информационного противостояния, завершения информационной компании и т.д.) и появляется в конфликтной коммуникации между субъектами медиаполя (например, в период предвыборных противоборств).

Такая тематическая коммуникация, как и вся региональная коммуникация, имеет медийно-институциональный характер. Она замкнута на региональной проблематике и хотя порой выходит и соотносит состояние положения с окружающими медиаполями, происходит это крайне редко. Исключение могут составлять авторские дискурсы. В частности, колонка Геннадия Башкуева в издании «Молодежь Бурятии» является местом функционирования именно такого дискурса. При этом стоит отметить, что наблюдения автора носят не утилитарно-рациональный характер, который, в принципе, присущ проблемно-аналитической журналистике региона, а обладают художественно-этической ценностью. Нередко автор обращается к истории проблемы, и в этом случае оценки и суждения приобретают дополнительный ценностный объем и значимость. Кроме того, обращение к личностной сфере читателя выводит авторский дискурс в пространство жизни человека, его связей с окружающим миром и Богом, оставляя за рамками утилитарно-региональный местечковый быт [7–9 и др.].

Контекстная структура восприятия медийного сообщения.

Особенностью медиакommunikации, как известно, является массовый характер взаимодействия между автором (субъектом) и массовой аудиторией (потребителем). Подобное взаимодействие подразумевает наличие лишь одного материала для анализа – медиатекста, опираясь на который, можно дать характеристику типичного коммуникативного акта. Ни субъект, ни аудитория не могут быть идентифицированы

непосредственно, как это происходит в устной коммуникации. Процесс «сворачивания» коммуникативного акта до текста, в котором либо присутствуют, либо отсутствуют диалогические отношения, как мы уже отмечали, увеличивает роль контекста. Он становится своеобразным полем, в котором сосредоточены недостающие для типичной ситуации характеристики. Через эти элементы возможно воспроизвести и смоделировать процесс реализации дискурса. И хотя конкретная типичная ситуация находится вне поля зрения, совокупность текстов, формирующих социальный процесс движения темы, даст необходимое представление о коммуникативной характеристике медиадискурса.

Итак, рассмотрим контекстную структуру медиадискурса подробнее.

Классическое определение контекста связано с процессом понимания семантической единицы: «фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу, необходимый и достаточный для определения значения этой единицы, являющегося непротиворечивым по отношению к общему смыслу данного текста» [10]. Когда Т.А. ван Дейк рассматривает контекст в процессе реализации речевого акта, он представляет процесс понимания как обращение собеседника к некой общей иерархически организованной базе данных. В качестве примера автор приводит анализ социального контекста. В частности, такой контекст включает описание двух уровней (хотя ясно, что их гораздо больше): 1) личное; общественное; институциональное / формальное; неформальное; 2) позиции (например, роли, статусы и т.д.); свойства (например, пол, возраст и т.д.); отношения (например, превосходство, авторитет); функции (например, отец, слуга, судья и т.д.) [1. С. 23]. Подобная систематизация контекста в дискурсе находится в смысловом поле дискурса как лингвистического феномена, универсального по отношению ко всем социальным разновидностям коммуникации. Они даны в виде областей, через которые возможно провести некое погружение в контекст. Мы полагаем, что в социальном смысле все эти области должны иметь собственное измерение. Функционирование контекста в любой речевой ситуации связано с последовательным развитием, поэтому и реализация контекста проходит через все этапы речевого взаимодействия (реализации текста): создание медиапослания – принятие информации потребителем (понимание) – социальная реакция на медиатекст. Учитывая особен-

ности функционирования СМИ, мы полагаем, что в медиаконтекст входят как минимум три его разновидности (связанные с разными этапами реализации медиадискурса): событийный, социальный и культурологический. Таким образом, если контекст по Т.А. ван Дейку связан с предметными областями, через которые возможно погрузиться в контекст, то для частных версий дискурса (а точнее, медиадискурса) предлагаемые нами разновидности характеризуют «глубину» такого погружения.

Событийный контекст представляет собой совокупность всей информации, которую помнит о теме и о сообщениях, связанных с темой, массовая аудитория. И тут необходимо пояснить, что медийный контекст играет роль не только в понимании получаемых массовой аудиторией сведений, но и в их оценке и влиянии на извлекаемый смысл и дальнейшее поведение потребителя. Иначе говоря, рассматривая коммуникативный процесс как этапы информирования – извлечения смысла – социальной реакции, мы подчиняем этой схеме и участие в данном процессе контекста. Тем не менее, несмотря на его влияние на всю цепочку социальной деятельности журналистики, основная задача событийного контекста – обеспечить адекватное понимание полученного сообщения и соотнести его с уже имеющимися у аудитории сведениями по теме. Иначе говоря, это дескриптивный этап. Высокая осведомленность (компетентность) потребителя является целью журналистики. Однако эта осведомленность выражается не в усвоении смысла передаваемого медиасообщения (новых сведений) потребителем, а скорее – в поддержании в нем всего уровня компетентности, который подразумевает значительно более глубокое погружение в событийную ткань.

Отсюда контекстное функционирование дискурса движется от понимания события и включения его в информационную компетентность аудитории к социальной осведомленности, иначе говоря, происходит прояснение того, как новые сведения отражаются на жизни потребителя. Это означает, что содержание контекста меняется, он становится *социальным*. Оценка новых сведений происходит с точки зрения того, как медиасообщение вписывается в функционирование социальной системы сообщества (этноса, региона, страны и т.д.). Социальный и событийный медиаконтексты органично связаны друг с другом, поскольку журналистика является институтом, призванным

регулировать отношения в обществе. Значительная часть медиасообщений обладает этим качеством. Это значит, что обращение к той или иной теме / проблеме продиктовано социальной целесообразностью. В частности, журналистский текст о том, что рабочие завода устроили забастовку, носит социальный характер, поскольку свидетельствует о проблемах, существующих в отношениях руководства и рабочих (социальный конфликт). На уровне событийного контекста происходит установление смысла сообщения. Как полагает Т.А. ван Дейк, осуществляется выбор определенного «фрейма», той типовой ячейки, в которую следует отнести данное сообщение и тем самым установить необходимые взаимосвязи с окружающими типовыми сведениями о мире, которыми располагает индивид. Социальным контекст становится тогда, когда сообщение о забастовке обретает оценку. Эта оценка и будет являться средством внедрения медиатекста в функционирование социальной системы. В данном случае опыт предыдущих сообщений о забастовках в регионе, стране, мире дает основания для определения и прогноза: какие последствия вызовет эта забастовка. Типовой реакцией на происходящее может быть оценка всей ситуации: на других заводах такие забастовки кончились развалом предприятий, так что и здесь, наверное, будет также. С другой стороны, такая реакция может быть связана с каким-либо одним элементом сообщения: этот завод возглавляет господин N. А господин N – известный проныра, так что рабочим в любом случае ничего не светит. В приведенном примере социальный контекст является активным, поскольку сама тема публикации актуальна с точки зрения общественного функционирования. В случае, когда эта социальная актуальность отсутствует, исчезает и социальный контекст. В частности, текст о том, что житель Прибайкалья мастерит большую бочку, чтобы в ней переплыть Байкал, как в песне («Славное море – священный Байкал, славный корабль – омулевая бочка»), безусловно, вызовет любопытство потребителя, но не даст социального осмысления. В результате социальный контекст у сообщения будет отсутствовать.

Культурологический контекст – контекст, который выбивается из этапности прохождения медиатекста от понимания к социальному действию. Значительная его часть связана с реализацией сознательных (в меньшей степени) и бессознательных (в большей степени) установок, проистекающих из глубокой традиции поведения и мыш-

ления человека данного сообщества. Поэтому он накладывает отпечаток на все элементы коммуникативного взаимодействия, это своеобразный контекст фона. При этом, являясь базисом социального мироустройства сообщества, он трудно поддается систематизации и структурированию в функционировании медиадискурса. Его объем и глубина не позволяют представить его как строгую и однозначно упорядоченную систему. Культурологический контекст содержит сведения всей массы культуры сообщества, из которых некоторая часть была активирована и вышла на уровень социального контекста. Однако взаимосвязи с остальным массивом традиции накладывают отпечаток на весь комплекс социального здания, отражаясь в том числе и на медиадискурсе и всех его элементах. При этом составляющие культурологического контекста всеобъемлющи и находятся друг с другом и с социальным и событийным контекстами в тесной связи, порой переплетаясь и не давая точного ответа о причинах и следствиях своего влияния.

Структура трех контекстов соотносится с коммуникативной ситуацией, в которой событие, последовательно вписываясь в событийный и социальный контексты, одновременно определяется и активизируется культурологическим контекстом. Содержание текста и психология акторов социальных и коммуникативных ситуаций, направление движения мыслей и поступков лежат именно в этом пространстве традиции.

Обобщая наблюдения за региональным медиадискурсом, можно выявить следующие его типологические черты и свойства:

- определяющими характеристиками региональных типов медиаречи выступают: субъект социального действия, коммуникативная ситуация и контекстная структура дискурса;

- для медиаречи актуальны следующие этапы социального становления медиатекста: создание медиапослания – принятие информации потребителем (понимание) – социальная реакция на медиатекст;

- медиадискурс характеризуется двумя уровнями субъектности героев: институциональным и авторским. Первый ориентирован в основном на реализацию в социальном пространстве, второй – в авторском, однако существуют они в едином медийном пространстве;

- в медийном пространстве функционируют четыре медиатипа субъектов: институт; личность; общество и медиа;

– в медиаполе выстроились отношения автора с потребителем как с «внешним наблюдателем», основная специфика поведения которого – оценивание медийного действия;

– субъекты социального действия своим поведением наполняют медиадискурс содержанием и тем самым создают для массовой аудитории своеобразное медиазрелище;

– важнейшим свойством медиадискурса является его открытость к иным дискурсам социального действия, однако после обработки медиаинструментарием все тексты, сообщения приобретают медийный характер;

– текст является основной единицей медиадискурса. Это «свернутый» коммуникативный акт, в котором могут присутствовать «голоса» собеседников, разворачиваться внутренний диалог;

– коммуникативное измерение функционирования медиатекста опирается на лингвистический базис, в качестве которого выступают типы пассажей, универсальные типы целеполаганий любых речевых конструкций: нарративный, дескриптивный, объяснительный, инструктивный и увещательный, убеждающий;

– важнейшим фактором функционирования медиаполя является тематическая традиция восприятия сложившихся в регионе тем медиатекстов: они определяют не только традиции написания и описания устоявшихся тем, но и традиции их восприятия;

– решающей характеристикой коммуникативной медиаситуации, в которой участвует массовая аудитория, являются текст и контекст: последний воспроизводит не столько ситуацию, но коммуникативный процесс;

– контекст текстов СМИ имеет три пласта: событийный (медиаконтекст), социальный (контекст социального действия) и культурологический (контекст фона).

Литература

1. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Б. : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000.

2. Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагма-лингвистический и когнитивный аспекты. Тамбов : Изд-во Тамбов. гос. техн. ун-та, 2007. 120 с.

3. Бахтин М.М. Собр. соч. : в 7 т. М. : Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. С. 18–44.
4. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
5. Сибиданов Б.Б. Таблоидный дискурс в региональной прессе: послание читателю (на материалах медиа Бурятии) // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. Гуманитарные науки. 2018. № 6. URL: <http://www.novsu.ru/file/1483634> (дата обращения: 13.03.2019).
6. Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 90 с.
7. Башкуев Г. Против лома нет приема // Молодежь Бурятии. 2018. № 16. С. 7.
8. Башкуев Г. Вне игры // Молодежь Бурятии. 2018. № 18. С. 7.
9. Башкуев Г. Без пяти 11 // Молодежь Бурятии. 2018. № 22. С. 7.
10. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М. : Сов. энцикл., 1990. 683 с. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/238b.html> (дата обращения: 13.03.2019).

Parameters of Regional Media Discourse: Subject, Communicative Situation, Context Structure

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2020, 23, pp. 143–159

DOI: 10.17223/23062061/23/9

Bair B. Sibidanov, Buryat State University (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: sibibair@gmail.com

Keywords: regional media discourse, types of subjects of social action, communicative situation, media text, event-related media context, social media context, cultural media context.

The article examines the main characteristics of regional media discourse defined on the basis of Teun. A. van Dijk's cognitive discourse theory. The article focuses on three aspects: the types of subjects of social action; features of the media text; and the context structure of regional media discourse. The author proposes to introduce a regulatory goal setting along with the cognitive one into the media discourse functioning model. This change influences the ultimate goal of media functioning. According to the author, apart from giving information, journalists and their articles have an important task of encouraging social action. Therefore, the article concentrates on the types of subjects of social action, but not on the types of authors of media texts. Subjects of social action are: institution, person, media, and society. All of them (except for society) can act both as authors and main characters in media texts. Society is the only subject of the media field that is symbolic. Its function is to give an ethical assessment of the content of the media message. Mass audience is characterised as generally passive, and it is not able to become the subject of media discourse. It leads to the fact that the opponent (interlocutor) of the author cannot take part in shaping the content and developing the dynamics of regional media discourse, like in oral discourse. The characters of the texts, i.e. subjects of social action, do it, depending on

how the author presented them. As a result, the images of subjects become dramatic. Thus, the main communicative factor in shaping media discourse is the activity of the mass media and the authors. The text is an elementary unit of media discourse. The text takes up the functions of a communicative situation and can fill gaps: it can help reconstruct some characteristics of the simulated speech communication. The media text (in the intended role characteristics of the consumer) contains conditions for the consumption of the mass product. The importance of the context increases in the conditions when a typical situation becomes equal to the text of a media message. In accordance with regulatory goal setting, the structure of the media context is as follows: the event-related context layer is on the surface, the social is deeper and leads to the development of social change in the actions and the worldview of the consumer, and the cultural media context is the most profound and penetrating. All layers of the media context are closely intertwined and connected with each other.

References

1. Dijk van, T.A. (2000) *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Translated from English. Blagoveshchensk: BGK of I. A. of Baudouin de Courtene.
2. Grigorieva, V.S. (2007) *Diskurs kak element kommunikativnogo protsessa: pragmalingvisticheskiy i kognitivnyy aspekty* [Discourse as an element of the communicative process: pragmalinguistic and cognitive aspects]. Tambov: Tambov State Technical University.
3. Bakhtin, M.M. (2002) *Sobranie sochineniy v 7 t.* [Collected Works in 7 vols]. Vol. 6. Moscow: Russkie slovari, Yazyki slavyanskoj kul'tury. pp. 18–44.
4. Makarov, M.L. (2003) *Osnovy teorii diskursa* [Foundations of the theory of discourse]. Moscow: Gnozis.
5. Sibidanov, B.B. (2018) Tabloid discourse in the regional Russian press: message to the reader. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo. Gumanitarnye nauki – Memoirs*. 6. pp. 22–27. (In Russian).
6. Kibrik, A.A. (2003) *Analiz diskursa v kognitivnoy perspektive* [Discourse analysis in cognitive perspective]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
7. Bashkuev, G. (2018a) Protiv loma net priema [Might makes right]. *Molodezh' Buryatii*. 16. pp. 7.
8. Bashkuev, G. (2018b) Vne igry [Out of bounds]. *Molodezh' Buryatii*. 18. pp. 7.
9. Bashkuev, G. (2018c) Bez pyati 11 [Five minutes to eleven]. *Molodezh' Buryatii*. 22. pp. 7.
10. Yartseva, V.N. (ed.) (1990) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sov. Entsiklopediya. [Online] Available from: <http://tapemark.narod.ru/les/238b.html> (Accessed: 13th March 2019).

РЕЦЕНЗИИ

УДК 821(4)«18»-052
DOI: 10.17223/23062061/23/10

В.П. Киржаева, О.Е. Осовский

«БУРЖУАЗНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ» ГЛАЗАМИ ПОСТБУРЖУАЗНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ: О КНИГЕ Т.Д. ВЕНЕДИКТОВОЙ «ЛИТЕРАТУРА КАК ОПЫТ, ИЛИ „БУРЖУАЗНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ“ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ГЕРОЙ». М.: Новое литературное обозрение, 2018. 280 с.

***Аннотация.** В книге известного российского литературоведа Т.Д. Венедиктовой рассматривается актуальная для современной гуманитарной науки проблема литературы как особого социального института, представленная в широком историко-литературном и социокультурном контекстах XIX в. Опираясь на опыт социологической поэтики М.М. Бахтина и его круга, современные западные теории, автор вводит понятие «буржуазный читатель» и использует его как инструмент для анализа появляющихся форм коммуникации писателя и его аудитории в условиях усиления идеологического и социального значения литературы в западном обществе. Новые идеологические, социокультурные и эстетические смыслы формируются у «буржуазного читателя» в условиях повышенного интереса к прозе, прежде всего к роману (О. де Бальзак, Г. Мелвилл, Г. Флобер, Джордж Элиот), и в процессе прозаизации лирики (У. Вордсворт, Э.А. По, Ш. Бодлер, У. Уитмен).*

Ключевые слова: *литературный опыт, «буржуазный читатель», диалог писателя и аудитории, прозаизация лирики, социологическая поэтика М.М. Бахтина, Т.Д. Венедиктова.*

Новая монография известного российского литературоведа доктора филологических наук, профессора Московского университета Т.Д. Венедиктовой посвящена проблеме, в последние годы активно занимающей умы философов, культурологов, филологов и иных представителей гуманитаристики. В условиях радикального изменения социального и экономического статуса литературы в целом и писателя в частности, медленного умирания «литературоцентрической»

парадигмы культуры, победы non-fiction над fiction, телесериалов – над книжным форматом любого, даже развлекательного нарратива вопрос о роли читателя перестает быть элементом рецептивной эстетики или психологии чтения и ощутимо требует новых подходов для своего раскрытия. В интерпретации Т.Д. Венедиктовой читатель – полноправный участник творческого процесса, обретающий новый культурно-исторический и художественно-эстетический опыт в ходе своего общения с литературным произведением, созидающий новые смыслы, порой кардинально отличающиеся от тех, которые закладывал в текст его создатель. Это, конечно, не описывавшиеся П. де Маном «аллегории чтения» [1], ибо речь идет не о «деконструкции», а о конструировании читателем на определенном историческом отрезке новых смыслов и новых ценностей. Проблематика книги не включает не раз уже описанные механизмы работы массового книжного рынка, где читатель является исключительно объектом воздействия [2]. Для историка и теоретика литературы, тонкого и глубокого интерпретатора новейших открытий «западной теории» принципиально важен иной момент: «Сначала мне казалось, что написать книжку будет легко. В конце концов, про романы, поэмы, стихотворения, которые в ней разбираются, я каждый год читаю лекции в курсе истории зарубежной литературы, а новая рамка – вот она, найдена: способ чтения, внутренне адекватный способу письма и определенной исторической ситуации, конструкции субъекта...» [3. С. 5].

Представленное фигурой «буржуазного читателя» пересечение литературно- и культурно-исторического измерений с теоретико-литературным позволило Т.Д. Венедиктовой позиционировать себя в границах социологической поэтики «круга Бахтина». При этом исследовательская технология, апробированная в монографии, принципиально не имеет ничего общего ни с традиционной социологией чтения, ни с новой социологией читателя. Опорный пункт содержится в развернутой цитате из «Слова в жизни и слова в поэзии», интегрированной в важнейший авторский послыл: «Художественное следует понимать как “особую форму социального общения, реализованного и закрепленного в материале художественного произведения”, которая (форма) в то же время и “не изолирована: она причастна единому потоку социальной жизни... вступает во взаимодействие и в обмен силами с другими формами общения”» [Там же. С. 13]. Похоже, специа-

листы по Бахтину и его кругу вряд ли безоговорочно согласятся с предлагаемой здесь схемой рецепции социологической поэтики Бахтина, В.Н. Волошинова и П.Н. Медведева, однако для замысла книги существен прежде всего тот новый подход к художественно-эстетическим явлениям, который разрабатывался Бахтиным и его единомышленниками во второй половине 1920-х гг. [4, 5]. Более того, книга становится своеобразным продолжением и развитием обозначенного тезиса: «Проект “социологической поэтики”, принятый к разработке в круге Бахтина почти сто лет назад, развивается сегодня очень разнообразно. В русле “нового историзма” и “теории практик”, культурной прагматики, рецептивных, дискурсологических, когнитивистских штудий предпринимаются все новые попытки понять эстетическое как разновидность социального, а социальное – во внутренней связи с чувственно-эстетическим. Продуктивность этих подходов определяется в конечном счете умением раскрыть “имманентную социологичность” всегда неповторимой художественной формы – за столетие эта задача ничуть не стала легче, она перед нами и стоит» [3. С. 5–6].

Отсылки к Бахтину – не только дань сегодняшней гуманитарной моде. Бахтин-читатель и создатель новых художественно-эстетических смыслов – особая и еще не исследованная страница истории интерпретаций художественных текстов, складывающейся в последние полтора столетия [6]. Обращаясь к категориям «большого» и «малого времени» (истории и современности), разрабатываемым Бахтиным с начала 1930-х гг., можно увидеть механизм создания литературного канона и линейки великих имен, который будет четко описан мыслителем на рубеже 1960–1970-х гг.: «Шекспир использовал и заключил в свои произведения огромные сокровища потенциальных смыслов, которые в его эпоху не могли быть раскрыты и осознаны в своей полноте. Сам автор и его современники видят, осознают и оценивают прежде всего то, что ближе к их сегодняшнему дню. Автор – пленник своей эпохи, своей современности. Последующие времена освобождают его из этого плена <...>» [7. С. 455]. Подчеркнем, что при этом особое внимание поздний Бахтин уделяет читателю (в его терминологии – слушателю), подчеркнута противопоставляя его «всепонимающему идеальному слушателю» структуралистов [Там же. С. 427]. И хотя своего определения читателя Бахтин не дает,

функции его в процессе коммуникации с автором несложно понять сквозь призму бахтинской критики структуралистской версии: «Это, конечно, не эмпирический слушатель и не психологическое представление, образ слушателя в душе автора. Это – абстрактное идеальное образование. Ему противостоит такой же абстрактный идеальный автор. При таком понимании, в сущности, идеальный слушатель является зеркальным отражением автора, дублирующим его. Он не может внести ничего своего, ничего нового в идеально понятое произведение и в идеально полный замысел автора. Он в том же времени и пространстве, что и сам автор, точнее, он, как и автор, вне времени и пространства (как и всякое абстрактное идеальное образование), поэтому он и не может быть другим (или чужим для автора), не может иметь никакого избытка, определяемого дружеством. Между автором и таким слушателем не может быть никакого взаимодействия, никаких активных драматических отношений. Ведь это не голоса, а равные себе и друг другу абстрактные понятия» [7. С. 427–428].

Не станем утверждать, что «буржуазный читатель» Т.Д. Венедиктовой безоговорочно соответствует «эмпирическому слушателю» Бахтина, однако близость их очевидна, как очевидны и причины, по которым именно бахтинский проект социологической поэтики кажется исследовательнице ключом к решению обозначенных проблем. Дело не только в том, что бахтинские интуиции отчетливо переключаются с новейшими поисками западной гуманитаристики, активно ищущей выходы из сегодняшнего кризиса [8]. Западная философия, социология и культурология все настойчивее пытаются осмыслить историко-литературный материал не столько в его собственно литературно-эстетическом звучании, но скорее как важнейшую часть сложившихся социальных и идеологических коммуникаций, совокупность исторических свидетельств, даже более адекватных и достоверных, чем архивный документ. В этом контексте «буржуазный читатель» – полноправный участник длительного процесса формирования современной западной культуры, а его голос в диалоге равнозначен голосу автора. Таким образом, вместо объекта авторского воздействия читатель обретает особую субъектность. Нельзя сказать, что историкам литературы не была известна эта роль читателя, ведь и буржуазный реализм начала XVIII в. в значительной степени вырастает с оглядкой на вкусы и ожидания той самой, все еще относитель-

но небольшой городской прослойки, которая готова платить полной монетой за кажущуюся ей правдивой историю Робинзона Крузо или Молль Флендерс. Впрочем, механизмы «литературно-коммерческих» опытов Д. Дефо или превращение издателя письмовников С. Ричардсона в успешного автора эпистолярных романов по понятным причинам исследовательницу не интересуют: фаза активности «буржуазного читателя» этой эпохи слишком невелика, а его участие ограничивается по преимуществу ролью мнимого собеседника, к которому обращается фиктивный или реальный автор (от Д. Дефо до Г. Филдинга и Л. Стерна) только для того, чтобы разъяснить собственный взгляд на происходящее в книге.

Т.Д. Венедиктова не случайно выбирает XIX в., когда буржуазность достигает своей высшей точки и проявляется во всем. Цитата из К. Маркса и Ф. Энгельса здесь не менее органична, чем характеристика эпохи, предложенная современными историками и социологами. Автор превосходно чувствует атмосферу и ритм времени, все более обретающего свою особую буржуазную социальность, одной из характерных черт которой становится распространение книги и чтения, окончательная демократизация читательской аудитории и теснейшим образом связанная с ней демократизация литературного процесса. Начинают работать различные факторы – от постепенного удешевления типографского производства, расширения сети публичных библиотек, делающих доступной дорогую книгу, роста грамотности и появления свободного времени у значительной части работающих до роста зарплат и создания новых осветительных приборов, дающих возможность читать и вечером и ночью.

Не менее примечательной оказывается и возможность реального диалога читателя и писателя: популярные авторы не только книг, но и журнальных колонок становятся объектом публичного интереса, адресатами для огромной читательской аудитории, изливающей им свою душу, рассказывающей собственные истории и предлагающей их в качестве сюжетов для литературных произведений. Подобная «интерактивность» вряд ли оказывает серьезное воздействие на авторов, однако показательна как свидетельство вовлеченности читателя в процесс его взаимодействия с писателем. Т.Д. Венедиктова предлагает следующую формулу: «<...> литературное воображение – это по сути, взаимодействие или кооперация, опосредованные сложно устро-

енным, косвенным высказыванием и вдохновляемые заинтересованностью его участников друг в друге. Пишущему *интересно*, чтобы его прочли и разделили тем самым его опыт, – читающему *интересно* соприкоснуться с чужим опытом и расширить, пересоздать собственный. В отсутствие интереса книга вообще не может быть написана – не пробуждая интереса, она не может достичь читателя и из материального объекта превратиться в эстетический» [З. С. 88]. Материалом для подтверждения адекватности предложенной формулы становятся тексты трех самых «буржуазных» западных литератур – английской, французской и американской. При этом тотальная буржуазность эпохи такова, что выбору конкретного автора не препятствует его собственная антибуржуазная позиция. Она – своего рода оборотная сторона все той же медали. Оттого присутствие в книге По, Бодлера или Уитмена не менее оправданно, нежели Бальзака или Джордж Элиот, а развернутый анализ произведений убедительно обрамляется отсылками к социальному, экономическому и идеологическому опыту эпохи.

Переход от теоретического описания фигуры «буржуазного читателя» к историко-литературной интерпретации возможностей и путей обретения им эстетического опыта дан автором как последовательная смена поэзии прозой. Прозаизация лирического видения мира и человека находит свое продолжение в романе как «буржуазной эпосе» (Гегель), действительно становящемся вершиной художественных поисков западной словесности XIX в. «В дальнейшем мы будем исходить из базового допущения о наличии связи между поведением социальным и поведением эстетическим, а также воображением экономическим и воображением литературным, – поясняет автор свой замысел. – На примере ряда представительных текстов начала–середины XIX столетия мы попробуем реконструировать модель читательского поведения, которая складывалась, поддерживалась и варьировалась в западноевропейской литературной практике. Эту идеальную модель (или тип) едва ли можно отождествить с конкретной когортой читателей или с кем-то индивидуально, но она не бесполезна хотя бы тем, что позволяет угадать вектор происходящих изменений, – связанный, бесспорно, со становлением “современности”, включая не только идеологическое, но и чувственно-эстетическое ее наполнение» [Там же. С. 89]. Особую убедительность изложенной в книге концепции придает не только опора на авторитетный круг клас-

сиков гуманитарной науки (от не раз уже упоминавшегося М. Бахтина, Э. Ауэрбаха, Р. Якобсона до Ф. Бодрийера, Ф. Джеймисона или Д. Хиллис-Миллера), но и точно выстроенная композиция монографии, историко-литературные части которой становятся закономерным продолжением и развитием теоретических постулатов.

Примечательно, что традиционное для истории литературы XIX в. противопоставление поэзии прозе, а романтизма – реализму в рамках предложенной Т.Д. Венедиктовой методологии оказывается почти неактуальным: в пределах обретения нового читательского опыта важны конкретные характеристики его источника, меняющаяся позиция создателя текста, его взгляд на преобразующуюся действительность. «Новая буржуазность» У. Водсворта не препятствует прорастанию романтического настроения, однако у читателя интерес вызывает и новое звучание его лирики, обусловленное отчетливой ее прозаизацией. Анонимно изданный сборник лирических баллад поэта в интерпретации Т.Д. Венедиктовой – своеобразный эксперимент, нацеленный на то, чтобы показать читателю иную, отличную от традиционных сентименталистских зарисовок сельскую Англию. Прогулка «пешком по сельской местности» [3. С. 98] предполагает особую не только авторскую, но и читательскую оптику, иной режим коммуникации, где у читателя появляется возможность дорисовать в своем воображении недорисованное и дорассказать недосказанное. С этим читателем У. Водсворт разговаривает свободно, легко отказываясь от устоявшихся поэтических штампов и формул, считая детали рассказа и саму выставленную на суд читателя историю куда более важной, чем поэтическая форма. «...опорой и адресатом поэтического эксперимента признаваем фактически городской средний класс – люди, достаточно образованные, чтобы питать интерес к литературе, и достаточно состоятельные, чтобы его удовлетворять. Они же более, чем кто-либо, подвержены эффекту современной информационной среды и в силу этого далеки от канонов высокого поэтического вкуса. Но это не значит – безнадежны» [Там же. С. 100], – констатирует исследовательница.

Иные взаимоотношения с читателем складываются у Э.А. По, сочетающего изысканно-вычурный стиль поэтического текста с кажущейся простотой новеллы, адресованной аудитории популярных журналов. Однако в подобной двойственности нет внутреннего противо-

речия. Отточенность поэтического мастерства находит продолжение в мастерстве прозаическом не только тогда, когда проза По начинает напоминать чеканностью ритма стихотворный текст, но и в продуманной организации его «страшных» рассказов. «...постепенное и всегда частичное осознание героем-рассказчиком собственного безумия определяет динамику интеракции с читателем: осозная – по нарастающей – ненадежность повествователя, мы тем глубже вовлекаемся в его опыт» [3. С. 122–123]. Т.Д. Венедиктова наглядно показывает, как работает данный механизм в знаменитом «Вороне». При этом ей важны и уровень авторской рефлексии, и глубоко осознанный выбор поэтических средств и приемов, и внутренняя установка на игру с читателями, находящая подтверждение в эссе По «Философия творчества». На принципиальный вопрос, как закладывавшийся автором в текст потенциал коммуникации с читателем работает в иные эпохи, Т.Д. Венедиктова находит ответ в статье Р. Якобсона «Язык в действии», где звучат голоса выдающегося лингвиста и мнимых или реальных его попутчиков, которые представляют свое видение «Ворона».

Примечательно и обращение исследовательницы к литературным опытам Ш. Бодлера и У. Уитмена. Находящиеся, казалось бы, на противоположных полюсах эстетического вкуса авторы «Цветов зла» и «Листьев травы» здесь почти союзники. Их объединяет «прозаизация поэзии, ее программное обращение к опыту “низкому” или усредненному и почти шокирующе подробному» [Там же. С. 165].

Впрочем, главная роль в обретении «буржуазным читателем» нового опыта, по понятным причинам, отведена роману. Перед Т.Д. Венедиктовой стояла непростая задача отбора в огромном ряду романских шедевров западноевропейской и американской литературы самых репрезентативных. Решение исследовательницы оказалось более чем субъективно: в числе авторов нет, к примеру, Диккенса, Теккерея, Гюго или Золя. Обозначая пределы нового опыта категориями желания, рефлексии, ограниченности и контактности, Т.Д. Венедиктова выбирает тексты «Шагреневая кожа» Бальзака, «Моби Дик» Мелвилла, «Госпожа Бовари» Флобера и «Мидлмарч» Джордж Элиот. Так, уже у раннего Бальзака складывается формула коммуникации: «...молодой писатель обращается к читающей публике. Он работает в тесном контакте с нею и представляет ее в обоих смыслах слова:

учится у своей аудитории, провозглашая ее своим наставником (maitre), – зависим от нее – уповаает на нее в своем упорном новаторстве» [З. С. 197].

Иногда взаимоотношения книги с читателем продолжают уже без участия автора. Подобным образом представлена история романа «Моби Дик», получившего отклик лишь у части аудитории и на долгие годы забытого, но и здесь потенциал авторской стратегии найдет свою реализацию в недалеком будущем, когда Мелвилла объявят своим предтечей американские модернисты, образующие новый тип его читателя и потребителя его опыта.

Можно предположить, что наибольшую сложность для автора монографии составляло обращение к шедевру Флобера, поскольку сказать что-то новое об одном из самых исследованных романов XIX в. крайне сложно. Погружение «Мадам Бовари» в контекст взаимодействия автора и читателя позволило обойти это препятствие. Позиция Флобера описана как форма сложной игры-противоборства с читателем, которого необходимо заставить поверить в психологическую достоверность внутреннего мира героини, в неизбежность ее поступков и принимаемых решений. Реалистическая деталь играет здесь важнейшую роль, ограничивая полет фантазии и наполняя происходящее особым смыслом. Закономерен и вывод: «Писатель идет по линии наибольшего сопротивления в надежде, что этот трудный путь пройдет и читатель. Он отказывается от забот о героичности героини, о живописности стиля, о занимательности сюжета и тому подобных “важных вещах” <...> Ставка делается, иными словами, не на потребительский интерес к опыту, заранее редуцированному к товарным формам, а на интерес исследовательский и творческий, на соучастие в производстве ценности» [Там же. С. 238].

«Анонимно-творческое соавторство» – именно так обозначает Т.Д. Венедиктова писательскую стратегию Джордж Элиот. Помещенная в финал монографии, эта книга, очевидно, призвана продемонстрировать окончательную победу принципа диалогического взаимодействия буржуазного писателя с читателем, вместе создающих новые смыслы и новые ценности. Философски медлительный, сюжетно малоподвижный, лишенный явной интриги и динамизма действия роман Элиот, однако, позволяет читателю обрести не только некий опыт, но и возможность сопереживающего сотворчества: «...роман

“Мидлмарч” пишется в значительной степени “кем-то другим”. Именно: тем, кто его читает. Понять литературное произведение по-настоящему можно не иначе, как встав в позицию соавтора, – эту мысль Элиот не провозглашает прямо, а раздаривает собственным персонажам, отчего та начинает казаться почти тривиальной (в переводе может и вовсе исчезнуть), отнюдь не будучи таковой» [3. С. 260].

Упоминание о переводе – вовсе не изящная метафора. Роман не только дописывается и дочитывается анонимным соавтором-читателем, но и переписывается переводчиком, позволяющим себе редактировать авторский текст и выбрасывать из него наиболее тяжеловесные философские пассажи. Глубокое знание Т.Д. Венедиктовой английских оригиналов и богатый опыт перевода англоязычной литературы дают ей возможность приоткрыть читателю эту практически неизвестную страницу истории «русской Джордж Элиот» и сделать ее общей частью истории взаимоотношений писательницы и ее аудитории.

Литература, идеология и рынок складываются в треугольник, который, как отмечает автор в заключении, определяет характер развития словесности буржуазной эпохи в период ее расцвета. «Буржуазный читатель», пребывая внутри этого треугольника, оказывается субъектом всех происходящих в нем процессов. Он влияет на литературу в той же мере, в какой литература влияет на него, а литература, в свою очередь, поступательно расширяя границы своего влияния, претендует на то, чтобы стать не только рупором идеологии, но и частью ее. Новая книга Т.Д. Венедиктовой дает ответы не на все вопросы. Сосредоточившись на западном опыте, автор на этот раз практически не коснулся российских реалий, хотя аналогичный круг проблем характерен и для истории русской словесности. Буржуазен ли Пушкин как минимум в своих литературно-экономических предприятиях? А подписчик на его сочинения в 1830-е гг.? Буржуазен ли читатель «Идиота» Достоевского, особенно уже знакомый с «бестселлером» французского буржуазного чтения – «Дамой с камелиями»? Буржуазны или антибуржуазны герои и читатели романов «Что делать?» и «Пролог»?

В книге намечены и перспективы исследования, обращенные к сегодняшним взаимоотношениям литературы и читателя. Где пределы необходимой визуализации текста? Какими окажутся последствия все возрастающей роли читателя в сотворческом процессе на просторах

интернета? Насколько безопасны оказавшиеся в его руках средства медиавоздействия на писателя?

Литература

1. *Де Ман П.* Аллегории чтения. Фигуральный язык Руссо, Ницше, Рильке и Пруста. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. 368 с.
2. *Осовский О.Е.* Непростая простота. Страна, читающая «масслит» или не читающая совсем? // Вопросы литературы. 2009. № 3. С.46–69.
3. *Венедиктова Т.* Литература как опыт, или «Буржуазный читатель» как культурный герой. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 280 с.
4. *Махлин В.Л.* Комментарии // Бахтин М.М. (под маской). Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М. : Лабиринт, 2000. С. 590–601.
5. *Николаев Н.И.* Издание наследия Бахтина как филологическая проблема (Две рецензии) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1998. № 3. С. 114–157.
6. *Бахтин М.М.* Ответ на вопрос редакции «Нового мира» // Собрание сочинений. М. : Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. С. 451–457.
7. *Бахтин М.М.* Рабочие записи 60-х – начала 70-х годов // Собрание сочинений. М. : Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. С. 371–439.
8. *Osovsky O.* The Destinies of Meta-Criticism in the Era of Mega-Crisis // Social Sciences. A Quarterly Journal of the Russian Academy of Sciences. 2018. Vol. 49, № 2. P. 132–143.

A Bourgeois Reader Through the Eyes of a Post-Bourgeois Researcher: On Tatiana Venediktova's *Literature as an Experience, or a "Bourgeois Reader" as a Cultural Hero*. Moscow: New Literary Observer, 2018. 280 p.

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2020, 23, pp. 160–173

DOI: 10.17223/23062061/23/10

Vera P. Kirzhaeva, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

E-mail: kirzhaeva_vera@mail.ru

Oleg E. Osovskiy, Mordovia State Pedagogical Institute named after M.E. Evseev (Saransk, Russian Federation). E-mail: osovskiy_oleg@mail.ru

Keywords: literary experience, bourgeois reader, writer and audience, prosaisation of lyrics, Mikhail Bakhtin's sociological poetics, Tatiana Venediktova.

Tatiana Venediktova's new book is devoted to the problem particularly relevant for contemporary philosophers, culturologists and philologists. In the situation of radical changes in the social and economic status of literature, the question of the reader's role ceases to be an element of receptive aesthetics or the psychology of reading only and strongly requires new approaches for its research. In Venediktova's interpretation, the reader is a real participant in the creative process and gets new experience through

communication with the literary work creating new meanings, often different from those the author laid in the text. The figure of a bourgeois reader is presented through the intersection of literary history, cultural history and literary theory dimensions. This gave Venediktova the possibility to use the sociological poetics of Mikhail Bakhtin's circle. At the same time, Venediktova's research methods have little in common with the traditional sociology of reading and the new sociology of reader. The reference to Bakhtin is not only a tribute to today's fashion in the humanities. Bakhtin as a reader and creator of new artistic and aesthetic meanings is a special and not yet explored part in the modern history of literary text interpretation. In the later fragments, Bakhtin offers his own understanding of the image of the reader opposing it to the structuralist image of the ideal reader. Venediktova chooses the 19th century as a field of her research. It is the historical period when the bourgeois class consciousness reaches its highest point and acquires a special sociality; one of its characteristic features is the wide-spread distribution of books and reading and the final democratisation of the readership. The author presents a transition from the theoretical description of the bourgeois reader to the historical interpretation of the possibilities and ways of gaining aesthetic experience as a consistent transfer from poetry to prose. The prosaisation of the lyrical vision of the world and man finds its continuation in the novel as a "bourgeois epic" (Hegel). The concept of the book is especially convincing due to the author's reliance on the authoritative circle of the classics of the contemporary humanities as well as on the well-made and logical composition of the text. The literary-historical parts of the monograph become a natural continuation and development of theoretical ideas. In gaining new reader experience, the specific characteristics of its source, the changing position of the creator of the text are important. It equally works in relation to the poetry of William Wordsworth, Edgar Allan Poe, Walt Whitman, Charles Baudelaire and to the novels of Honoré de Balzac, Herman Melville, Gustave Flaubert, and George Eliot. Another important feature of the book is the prospects of the research. The problem of the bourgeois reader seems relevant for the sociocultural history of Russian literature and for the understanding of the role and interaction of the reader and writer in the space of today's World Wide Web.

References

1. De Mans, P. (1999) *Allegorii chteniya. Figural'nyy yazyk Russo, Nitsشه, Ril'ke i Prusta* [Allegories of Reading. The Figurative Language of Rousseau, Nietzsche, Rilke and Proust]. Yekaterinburg: Ural State University.
2. Osovsky, O.E. (2009) *Neprostaya prostota. Strana, chitayushchaya "masslit" ili ne chitayushchaya sovsem?* [Difficult simplicity. A country that reads "masslit" or nothing?]. *Voprosy literatury*. 3. pp. 46–69.
3. Venediktova, T. (2018) *Literatura kak opyt, ili "Burzhuaznyy chitatel' " kak kul'turnyy geroy* [Literature as an Experience, or a "Bourgeois Reader" as a Cultural Hero]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

4. Makhlin, V.L. (2000) Kommentarii [Comments]. In: Bakhtin, M.M. *Freydizm. Formal'nyy metod v literaturovedenii. Marksizm i filosofiya yazyka. Stat'i* [Freudianism. Formal method in literary criticism. Marxism and philosophy of language. Articles]. Moscow: Labirint. pp. 590–601.
5. Nikolaev, N.I. (1998) Izdanie naslediya Bakhtina kak filologicheskaya problema (Dve retsenzii) [Publication of Bakhtin's legacy as a philological problem (Two reviews)]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*. 3. pp. 114–157.
6. Bakhtin, M.M. (2002a) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 6. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 451–457.
7. Bakhtin, M.M. (2002b) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 6. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 371–439.
8. Osovsky, O. (2018) The Destinies of Meta-Criticism in the Era of Mega-Crisis. *Social Sciences. A Quarterly Journal of the Russian Academy of Sciences*. 49(2). pp. 132–143. DOI: 10.21557/SSC.51262192

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ащеулова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и русской литературы XX века Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета.

E-mail: asheulova@mail.ru

Булдакова Юлия Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и интегрированных коммуникаций Вятского государственного университета.

E-mail: fatalib@mail.ru

Головко Вячеслав Михайлович – доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной и мировой литературы Северо-Кавказского федерального университета.

E-mail: vmgolovko@mail.ru

Долгушин Дмитрий Владимирович – доктор филологических наук, доцент кафедры истории и теории литературы и кафедры истории, культуры и искусств Гуманитарного института Новосибирского национального исследовательского государственного университета.

E-mail: D_Dolgushin@mail.ru

Киржаева Вера Петровна – доктор педагогических наук, профессор кафедры русского языка, Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева.

E-mail: kirzhaeva_vera@mail.ru

Климова Ольга Викторовна – кандидат филологических наук, редактор редакционно-издательского отдела Издательства Уральского университета; доцент кафедры издательского дела Уральского федерального университета.

E-mail: olvik@yandex.ru

Осовский Олег Ефимович – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник кафедры лингвистики и перевода Мордовского государственного педагогического института им. М.Е. Евсевьева.

E-mail: osovskiy_oleg@mail.ru

Панина Нина Леонидовна – доктор искусствоведения, доцент кафедры истории, культуры и искусств Гуманитарного института Новосибирского государственного университета.

E-mail: pa.nina@mail.ru

Пирогова Елена Павловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, истории и правового обеспечения Российского государственного профессионально-педагогического университета.

E-mail: eppirogova@yandex.ru

Пржигоцкий Владислав Александрович – аспирант Томского государственного университета.

E-mail: hoa1d@mail.ru

Плотникова Ирина Юрьевна – заведующая редакционно-издательским отделом Издательства Уральского университета; старший преподаватель кафедры издательского дела Уральского федерального университета.

E-mail: plotnikova.irina@urfu.ru

Сибиданов Баир Борисович – кандидат исторических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой журналистики и рекламы Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова.

E-mail: sibibair@gmail.com

Шишкин Дмитрий Алексеевич – аспирант Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: dmishkindmishkin@gmail.com

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ В НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ»

Редакция принимает статьи, набранные в текстовом редакторе WinWord. Статьи должны быть представлены в электронном и распечатанном виде (формат А4). Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно предоставляются в отдельных файлах, вложенных в авторскую электронную папку.

Все рисунки выполняются только в черно-белой гамме, полноцветные иллюстрации не допускаются.

В начале статьи указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК), приводятся (каждый раз с новой строки):

- 1) инициалы и фамилия автора;
- 2) название статьи (строчными буквами, например: Идеологический контекст «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году»);
- 3) краткая аннотация (500 знаков), которая выделяется курсивом и отделяется от текста статьи пропуском строки;
- 4) ключевые слова (3–5).

Текст набирается шрифтами Times New Roman, размер шрифта – 14 кеглей, межстрочный интервал – полуторный, поля (все) – 1,5 см, абзацный отступ – 0,5 см.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи такие шрифты должны быть представлены в редакцию в авторской электронной папке.

Нумерация страниц сплошная, с 1-й страницы, внизу по центру.

Ссылки на использованные источники приводятся после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования, тома и страницы, например: [1. Т. 2. С. 25]. При повторном обращении к одному и тому же источнику в пределах страницы ссылка оформляется следующим образом: [Там же. С. 100] – если источник на русском языке, или [Ibid. P./S. 100] – если на английском / немецком. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера), предваряется словом «Литература» и оформляется в порядке упоминания или цитирования в тексте статьи (не в алфавитном порядке!). Под одним номером допустимо приводить только один источник. Обязательно указание количества страниц в используемых источниках.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок. Если в примечаниях присутствуют ссылки на используемую литературу, номер этих источников в списке литературы должен быть соотнесен с нумерацией источников в основном тексте статьи, после которых (перед которыми) вставлено примечание со ссылкой на источник. Примеры оформления можно посмотреть на сайте журнала (<http://vestnik.tsu.ru/book/>) в разделе «Архив».

Двумя отдельными файлами (а также в виде распечаток) обязательно предоставляются:

1. Англоязычный блок:

- английский вариант инициалов и фамилии автора;
- перевод названия своей организации;
- перевод названия статьи (например: Ideological context of "Collection of Poems Relating to the Unforgettable 1812");

– автореферат статьи на английском языке (2 500–3 000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке;

– перевод ключевых слов на английский язык.

2. Сведения об авторе по форме:

– фамилия, имя, отчество (полностью);

– ученая степень, ученое звание;

– должность и место работы / учебы (кафедра / лаборатория / сектор, факультет / институт, вуз / НИИ и т.д.) без сокращений, например: **Киселев Виталий Сергеевич** – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: kv-uliss@mail.ru

Кроме того, отдельно в том же файле указываются:

– Ф.И.О., должность и место работы научного руководителя (для студентов, аспирантов и соискателей);

– специальность (название и номер по классификации ВАК);

– телефоны (рабочий, сотовый).

Статья и сведения об авторе заверяются подписью автора (и научного руководителя – в случае, если автор не имеет ученой степени).

Всего оформляется и подается три электронных и бумажных документа:

1) текст статьи с аннотацией на русском языке;

2) английский вариант имени и фамилии автора, названия своей организации; перевод названия статьи и ключевых слов; автореферат статьи на английском языке (2 500–3 000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке;

3) сведения об авторе.

Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например, Ivanov1.doc, Ivanov2.doc, Ivanov3.doc) и вложены в папку, названную аналогично (например, Ivanov). При передаче электронной папки обязательно использование архиваторов WinZip или WinRar (например, Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Авторы должны представить в редакцию заполненный бланк, в котором указывается согласие автора на публикацию статьи и размещение ее в интернете. Письмо должно быть подписано автором и заверено в организации, в которой работает или обучается автор. В случае соавторства каждый из авторов подписывает и заверяет отдельное письмо.

Статьи принимаются по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет (ГУ), филологический факультет, редакция журнала «Текст. Книга. Книгоиздание», Воробьевой Татьяне Леонидовне*.

Электронные версии материалов обязательно размещаются в «личном кабинете» автора на сайте журнала <http://vestnik.tsu.ru/book/>

После регистрации и прикрепления статьи авторы имеют возможность отслеживать изменение ее состояния (получение бумажного варианта, результат рецензирования и т.д.).

---

* По желанию автора бумажные варианты могут быть заменены сканированными PDF-файлами и представлены в редакцию в отдельной заархивированной папке посредством прикрепления на сайте параллельно с электронными вариантами материалов.

Научно-практический журнал
ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ
TEXT. BOOK. PUBLISHING

2020. № 23

Редактор Н.А. Афанасьева
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелююр

Подписано в печать 15.09.2020 г. Формат 60×84¹/₁₆.

Печ. л. 11; усл. печ. л. 10,2.

Тираж 50 экз. Заказ № 4407. Цена свободная

Дата выхода в свет 18 сентября 2020 г.

Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru